

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.)

Учебное пособие

УДК 336.2(571.1/.5)(091)
ББК 65.9(2)261.3г
О-95

*Печатается по решению учебно-методической комиссии
исторического факультета ИГУ*

Авторский коллектив:

Л. М. Дамешек (введение, очерки 1, 5, 7),
И. Л. Дамешек (очерки 1, 2), В. П. Шахеров (очерк 3),
А. С. Маджаров (очерк 4), Т. А. Перцева (очерк 6)

Рецензенты:

А. А. Иванов, д-р ист. наук, проф.
Л. В. Курас, д-р ист. наук, проф.

Ответственный редактор:

Л. М. Дамешек, д-р ист. наук, проф.

О-95 **Очерки** историографии Сибири эпохи империи
(XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек,
В. П. Шахеров, А. С. Маджаров, Т. А. Перцева. – Ир-
кутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 261 с.

ISBN 978-5-9624-1442-3

В учебном пособии дается характеристика основных историографических концепций истории Сибири XVIII – начала XX в. Особое внимание уделяется вопросам организации административного устройства и управления, истории городов и градостроительной политике государства, ясной политике и ссылке как наиболее характерным особенностям истории Сибири. В первый очерк пособия специально выделена характеристика историографического осмысления современниками и потомками ментальных и географических рамок Сибири.

Учебное пособие предназначено для бакалавров, магистрантов и аспирантов исторических факультетов, изучающих курсы «История Сибири», «Историография Сибири», «История сибирского города», «Сибирь в составе Российской империи», историков, краеведов и всех интересующихся историей Сибири.

УДК 336.2(571.1/.5)(091)
ББК 65.9(2)261.3г

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Очерк 1. Азиатская Россия в ментальных и географических рамках современников и потомков	12
Очерк 2. «Образы окраин» империи как предмет отечественной и зарубежной историографии	15
Очерк 3. Формирование городской среды Сибири до-революционного периода в отечественной и зарубежной историографии	68
Очерк 4. Сибиряк А. П. Щапов: демократическая концепция истории России в историографии XIX – начала XXI в.	135
Очерк 5. Сибирские реформы 1822 г. в отечественной и зарубежной историографии	184
Очерк 6. Иркутское декабристоведение: история, итоги и задачи изучения	210
Очерк 7. Историография ясачного режима в Сибири	241
Заключение	261

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к феномену российской государственности, активно демонстрируемый в последнее время представителями различных наук – историками, юристами, географами, политологами и др., позволил вынести на обсуждение общественности сложные комплексные проблемы, решение которых невозможно не только в рамках одного научного направления, но диктуется практическими потребностями разработки парадигмы взаимоотношения регионов и метрополии в масштабах государства. Строго говоря, проблема эта не нова. Она стояла перед самодержавием на протяжении всех трехсот лет существования романовской империи и, как представляется, существует и сегодня. Объясняется это особенностями как исторического развития, так и геополитического строения российской государственности – ее европейско-азиатским строением, огромной протяженностью, пестрым этническим и религиозным составом населения, его образом жизни, культурными традициями... Не последнюю роль играли время и способы включения нерусских народов в состав России. Современная Россия в значительной степени унаследовала особенности геополитической организации империи. Ее традиционное диополе Европа – Азия, неравномерность в экономическом и социокультурном развитии регионов Федерации, сохраняющаяся этническая, религиозная пестрота и имевший в недавнем прошлом место «парад суверенитетов» – все это выдвигают перед теоретиками и практиками государственного строительства весьма непростую и в то же время актуальную задачу выработки концептуальных основ региональной политики новой демократической России. В этом смысле изучение исторического опыта разработки моделей региональной политики в досоветской России является весьма полезным и актуальным. Что касается политического подхода к проблеме, то представляется, что взгляд на нее через призму политики так же правомерен, как через призму философии, религии, культуры и т. д. Хронологические рамки учебного пособия охватывают период с XVIII в. и по 1917 г. Выбор нижней хронологической границы объясняется началом становления империи при Петре Великом и последующими преобразованиями, активной внешней политикой

государства, в том числе и на Востоке. Все это способствовало превращению России в «регулярное государство», росту ее международного авторитета и влияния. Конечная дата исследования – февраль 1917 г., время крушения империи и связанных с ней политических институтов власти и управления. Выделение такого хронологического периода позволяет, как представляется авторам, через призму историографии проследить динамику развития имперских процессов на окраинах государства и, соответственно, самих историографических концепций, с ними связанных, выявить их наиболее характерные и специфические черты, выделить основные этапы отечественной и зарубежной историографии. Территориальные рамки учебного пособия охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. В то же время идеология компаративизма в исторических исследованиях, исповедуемая авторами, повлекла необходимость привлечения и анализа материала, относящегося не только к Сибири, но и другим окраинам империи. В данном случае такими окраинами стали Дальний Восток – на востоке, Польша – на западе, Финляндия – на северо-западе и Кавказ – на юге.

Предметом исследования является историографические концепции оценки правительственной политики по отношению к окраинам государства, но главное внимание сконцентрировано на Сибири. Приоритетное значение уделяется анализу правительственных поисков путей инкорпорации зауральских территорий в экономическое, административно-политическое и социокультурное пространство империи – с одной стороны и отражению в этой политике общих для империи региональных особенностей управления окраинами – с другой.

Важной задачей авторов учебного пособия стало четкое составление понятийного аппарата, без чего было бы невозможно изучение избранной проблематики. Это замечание касается прежде всего таких дефиниций, как «окраина», «империя» и «регион».

Огромная территория России сложилась в результате противоречивого процесса. Земли, вошедшие в состав этого госу-

дарства, отличались не только разнообразием климата, ландшафта, но и уровнем хозяйственного освоения. В Российской империи существовала большая разница между территориями в уровне экономического развития. Региональные особенности управления отдельными, подчас весьма разнообразными территориями огромного государства вырабатывались правительством по мере вхождения этих областей в состав России и упрочения власти и авторитета центрального правительства. Известный отпечаток на этот процесс накладывали и субъективные взгляды государственных деятелей каждой эпохи.

Некоторые современные исследователи склонны видеть зачатки региональных подходов в управлении конкретными территориями уже в период существования Древнерусского государства¹. Действительно, отдельные особенности политических взаимоотношений Киева и Новгорода в XI–XIII вв. имели место. Однако вряд ли в этом следует видеть осознанную политику киевских князей. Скорее, такая политика была вынужденной мерой, обусловленной слабостью киевских правителей и рядом иных объективных обстоятельств.

Здесь следует отметить, что понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, но внутреннее содержание его менялось. Изначально понималась как бы его историчность. В XI–XII вв. новгородская знать, включавшая Югорскую землю в Зауралье в состав Великого Новгорода, подразумевала в ней прежде всего пограничную территорию, трактуя ее как границу между Новгородом и иным государством². Однако по мере усиления борьбы Московской Руси с монголо-татарским игом московские власти начинают придавать понятию «окраина» не только географический, но и известный политический акцент. В XV–XVI вв. правительства Ивана III и Василия III, «прибирая к рукам» волости Великого Новгорода, вводили во вновь присоединенных территориях дань в пользу великого Московского князя, рассматривали окраинную «Сибирскую землю» как вновь установленную границу между русским госу-

¹ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Феодализм в истории России. М., 1992. Кн. 1. С. 26–31.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9; Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2. С. 136–139.

дарством и Сибирским ханством¹. Инициатива объединения русских земель могла исходить из центра, которым, по мнению московских дьяков, бесспорно, являлась Москва. Киев, расположенный на окраине государства, объединительным центром выступать уже не мог. Так постепенно выработывалась идеология взаимоотношений и понятий «центр» и «периферия», «окраина». Именно в этот период российской истории под окраиной стали понимать не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении земли. Эта идеология нашла законодательное закрепление в судебныхниках 1497 и 1550 гг. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного, который в 1582 г. своим указом предписывал ссылать преступников в «украинные города Севск, Курск и другие»². С учетом того обстоятельства, что засечная черта на юге России стала складываться только в XVIII в., становится ясным, что в тот период Курск действительно находился «у края» русского государства, являлся его границей, рубежом между Россией и многочисленными ордами еще не покоренных кочевников. Правительство признавало «подвижность» такого рубежа, который как бы отодвигался от центра по мере расширения территории Российского государства, колонизации окраин.

Советские ученые не раз пытались определить содержание дефиниции «окраина». Особенно много писал на эту тему известный исследователь истории Сибири Л. М. Горюшкин. Оценивая вклад этого историка в разработку интересующего нас понятийного аппарата, необходимо учитывать, что основные работы Л. М. Горюшкина были опубликованы в середине 70–80-х гг. XX в., когда основы ленинской методологии в СССР казались незыблемыми. Как известно, В. И. Ленин относил к окраинам «незаселенные или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»³. Основываясь на этом положении, Л. М. Горюшкин отнес Сибирь к окраинам России конца XIX в. В то же время он высказал суждение о том, что «отнесение к окраинам ... уже заселенных и вовлеченных в «земледельческую культуру» ... Царства Польского ... начала XIX в.

¹ Устюжский летописный свод. М., 1954. С. 94.

² Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. Т. 3. 5-е изд. С. 565.

представляется ошибочным»¹. Однако сомнительно, чтобы степень заселенности и земледельческого освоения являлись основными критериями для определения понятия «окраина». Вряд ли это так. Используемый авторами региональный подход к изучению проблемы позволяет утверждать, что история выстраивания отношения различных земель, входивших в состав империи, с центром отнюдь не сводится к земледельческому освоению, заселению и уж тем более к колониальной эксплуатации. Это еще и очень длительный и сложный процесс инкорпорации этих территорий в единую административно-политическую, правовую системы и социокультурную жизнь государства. Присоединение новых обширных территорий, достижение естественных границ рассматривалось правительством как необходимое обеспечение гарантий безопасности, сознание того, что с данной окраины России опасность не грозит². Изучение конкретно-исторического материала свидетельствует о том, что вслед за присоединением перед правительством вставала проблема властного освоения этих земель, а решение проблем хозяйственного обустройства отодвигалось на второй план. Но в силу уже отмеченного нами существенного различия новых земель процесс и методы их хозяйственного и властного освоения не были одинаковыми. Так зарождались «особенные правила» взаимоотношения с новыми окраинными территориями, которые в каждом конкретном случае имели как общие, так и индивидуальные особенности. По мере упрочения самодержавия во внутренней политике начинает четко проследиваться тенденция на ликвидацию остатков былой самостоятельности пограничных и окраинных территорий. На примере Сибири этот процесс в конечном итоге вылился в эволюцию колониальной окраины в периферийную часть государства.

¹ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

² Подробнее о значении фактора «рубеж» в истории см.: Агеев А. Д. Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизованного разлома // Американский и Сибирский фронт : материалы Междунар. науч. конф. 4–6 сент. 1996 г. Томск, 1997. С. 30–36; Он же. Движение России на Восток и США на Запад: сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношение народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : докл. II Междунар. науч.-практ. конф. 11–14 авг. 1997 г. М. ; Иркутск ; Гэгу, 1997. Кн. 2. С. 18–23.

Таким образом, отметим, что определение окраин как «незаселенных или не вполне заселенных, не вполне вовлеченных в земледельческую культуру земель»¹ может быть верным лишь отчасти, поскольку касается только хозяйственной стороны процесса инкорпорации окраинных территорий и совершенно не учитывает административные, правовые, социокультурные аспекты, иными словами, отрывает политику от экономики. Не касаясь споров о понятии «регион», подчеркнем, что под «регионом» подразумевается не административное или политическое образование, а прежде всего исторически сложившаяся социально-территориальная, географическая общность, на территории которой могут существовать свои субъекты с присущим им административным устройством. В этом смысле Сибирь представляла собой единый регион, состоящий из четырех губерний и двух областей. Административно-территориальное деление любого государства основывается на узловом принципе районирования – «центр – периферия»². В унитарном государстве, каковым была Россия рассматриваемого периода, строгость иерархии соблюдалась незыблемо. Имперско-феодальный центр, исходя из стратегической цели экономической и политической консолидации государства, стремился не только извлекать из периферии ресурсы, но и «проникнуть в нее, перестроить ее духовно-символические принципы», а в конечном итоге «мобилизовать... для своих целей».

В то же время существовала возможность и для «воздействия хотя бы какой-то части периферии на центр», определенная доля населения которой имела к нему «символический доступ»³. Однако взаимоотношения между центром и периферией и, как следствие, автономность окраин империи были жестко регламентированы, исходили из постулата политического превосходства центра и подчинены задаче сохранения не только целостности империи, но и системы российской державности. Это стало особенно заметно во второй половине XIX в., когда любые проявления нерусскости, особенно на периферии, «стали рас-

¹ Ленин В. И. Указ. соч.

² Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2002. С. 413.

³ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. М., 1999. С. 134–135.

сма­три­вать как при­зна­ки раз­дроб­лен­но­сти, сла­бо­сти и да­же пре­датель­ства»¹. Анали­зи­руя про­бле­му ре­ги­ональ­ной по­ли­ти­ки им­пе­рии, вза­им­о­от­но­ше­ния ме­жду цен­тром и ок­ра­и­на­ми, це­лес­об­раз­но ис­хо­дить из ха­рак­те­ри­сти­ки им­пе­рии не толь­ко как сверх­го­су­дар­ства, в цен­тре ко­то­ро­го на­хо­дит­ся мо­гу­ще­ствен­ная го­су­дар­ствен­ная вла­сть, но и как ка­те­го­рии «мир-им­пе­рия», на про­стран­стве ко­то­ро­го рас­по­ла­га­лись как цен­тр, так и пе­ри­фе­рия. Цен­тр вы­сту­пает не­со­по­став­и­мо силь­нее пе­ри­фе­рии, по­след­няя же име­ет свою ие­ра­р­хию по от­но­ше­нию к цен­тру². Ины­ми сло­ва­ми, ме­жду пе­ри­фе­рий­ны­ми тер­ри­то­ри­я­ми су­ще­ствует не­ра­вен­ство. Эти «ми­ры-э­ко­но­ми­ки», по м­не­нию Ф. Бро­дель, об­ра­зо­ва­лись в ре­зуль­та­те «по­бед по­ли­ти­ки над э­ко­но­ми­кой». В Рос­сии свою ре­аль­ность «мир-э­ко­но­ми­ка» до­ка­за­ла су­ще­ст­во­ва­ни­ем об­шир­ных пе­ри­фе­рий­ных об­ла­стей, в том чис­ле «фан­та­сти­че­ски­ми тер­ри­то­ри­я­ми Си­би­ри»³ (Ф. Бро­дель на­зы­вает Си­бирь «бес­край­ней пе­ри­фе­ри­ей».) Эти «за­ча­ро­вы­ва­ю­щие» зем­ли, «бас­но­слов­ное про­стран­ство» бы­ли за­во­е­ва­ны «в не­сколь­ко стихий­ных про­дви­же­ний», од­на­ко да­же к кон­цу XVIII в. «до пол­но­го ов­ла­де­ния Си­би­рью бы­ло да­ле­ко»⁵. Во­вле­че­ние но­вых ре­ги­о­нов в ка­пи­та­ли­сти­че­скую ми­ро­э­ко­но­ми­ку, по спра­вед­ли­во­му за­ме­ча­нию И. Вал­лер­стай­на, боль­шей час­тью вы­гля­де­ло «ис­то­ри­че­ски очень дра­ма­ти­чно», по­сколь­ку обыч­но со­про­во­ж­да­лось уще­мле­ни­ем «пре­жде су­ще­ст­во­вав­шей су­ве­рен­но­сти»⁶. В ис­то­ри­че­ской ли­те­ра­ту­ре про­цесс тер­ри­то­ри­аль­но­го рас­ши­ре­ния Рос­сии обыч­но рас­сма­три­ва­ется как соз­да­ние им­пе­рии. В дан­ном ка­че­стве Рос­сий­ская им­пе­рия яв­ля­лась осо­бой ев­ра­зий­ской ци­ви­ли­за­цией. В этой свя­зи весь­ма умест­ным пред­став­ля­ется за­ме­ча­ние о том, что в куль­ту­ро­ло­гичес­ком смы­сле им­пе­рия есть не что иное, как борь­ба ци­ви­ли­за­ции с вар­вар­ским смыс­лом внут­ри своей куль­ту­ры и вар­вар­ски­ми ок­ра­и­на­ми⁴. В по­ли­то­ло­гичес­ком

¹ Туо­мо Пол­ви­нен. Держа­ва и ок­ра­ина. СПб., 1997. С. 23.

² Бро­дель Ф. Вре­мя ми­ра. М., 1992. Т. 3. С. 17–18, 49.

³ Там же. С. 468.

⁵ Там же С. 469.

⁶ Вал­лер­стайн И. Анали­з ми­ро­вых систем и си­ту­а­ция в со­вре­мен­ном ми­ре. СПб., 2001. С. 70.

⁴ Кан­тор Вл. О рус­ской им­пе­рии к на­ци­о­на­ли­сти­че­ской деспотии // Ис­то­рия им­пе­рий: срав­ни­тель­ные ме­то­ды в изу­че­нии и пре­по­да­ва­нии : ма­те­ри­а­лы Ме­ж­ду­нар. кон­ф., Мос­ква, 7–9 ию­ня 2003 г. М., 2003. С. 2.

смысле термин «империя» также не несет в себе никакого отрицательного смысла. Происходя от латинского *imperium*, он означает власть государства. Характерными признаками империи являются высокая концентрация власти, распространение ее на обширную территорию, значительный этнический и культурно разнородный состав населения, мощный бюрократический аппарат. Отмеченные характеристики базируются на определении империи, данном Ф. Бродемом, как большой геополитической общности. Таким образом, Россия представляла собой классическую империю.

ОЧЕРК 1

Азиатская Россия в ментальных и географических рамках современников и потомков¹

Процесс вхождения Сибири в состав России начался в конце XVI в., носил весьма противоречивый характер и имел длительную историческую перспективу. Это было не только военное, но и административное, и экономическое закрепление за Российской империей новых территорий и народов огромного зауральского края. Не менее важным был процесс ментального, как принято говорить теперь, осмысления Сибири как земли русской, неотъемлемой составной части России. Существенное влияние на это оказал процесс географического изучения и картографирования Сибири². Трансформации образов Сибири в российском общественном сознании в немалой степени способствовало установление новых административных границ и центров. Дальнейшая инкорпорация Сибири в Россию породила проблему взаимоотношений периферии и государственного ядра, вопрос о колониальном положении Сибири в составе Российской империи.

География Сибири, как свидетельствуют факты, в значительной мере зависела не столько от природного ландшафта, сколько от изменения государственных и административных границ империи на востоке в целом. Интерпретация региона постепенно усложнялась как с расширением внешних имперских границ, так и нарастанием внутренних политических и управленческих задач, управленческой специализацией и дифференциацией, изменением этнодемографической структуры, новыми экономическими интересами. Власть здесь шла явно впереди

¹ Авторы: Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек.

² Постников А. В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2013. 364 с.

экономики, создавая административно-территориальные единицы и формируя экономические районы.

Вопрос о пространстве Сибири в России не так прост, как может показаться на первый взгляд. Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие. Картографирование и конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Сибири составляло основу имперской географии власти. Различные комбинации территорий в больших административных группах (генерал-губернаторствах) не только повторяли природный ландшафт в поисках естественных границ, но активно формировали новую географию. Динамичное освоение государственной властью новых восточных территорий, осмысление их внутренних и внешних границ на протяжении всего достаточно длительного периода империи приводило к неоднократным попыткам административного переустройства края. В данном контексте история тесно переплеталась с географией.

Территориальный объем имени «Сибирь» рос параллельно движению русских на восток, достигнув своего предела к концу XIX в. Ю. А. Гагемейстер, автор «Статистического обозрения Сибири», составленного по поручению второго Сибирского комитета в середине XIX в., описывал границы Сибири следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел азиатского материка, который обозначается на западе продольною цепью Уральских гор, на востоке Тихим океаном, с севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана»¹. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, определяя объем сибирского пространства, включал в него все азиатские владения Российской империи, кроме Закавказья, Закаспийской области и Туркестана. В конечном итоге в начале XX столетия правительство пришло к заключению о том, что именно следует считать территорией Сибири. В издании «Азиатская Россия», предпринятом в 1914 г. Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия в связи с 300-летним юбилеем дома Романовых, отмечалось, что помимо административного деления

¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. С. 1.

в Азиатской России существует еще и деление историческое: Сибирь (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, области Якутская и Забайкальская) и Дальний Восток, куда включают, помимо Амурской, Приморской, Камчатской областей и Сахалина, иногда и Забайкалье как связующее звено между ними. Именно в этих исторических границах определяется география учебного пособия. Поэтому территориальные рамки книги охватывают всю Сибирь, т. е. территории бывших Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Эти губернии и их население были тесно связаны между собой общностью социально-экономических и политических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями.

Объектом исследования является историографическая концепция, а предметом – административная политика самодержавия и организация управления, история сибирского города и градостроительной политики, ясачная политика и ссылка как наиболее специфические для данного региона направления правительственной политики. По мере усиления интеграции Сибири в состав России, адаптации сибирского населения к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым связям, религиозным и иным традициям на практике осуществлялась идея превратить Сибирь в Россию. Сегодня, после распада Советского Союза в 1991 г., площадь современной Азиатской России, составляет 13,1 млн км², т. е. около 77 % территории нынешней России. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., на территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов проживает свыше 39 млн человек, т. е. 27 % от общей численности населения РФ.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Поясните смысл дефиниций «империя», «регион», «окраина».
2. Когда и в связи с чем появилось понятие «Азиатская Россия»?
3. Как вы понимаете выражение «ментальные рамки»?
4. Существуют ли различия в понимании географического пространства Сибири в XIX и XXI вв.?
5. Как вы полагаете, обоснованно ли включать географическое понятие «Дальний Восток» в понятие «Азиатская Россия»?

ОЧЕРК 2

«Образы окраин» империи как предмет отечественной и зарубежной историографии¹

Имперская проблематика в целом, а также имперская система управления (как ее составляющая часть), вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последние десятилетия приобрели особую актуальность и значимость в России и на Западе. Актуализация имперской проблематики обусловлена общим процессом глобализации, а также рядом серьезных событий, произошедших в мире на рубеже 80–90-х гг. прошлого столетия. Существенное влияние на историографию (в равной степени отечественную и западную) оказал распад последней империи – Советского Союза. В частности, в западной исторической русистике зародился новый подход к истории России, которая стала восприниматься на Западе как полиэтническая, поликультурная империя.

Имперская система управления вот уже более века не теряет своей актуальности, вероятно, потому, что это «вечно юные, неисчерпаемые вопросы, на которые, по-видимому, вовсе не может быть дано одного определенного ответа, одинаково пригодного для всех эпох и народов»².

Интерес к проблемам внутренней политики России исследуемого периода возник в отечественной историографии в середине XIX столетия. Генерал М. И. Богданович, историк-юрист А. Д. Градовский, историки права Б. Э. Нольде, Э. Н. Берендтс, Н. М. Коркунов, Н. И. Лазаревский и другие подготовили ряд интересных публикаций об истории государственного управле-

¹ Автор: И. Л. Дамешек.

² Ивановский В. В. Вопросы государственоведения, социологии и политики. Казань, 1899. С. 244.

ния в России¹. Однако вопросы управления и правового статуса окраин империи в этих общих работах освещались весьма фрагментарно. Не изменила ситуации работа выдающегося профессора русского государственного права В. В. Ивановского². Тем не менее практические задачи государственоведения, интерес правящих кругов к окраинам, практические задачи по организации управления ими дали толчок к изучению окраинной политики Российского государства. Формировалось так называемое официальное направление историографии. В первые десятилетия советской власти, в немногочисленных публикациях, посвященных истории окраин, вопросы государственного управления не получали должного освещения. Отличительной чертой подобных работ была их излишняя идеологизированность. Например, в учебнике под редакцией М. В. Нечкиной политика правительства в отношении национальных районов (окаин) признавалась крайне грубой и насквозь проникнутой, по словам этого известного исследователя, «зоологической ненавистью к угнетенным народам»³. Интерес к российским окраинам в отечественной историографии возобновился в 50-е гг. прошлого столетия.

Советская историография середины 1960-х гг. ознаменовалась появлением ряда коллективных трудов, приуроченных к 50-летию советской власти. Естественно, что в такого рода юбилейных изданиях известное отражение нашли и проблемы окраинной политики. Для нас важно отметить не сам характер приводимого в этих работах фактического материала – по понятным причинам он очень небольшой, а прежде всего территории, отнесенные к окраинам России.

В 12-томной «Истории СССР с древнейших времен...» авторы выделили три типа окраин, подчеркнув при этом, что «не все окраины Российской империи были ее колониями». Ни польские земли, ни Финляндия, которые были развитыми в экономическом отношении регионами, не являлись, по мнению авторов,

¹ Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899; Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Берендтс Э. Н. О прошлом и настоящем русской администрации: (Записка, сост. в дек. 1903 г.). СПб., 1913; Коркунов Н. М. Русское государственное право. 6-е изд. СПб., 1909; Анучин Е. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с учреждения о губерниях 1775 г. и до последнего времени. СПб., 1872.

² Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин. Казань, 1891.

³ История СССР / под ред. М. В. Нечкиной. 2-е изд. М., 1949. Т. 2. 870 с.

колониями царской России. В то же время они являлись окраинами, поскольку «население названных территорий, хотя и не подвергалось колониальной эксплуатации, испытывало национальное угнетение» и «было стеснено русификаторской политикой царизма и административно-полицейским произволом царских наместников и генерал-губернаторов»¹.

Тезис о том, что понятия «окраина» и «колония» не являются синонимами, получил дальнейшее развитие в оригинальном исследовании Н. П. Ерошкина. Он отмечал, что уже в XVIII в. в состав России вошли территории «с развитой экономикой, сложными производственными отношениями и высокой культурой». Осуществление административной политики на этих западных окраинах «требовало более гибких методов управления и специфических, характерных для каждой окраины, органов и учреждений и привлечения к управлению местной феодальной верхушки»².

Утверждение о наличии на окраинах «особенной» системы управления как определяющего фактора для подобной характеристики было развито Н. П. Ерошкиным, и на материалах XIX в.³ автор выделил основные общие и особенные признаки административной системы управления, которые были характерны для всех национальных окраин Российской империи.

Здесь следует упомянуть, что обозначенная выше трактовка понятия «окраина» разделяется не всеми исследователями. В специальной монографии, посвященной аграрным отношениям в Сибири периода империализма, Л. М. Горюшкин высказал иное суждение о типах окраин и колоний. Методологической основой рассуждений ученого в данном случае явились замечания В. И. Ленина о том, что под окраинами следует понимать «незаселенные, или не вполне заселенные, не вполне вовлеченные в земледельческую культуру земли»⁴. Исходя из этого, Л. М. Горюшкин отметил, что отнесение территории Царства Польского к окраинам «начала XIX в. представляется сомнительным»⁵.

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 366–367; 1968. Т. 6. С. 25.

² Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 144.

³ Там же. С. 192–199.

⁴ Ленин В. И. Указ. соч. С. 565.

⁵ Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 73.

Кавказ в работах российских и зарубежных историков

Одной из первых дореволюционных работ, посвященных имперской политике по отношению к Кавказской окраине русского государства, стала монография С. Эсадзе¹. В работе автор весьма подробно и последовательно излагает систему управления Кавказом с момента его присоединения к России. При этом он не указывает никаких причин (предпосылок) и мотивов, которыми руководствовалось российское правительство при разработке своей политики в этом регионе. Иными словами, содержание книги вполне соответствует ее названию – «Историческая записка». В то же время С. Эсадзе замечает, что система управления этим регионом была чужда местному населению, вследствие чего возникали трудности, требующие ее совершенствования. Ценность данного исследования заключается в большом количестве приведенных Эсадзе документов различного характера (в первую очередь делопроизводственных), которые отложились за сорок лет – времени поиска и разработки оптимальной, с точки зрения самодержавия, системы управления Кавказом.

В подобном же ключе, с привлечением аналогичного круга источников написал свой фундаментальный труд – «исторический очерк» системы гражданского управления этой окраиной В. Н. Иваненко. Опираясь на богатую источниковую базу, автор сумел воссоздать исключительно подробную картину системы управления Закавказьем в первой половине XIX в. и дать вполне объективную, даже с позиций сегодняшнего дня, оценку главноуправляющим и кавказским наместникам². Заметим, что стремление авторов оценивать окраинную политику в регионе через призму деятельности главноуправляющих и наместников была достаточно распространенным явлением³. При этом уже в начале XX в. появились работы, в которых предпринимались попытки не только анализа и просчетов российской административной

¹ Эсадзе С. Историческая записка по управлению Кавказом. Тифлис, 1907. Т. 1–2.

² Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича : ист. очерк. Тифлис, 1901.

³ Зиссерман А. Л. Фельдмаршал князь Барятинский. 1815–1879 : в 3 т. М., 1888–1891; Кравцов И. С. Кавказ и его военачальники: Н. Н. Муравьев, князь А. И. Барятинский и граф Н. И. Евдокимов. 1854–1864 гг. СПб., 1886.

политики на Кавказе, но и критики деятельности российских властей по отношению к коренному населению региона¹.

Возродившийся в середине прошлого столетия интерес к российским окраинам нашел отражение в том числе в исследованиях, посвященных политике самодержавия на Кавказе. Их отличительной чертой является рассмотрение административной политики в регионе через призму экономических интересов российского правительства на данной окраине. Речь идет о работах М. К. Рожковой², А. В. Фадеева³, Н. А. Смирнова⁴. В этих монографиях, помимо множества фактов и данных, относящихся к характеристике экономического положения региона и, соответственно, политики в нем самодержавия, указываются мотивы (причины) как экономические, так и стратегические, определяющие политику самодержавия в регионе. В частности, авторами отмечается, что имперская политика (включая законодательство и административные институты) была подчинена единственной цели – поддержанию крепостнического режима, подорванного уже развитием капиталистических отношений. А. В. Фадеев, в частности, указывал, что на Кавказе подобная система управления приобретала колониальный характер, с подчеркнутым пренебрежением к местным обычаям и языкам. Таким образом, государственная стратегия в управлении Кавказом всецело зависела от стратегических и экономических интересов империи в этом крае.

В середине 90-х гг. прошлого столетия журнал «Вопросы истории» опубликовал статью Н. С. Киняпиной, посвященную политике самодержавия на Кавказе⁵. В работе не только дается краткий очерк политики российского правительства в области управления этой окраиной, но и исследуются причины, лежащие в ее основе. По мнению автора, главная из них была экономическая (по мере расширения внутреннего рынка, усиления внешне-

¹ Гершельман Ф. К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908; Иваненко В. Разлад между уголовным законом и обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Рус. мысль. 1904. № 5–6.

² Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949. 391 с.

³ Фадеев А. В. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. 402 с.

⁴ Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. 244 с.

⁵ Киняпина Н. С. Административная политика на Кавказе и Средней Азии // Вопр. истории. 1993. № 4. С. 35–48.

торговых связей происходил рост интереса помещиков и буржуазии к освоению окраины, что отражалось в политике царизма). При некоторых различиях в административной политике по отношению к народам Азербайджана и Грузии автор выделяет ее общую черту, а именно – подчинение гражданской власти военной, поскольку становление и развитие этой системы управления шло в годы войн – русско-иранской и русско-турецкой. За исключением указанных моментов, работа Н. С. Киняпиной схожа с «Исторической запиской...» С. Эсадзе, поскольку оба автора использовали фактически одни и те же источники.

К числу наиболее значимых исследований последних лет, посвященных Кавказскому региону, стоит выделить статью Томаса Барретта¹, в которой рассматриваются многолетние процессы, сопровождавшие русскую экспансию XVIII и XIX вв. на Северном Кавказе. Этот историк защитил в Джорджтаунском университете диссертацию по истории терского казачества периода 1700–1860 гг. Его работа демонстрирует активизацию интереса западных специалистов к нерусским национальностям Российской империи и пограничья, наметившуюся в последнее время. Исследуется пребывание Шамиля в плену. Томас Барретт, являясь специалистом в двух относительно новых областях исторической науки, известных как история окружающей среды и история «фронтيرا» (приграничной зоны), поднимает в своей статье вопросы, в значительной степени отличающиеся как от вопросов, рассматриваемых историками в контексте культуры, так и от вопросов русской имперской политики, составляющих важный раздел современной исторической литературы. В анализируемой здесь статье Барретт делает попытку применить подходы, выработанные исследователями американского Запада, к истории Северного Кавказа. Он надеется, что это поможет преодолеть стереотип изучения истории русской экспансии в регионе, как истории завоеваний (на чем концентрировала внимание дореволюционная российская историография), или как истории сближения и дружбы народов (что было идеологическим императивом советской историографии), или исключительно как истории репрессий

¹ Барретт Т. М. Линии неопределенности // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 163–194.

и сопротивления местного населения угнетателям (на что делается упор в многочисленных западных работах, посвященных истории нерусских окраин империи).

Западные окраины в работах отечественных и зарубежных исследователей

Польша

Одним из примеров изучения административной политики России на западных окраинах служит монография П. А. Кулаковского, выпущенная в 1907 г.¹ Автор весьма патетически отзывается о системе управления Царства Польского, созданной в соответствии с Конституцией 1815 г., которая давала полякам «всякие свободы» и привилегии. Он достаточно реакционно, и даже более того – националистически, настроен по отношению к этой западной окраине империи. Рассуждая о том, что благодаря России Польша воскресла, П. А. Кулаковский добавляет, что полякам-де было мало того, что дала им Россия. Он осуждает поляков за их восстание 1830–1831 гг. и вполне одобряет реакционную российскую политику в отношении этой окраины в последние годы царствования Николая I. Рассматривая мероприятия самодержавия в Польше, Кулаковский (так же как и С. Эсадзе в упоминавшейся выше работе) умалчивает о мотивах и целях царского правительства.

Совсем иного плана является исследование известного польского профессора Ш. Аскенази². Его монография содержит значительное количество информации: статистические данные о населении, территории, развитии экономики и образования этой западной окраины Российской империи. В работе дается достаточно детальный анализ польской конституции 1815 г. и созданной, в соответствии с ней, системы управления Царства Польского. Аскенази оценивает конституцию 1815 г. как наиболее прогрессивную по тем временам в Европе. Он справедливо отмечает, что польская конституция оказала благотворное влияние на разви-

¹ Кулаковский П. А. Польский вопрос о прошлом и настоящем // Библиотека окраин России. СПб., 1907.

² Аскенази Ш. Царство Польское в 1815–1830 гг. : пер. с пол. М., 1915.

тие всего польского народа, в частности, она дала толчок социально-экономическому развитию и возрождению этой окраины.

В большинстве работ, посвященных управлению Польши, политическое положение этой российской окраины характеризовалось в период 1815–1830 гг. как «автономная провинция». Между тем Вл. Студницкий утверждает, что «слово “автономия” тут употребляется неправильно», поскольку, по мнению этого представителя другого направления в дореволюционной историографии – демократического, Царство Польское в указанные годы являлось не чем иным, как государством, соединенным с Россией реальной унией, и ищет этому подтверждения в акте Венского конгресса по польскому вопросу. Именно с этой позиции он рассматривает всю систему управления данной окраины.¹

Вл. Студницкий высказывает свою точку зрения на причины восстания 1830 г., главная из которых заключалась, по его мнению, в «политическом уродстве» – соединении в одном лице короны самодержца и конституционного короля. Именно это противоречие государственного строя Царства Польского и России, по замечанию Вл. Студницкого, привело к восстанию 1830 г. и как его следствие – к крушению конституции 1815 г. Достаточно подробно описывая и осуждая русификаторскую политику самодержавия, столь тягостную для местного населения западной окраины, автор в то же время справедливо отмечает, что экономическая политика российского правительства по отношению к Польше была для последней весьма благоприятна.

В первое послеоктябрьское десятилетие специальных работ по изучаемому вопросу не появлялось. Историческая наука уделяла внимание, главным образом, проблемам социально-экономическим, без чего, как тогда считалось, невозможно было создание целостной марксистско-ленинской концепции истории страны. Тезис о необходимости слома старой государственной машины не способствовал появлению государствоведческих работ. Тем не менее уже тогда М. Н. Покровский применительно к Польше мимоходом отмечал, что при Александре I она стала «особым царством со своими особым управлением, особым войском», однако конституция 1815 г., по мнению автора, суще-

¹ Студницкий Вл. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907.

ствовала только «на бумаге», а русский произвол в Польше доходил до полного «безобразия»¹.

В 1928 г. вышла в свет книга В. П. Друнина, в которой описываются (термин «исследуются», на наш взгляд, здесь неприемлем) взаимоотношения двух стран на протяжении нескольких столетий². В разделах, посвященных интересующему нас периоду, автор весьма негативно оценивает политику российского правительства по отношению к этой окраине. Он критикует польскую конституцию 1815 г. за ее явно про шляхтскую направленность и в то же время за отсутствие в ней гарантий политической независимости Царства Польского. Между тем книга интересна характеристикой, хотя и очень краткой, деятельности представителей самодержавия в этом регионе (наместника И. Зайончека, великого князя Константина), что отсутствует в большинстве других работ. Фактически эта монография является очень сжатой «политической историей Царства Польского», без детальной характеристики и подробных фактов.

Возродившийся в середине прошлого столетия интерес к российским окраинам нашел свое выражение в достаточно солидной 2-томной коллективной монографии «История Польши» (1954)³. Ее достоинство заключается в комплексном рассмотрении социально-экономического и политического развития этой окраины. Авторы книги вполне разделяют точку зрения профессора Ш. Аскенази о благотворном влиянии конституции 1815 г. на развитие Царства Польского. В то же время авторы отмечают, что политическое оживление, наблюдавшееся здесь в начале 20-х гг. XIX в., повлекло за собой реакционную политику российского правительства. Они раскрывают (буквально несколькими штрихами) сущность этой политики, в частности, после подавления восстания 1830 г. и последовавшей за ним отмены польской конституции. Характерной чертой монографии является отсутствие полноты и всесторонности изложения. Впрочем,

¹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967. С. 119–120.

² Друнин В. П. Польша, Россия и СССР. Л., 1928.

³ История Польши / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954. Т. 1–2.

это замечание в равной степени свойственно для большинства коллективных монографий в силу ограниченности их объема.

Середина 70-х – начало 80-х гг. XX в. были отмечены выходом нескольких монографий, посвященных западным окраинам Российской империи. Л. А. Обушенкова исследует, главным образом, экономическую политику самодержавия в Польше периода ее автономии¹. Автор дает краткую историю создания новых отраслей промышленности, развития сельского хозяйства и оживления внутренней торговли в этом регионе. Ценность работы придают архивные данные о характере торговых отношений между Россией и Польшей, опубликованные впервые, а также обширные статистические сведения о демографической ситуации на окраине в период 1815–1830-х гг. Советский правовед К. Е. Ливанцев провел анализ правового положения городского населения в Польше к началу реформы 1866 г.²

В числе обобщающих работ стоит отметить коллективную монографию «Краткая история Польши»³. Авторы этого издания подтверждают тезис о том, что сам факт создания Королевства Польского и его довольно прогрессивной (для своего времени) конституции имели для данной территории весьма благотворное влияние – в конституции поляки видели надежду на возрождение своей государственности. В целом о монографии следует сказать, что она не содержит принципиально нового подхода к оценке имперской политики российского правительства XIX в. в отношении окраины. Это обстоятельство свидетельствует о неизменности за последние пятьдесят лет (со времени выхода в свет «Истории Польши» – в 1954 г.) взглядов историков нашей страны на эту проблему.

Финляндия

Высокая оценка правительственной политики в отношении другой западной окраины – Финляндии – дается в работе «Финляндская окраина в составе Русского государства»⁴. В ней достаточно основательно излагаются особенности геополитического

¹ Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. М., 1979. 295 с.

² Ливанцев К. Е. Правовой статус населения Королевства Польского в XIX в. (до реформы 1866 г.) // Правоведение. 1970. № 4. С. 62–67.

³ Краткая история Польши. М., 1993. 528 с.

⁴ Финляндская окраина в составе Русского государства. СПб., 1910.

положения этой территории и указываются причины (в первую очередь стратегические), по которым для России было жизненно необходимо обладание этим регионом. О политике, а также всей системе управления, созданной в Финляндии после ее присоединения к империи, в книге говорится лишь вкратце. Между тем подчеркивается, что финны были довольны политикой России по отношению к своей родине, а также системой управления, данной им российским правительством, и стремились как можно более слиться с империей и не «отличаться от остальных провинций» этого государства. Вполне объективная оценка имперской политике в финляндской окраине в конце XIX столетия дается одним из представителей официального направления в дореволюционной историографии – М. М. Бородкиным. Автор не только рассматривает сущность этой политики, но и представляет ее оценку со стороны местного населения Финляндии¹.

Характерно, что практически во всех работах официальной историографии, посвященных политике самодержавия на западных окраинах, идет как бы абстрагированное описание системы управления, практически не дается ее оценок². В то же время описание это как бы поверхностное, не детальное. Единственным, пожалуй, исключением являются исследования Н. Корево³, Н. Рейнке⁴ и А. Лохвицкого⁵, в которых, наряду с другими европейскими, детально излагаются конституции Финляндии и Польши, достаточно подробно описывается созданная в соответствии с этими «основными законами» система управления на западных окраинах России. Эти труды дают нам наиболее полное и подробное представление об управлении указанных западных российских окраин.

¹ Бородкин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время правления Н. И. Бобринкова. СПб., 1905; Бородкин М. М. Памяти Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобринкова. Харьков, 1905.

² Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX в. П., 1915.

³ Корево Н. Сеймовый устав для великого княжества Финляндского, Высочайше утвержденный 20 июля 1906 г. : сб. док. с коммент. сост. СПб., 1913.

⁴ Рейнке Н. Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881). СПб., 1902.

⁵ Лохвицкий А. Обзор современных конституций. СПб., 1862. Ч. 1.

Возродившийся в середине прошлого столетия интерес к российским окраинам нашел отражение в том числе в исследованиях, посвященных политике самодержавия в Финляндии.

Обобщающим трудом по истории русско-финских отношений стала вышедшая в этот период монография В. В. Похлебкина¹. Ученый очень подробно излагает причины, которые на протяжении рассматриваемого столетия оказывали определяющее влияние на мероприятия самодержавия в отношении этого региона: военно-стратегическое значение Финляндии для России и политическая благонадежность финского общества. Помимо вышеперечисленного, в книге достаточно обстоятельно охарактеризовано правовое, политическое и экономическое положение Финляндии в составе Российской империи. Автор несколько не подвергает сомнению (а скорее, подтверждает) тезис о том, что присоединение этого края к России и, соответственно, политика в нем самодержавия имели прогрессивное значение. Данное утверждение В. В. Похлебкин подкрепляет конкретными примерами, фактами. Это исследование построено на большом архивном материале и, будучи первоначально издано в 1969 г. в Хельсинки на финском языке, получило высокую оценку президента страны У. К. Кекконена.

Большое значение в изучении административной системы Великого княжества Финляндского имеют работы Л. В. Суни (в том числе в соавторстве с Е. Б. Ошеровым)² и А. П. Лайдинена³.

Рассматривая в оценочном плане политику самодержавия в регионе в XIX в., оба автора солидарны в том, что имперские мероприятия в отношении этой окраины ставили своей целью возрождение финской государственности, экономики и создание благоприятных условий для данного региона. Монографии этих авторов посвящены развитию экономики Финляндии, они содержат статистические данные и факты, свидетельствующие о процессах в этой области. В частности, Л. В. Суни признал реформы 60–70-х XIX гг. одной из основных предпосылок про-

¹ Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975. 408 с.

² Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в. Л., 1979. 247 с.; Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986. 71 с.

³ Лайдинен А. П. Социально-экономические реформы 50–70-х гг. XIX в. в Финляндии. Л., 1982. 110 с.

мышленного прогресса и социального развития окраины. В то же время, давая общую оценку финляндской политики со стороны имперских властей, Суни справедливо отмечает, что центральное правительство само способствовало «быстрому политическому пробуждению финляндского общества»¹.

Немалый вклад в исследование проблемы управления западными окраинами внесли советские правоведы, и прежде всего Р. Н. Дусаев. В работах этого автора на основе широкого круга законодательных источников представлен анализ государственно-правового статуса Финляндии в составе Российской империи². Наиболее подробно имперская политика в административной области в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв. исследовалась У. В. Тейстре³. Автор признает, что результатом правительственного курса стала фактическая ликвидация автономии княжества в 1910 г. Окраинную политику центральных властей в этот период ученый характеризует как русификаторскую и национального угнетения.

В конце XX – начале XXI в. появился целый ряд исследований, в том числе и диссертационных, рассматривающих отдельные составляющие имперской политики на ее западных окраинах⁴. Эти работы свободны от устоявшихся штампов в негативной оценке российской окраинной политики, они вполне объективны, и в них предприняты попытки дать современные оценки

¹ Суни Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 127.

² Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. Л., 1988. 188 с.

³ Тейстре У. В. Особое совещание Н. Бунге (1891–1893) и вопрос об автономии Финляндии // Скандинав. сб. Таллин, 1976. Вып. 21. С. 94–107.

⁴ Дусаев Р. Н. Кодификация уголовного законодательства Финляндии XIX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1992. 477 с.; Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 264–288; Правилова Е. Цена империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX в. // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 115–144; Она же. Россия и Царство Польское: механизмы бюджетно-финансовых отношений в имперской системе (1815–1866) // *Пространство власти* ... С. 236–237; Она же. Имперская политика и финансы: внешние займы Царства Польского. Исторические записки / под ред. Б. В. Ананьяча. М., 2001. С. 271–316; Борисов В. И., Ошеров В. Б., Савельев Ю. А. Политика царизма в отношении Финляндии на рубеже XIX–XX вв. М., 2003.

имперской окраинной политики. Вопросы позиционирования западных окраин в имперской системе управления и, соответственно, определения их политического статуса (и его эволюции) изучаются в монографиях М. Б. Аверина, в основе которых лежит его кандидатская диссертация¹. В частности, автор отмечает, что «особую остроту и значимость вопрос о правовой оценке связей Великого княжества Финляндского с Россией приобретает в конце XIX – начале XX в. и окончательно переходит из юридической сферы в политическую». Давая оценку унификаторскому курсу этого периода в отношении Польши, М. Б. Аверин справедливо называет его «крайне жестким и порой ничем не оправданным».

Из современной финской и польской историографии, посвященной имперской системе управления на российских окраинах, следует выделить работы О. Юссилы², Р. Вильо³, Т. Полвинен⁴ и Ю. Бардах⁵.

Политика русификации в Финляндии в период 1855–1914 гг. исследовалась в сборнике под редакцией Э. Тадена⁶. Особенность компоновки статей сборника позволяет рассмотреть политику русификации как с позиции российского правительства, так и со стороны финнов. Русификация в этот период проводилась, прежде всего, через унификацию административную: унификацию местного законодательства, единой имперской системы местного управления, образования и судопроизводства. Однако активная русификация западных территорий империи являлась лишь одним из компонентов окраинной политики, основной целью которой было сохранение политической стабильности и порядка. Э. Таден вполне справедливо отмечает, что управление полирегиональной многонациональной империей представляло в высшей степени сложную задачу. При этом он

¹ Аверин М. Б. Польша и Финляндия в составе Российской империи: становление и развитие буржуазных систем (середина 60-х гг. XIX в. – 1914 г.) Самара, 2001. 81 с.; Он же: Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х гг. XIX в. – 1881 г.). М., 2003. 250 с.

² Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–1995 : пер. с фин. М, 1998. 383 с.

³ Расса Вильо. История Финляндии : пер. с фин. Петрозаводск, 1996. 294 с.

⁴ Полвинен Туомо. Держава и окраина. Н. И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1894 гг. : пер. с фин. СПб., 1997. 320 с.

⁵ Бардах Ю. История государства и права Польши. М., 1980. 564 с.

⁶ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. E. C. Thaden. Princeton : Princeton University Press, 1981. 497 p.

достаточно высоко оценил проводимую в Финляндии политику – как в высшей степени толерантную, позволяющую финнам развиваться в экономическом, социальном и культурном отношении, сохраняя при этом свою национальную идентичность¹.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что число современных специальных исследований по проблемам окраинного управления невелико. Национальный вопрос, как составляющая имперской окраинной политики, стал предметом исследования В. С. Дякина. Рассматривая всю совокупность проявления национальной политики имперского правительства (в том числе ее административную составляющую), автор заключает, что именно национальный вопрос стал в России одним из дестабилизирующих факторов².

К числу обобщающих работ последних 25 лет следует отнести две коллективные монографии: одна из них посвящена системе управления во всех национальных российских окраинах³, вторая – западным окраинам Российской империи⁴. Анализ генезиса статуса национальных окраин Российской империи с периода проведения реформ 1860–1870-х гг. вплоть до Первой мировой войны дан в статье Н. Г. Карнишиной⁵. Автор справедливо отмечает, что реформы и революции в Российской империи неизбежно влекли за собой изменение национальной политики и положения национальных окраин. Национальная политика в России зависела от таких факторов, как международная ситуация, внутривосточная обстановка, персоналии, связанные с осуществлением данной политики на той или иной территории.

¹ Russification in the Baltic Provinces and Finland. P. 462–463.

² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопр. ист. 1996. № 11–12. С. 39–59.

³ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1997. 415 с.

⁴ Западные окраины Российской империи. М. : Нов. Лит. обзор., 2007. 608 с.

⁵ Карнишина Н. Г. Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманит. науки. 2011. № 2 (18). С. 22–28.

Сибирь в работах отечественных и зарубежных исследователей

Одной из российской окраин, которая традиционно обращала на себя внимание как имперских властей, так и исследователей, являлась Сибирь. Современная сибирская историография располагает рядом подробных историографических обзоров по имперской политике в регионе¹. Поэтому обозначим принципиальные моменты этой научной проблематики. Интерес российских историков (в равной степени современных и дореволюционных) к проблеме имперской политики на востоке страны обычно фокусируется вокруг четырех основных вопросов: административные реформы М. М. Сперанского; управление коренными народами Сибири; аграрная политика; управление каторгой и ссылкой.

Применительно к данной теме прежде всего следует указать дореволюционные работы М. А. Корфа и В. И. Вагина, посвященные первому проявлению имперского регионализма в отношении к данной окраине, которым явилась сибирская реформа М. М. Сперанского². Барон М. А. Корф оценивал преобразования Сперанского с точки зрения представителя высшей бюрократии николаевского периода, каковым он и являлся. При этом автор исходил из идеи незыблемости монархии в России и возможно-

¹ Дамешек Л. М., Кузнецов А. С. Сибирская реформа 1822 г. // Очерки истории Сибири. Иркутск, 1973. Вып. 3; Маркова И. Б. Вопросы организации управления Сибирью периода позднего феодализма в советской историографии // Вопр. историографии Сибири и Алтая. Барнаул, 1988. С. 51–63; Копылов А. Н. Управление и политика царизма в Сибири в период феодализма // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 102–111; Соболева Т. Н. Управление Кольвано-Воскресенским (Алтайским) горным округом в XIX – начале XX в. К историографии вопроса // Вопр. историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985; Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в XVII–XIX вв.: основные особенности организации и функционирования // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX вв. Новосибирск, 1998; Предисловие А. Ю. Конева к сборнику документов «Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.)». Тюмень, 1999; Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX в. Некоторые итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaimka.ru/remnev3.shtml>.

² Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб., 1861; Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. Т. 1–2.

сти совершенствования системы управления страной путем частичных реформ. Вследствие этого М. А. Корф утверждал, что реформа 1822 г., осуществленная Сперанским в Сибири, носила радикальный характер. В. И. Вагин в целом достаточно высоко оценил преобразования 1822 г. Однако, являясь представителем раннего демократизма, он одним из первых в историографии стал открыто говорить об ограниченности реформ М. М. Сперанского в Сибири, о несовершенности организации совещательных советов на всех уровнях управления.

Книга В. И. Вагина дала толчок для представителей иного направления в историографии – демократического. Представителями этого направления были А. П. Щапов и идеологи зарождающегося сибирского областничества – Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин. Занимаясь активной научно-публицистической деятельностью во время подготовки и проведения реформ сибирского управления, они фактически заложили начала работ по комплексному изучению проблем отношений центра и окраин и внесли существенный вклад в изучение управления Сибирью. В конечном итоге именно областники стали основателями регионализма, причем не только как влиятельного общественного течения, но и особого научного направления¹.

Значительное место в историографии имперской политики на восточных окраинах России занимает статья А. П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского»², представляющая собой рецензию на вышеуказанное сочинение Вагина. В работе выражено стремление автора оценить имперский регионализм, а именно преобразования 1822 г. с точки зрения интересов рядовых сибиряков. В оценке преобразований Сперанского и его влияния на местное общество Щапов вполне солидарен с Вагиным. Вместе с тем автор статьи полагал, что сибиряки были не в состоянии воспринять реформы Сперанского, поскольку его идеи были чужды тогдашнему сибирскому обществу. Щапов оказался прав: воспоминания многих сибиряков свидетельствуют о том, что большинство местных жителей, современников

¹ Ремнев А. В. Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142–156.

² Щапов А. П. Соч. СПб., 1908. Т. 3.

преобразований 1822 г., не поняли и, соответственно, не оценили ни саму реформу, ни деятельность в крае ее «прародителя» – Сперанского.

Одним из первых областников откликнулся на труд В. И. Вагина Н. М. Ядринцев, чья статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была включена в широко известную книгу «Сибирь как колония»¹. В ней мы находим краткий очерк организации управления краем с начала XVII в. и до реформ Сперанского, достаточно подробное описание нравов чиновников, правления Пестеля – Трескина и ревизии новоназначенного сибирского генерал-губернатора. Однако отличительной чертой статьи является невысокая оценка преобразований реформатора, которые были очень скромны и не принесли ощутимых результатов.

Н. М. Ядринцев вслед за В. И. Вагиным указывает на недостатки «Учреждения» 1822 г. (в этом вопросе Н. М. Ядринцев солидарен с автором «Исторических сведений...») и дает оценку преобразованиям по истечении пятидесяти лет с начала их реализации. Публицист заключает, что основные цели программы Сперанского оказались не достигнутыми вследствие недостатков самого «Учреждения». Между тем в работе Н. М. Ядринцева присутствует не только достаточно жесткая критика реформы 1822 г., но также намечается областническая программа реформ в современной ему Сибири.

Взгляды Н. М. Ядринцева оказали влияние на чиновника канцелярии Комитета министров С. М. Прутченко. С. М. Прутченко как чиновнику канцелярии Комитета министров было поручено подготовить к публикации документы первого и второго Сибирских комитетов. Его двухтомный труд отмечается богатством фактического материала, посвященного проблемам управления Сибирью. Прутченко, как и сам Сперанский, придавал большое значение правовой регламентации регионального управления. Неудивительно поэтому, что проблемы по управлению Сибирью он связывал с неспособностью правительства учитывать своеобразие местных условий. Вместе с тем Прутченко отмечал, что административной политике самодержавия на окраинах были присущи некоторые общие принципы, характер-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892; Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 22–332.

ные в целом для российского государственного управления: «Кость от кости и плоть от плоти общерусского управления, – подчеркивал он, – система сибирского управления находилась в непосредственной зависимости от того, в какой мере представлялись разрешенными в коренных областях государства те трудности, которые неразлучны с постановкой управления слагающегося государства»¹. Важным представляется замечание Прутченко о том, что «Учреждение» Сперанского «вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи»². Заметим, что «Сибирские окраины» С. М. Прутченко являются одной из наиболее значимых работ дореволюционной историографии по проблеме имперской окраинной политики в Сибири.

В окраинной политике немалое значение принадлежало личностному фактору. Деятельность талантливых администраторов – генерал-губернаторов М. М. Сперанского и Н. Н. Муравьева обусловила значительную активизацию политики империи применительно к Сибири и в конечном итоге инициировала целый ряд правительственных мероприятий в этом регионе. Попытку дальнейшего изучения административной политики самодержавия в отношении Сибири через призму конкретной личности осуществил И. П. Барсуков³. Как и издание М. М. Корфа, его сочинение является биографией, только уже другого выдающегося администратора – Н. Н. Муравьева. Имперская политика на восточных окраинах в 1848–1861 гг. рассматривается Барсуковым сквозь призму деятельности (лишь как один из ее эпизодов) этой, безусловно, одаренной личности. В основе данной части монографии лежат уже известные нам воспоминания современников и сослуживцев Муравьева, главным образом Струве, Милютин и некоторых других⁴. Вследствие указанной причины мы не находим в книге каких-либо неизвестных нам ранее фактов и характеристик, относящихся к политике правительства в Сиби-

¹ Прутченко С. М. Сибирские окраины. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. Т. 1. С. 5–6.

² Там же. Т. 1. С. 279.

³ Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. В 2 т. М., 1891.

⁴ См.: Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. С. 180–181.

ри. В то же время это сочинение И. П. Барсукова представляет немалую историческую ценность как сборник исторических документов: первая книга содержит в себе обширную переписку Муравьева со своими братьями и друзьями, ранее не публиковавшуюся, а вторая включает 162 документа, относящихся к деятельности Муравьева (преимущественно к ее «сибирскому» периоду), – некоторые его записки и проекты по разным делам, а также донесения великому князю Константину, императорам Николаю I, Александру II и их министрам. Все эти документы впервые увидели свет благодаря И. П. Барсукову.

Таким образом, в дооктябрьский период тема окраинной политики российской империи привлекла внимание авторов различных идейных течений. Досоветскими исследователями были введены в научный оборот некоторые нормативные и делопроизводственные источники, мемуары, документы эпистолярного жанра, высказаны общие замечания об окраинной политике и намечены некоторые подходы к теме. На примере восточной окраины интересующие нас вопросы затрагиваются, в основном, в связи с личностью М. М. Сперанского, в меньшей степени Н. Н. Муравьева. Сибирь выступает прежде всего полем для приложения реформаторских усилий высокопоставленных администраторов, а не объектом исследования.

В первые послеоктябрьские десятилетия не было издано специальных работ по изучаемому вопросу. Одной из причин этого являлась смена идеологии в стране. Тенденции тотальной критики всего дореволюционного не позволили дать объективной оценки.

В 1950-е гг. была опубликована работа Л. И. Светличной¹, которая, в соответствии с господствующими в тот период в исторических исследованиях тенденциями, рассматривает имперскую политику в Сибири через призму экономических интересов государства в этом регионе. Коренную причину преобразований 1822 г. она ищет в экономической сфере, в сокращении государственных доходов от Сибири. По мнению ученого, Сперанский заметил в окраине тенденцию к капиталистическому развитию и,

¹ Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 24 с.

не меняя основ колониальной политики царизма, попытался приспособить ее (тенденцию) для более эффективной эксплуатации сибирской колонии.

Положительная динамика в отечественной историографии окраинной политики наметилась с середины 60-х гг. прошлого столетия. В этот период в свет выходит ряд коллективных трудов, приуроченных к 50-летию советской власти. Естественно, что в такого рода юбилейных изданиях известное отражение нашли и проблемы окраинной политики.

В сибиреведческой литературе рассматриваемый период развития историографии темы ознаменовался выходом 5-томной «Истории Сибири». Исследуемая нами проблема нашла свое отражение в разделах второго и третьего томов издания¹. Известно, что изложение конкретных сюжетов в рамках коллективного труда имеет свои плюсы и минусы. Данный случай не является исключением. Поэтому имперская политика в крае не была надлежащим образом освещена и проанализирована. В то же время «История Сибири» как бы подвела итоги развития отечественного сибиреведения на тот период времени и одновременно продемонстрировала, что интересующая нас тема нуждается в дальнейшем исследовании. В частности, в одном из разделов третьего тома дана общая характеристика областничества – уникального явления в истории Сибири. Автором данного раздела монографии является известный иркутский историк С. Ф. Коваль. В этой работе областническое движение было представлено как исключительно демократическое. Однако спустя двадцать лет такая постановка вопроса вызвала возражения со стороны следующего поколения исследователей. Взвешенные оценки областнического движения представлены в работах М. В. Шиловского – в серии статей, монографии и учебном пособии². Отли-

¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 2, 3.

² Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989. 144 с.; Он же. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. Новосибирск, 1995. 136 с.; Он же. Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. : материалы науч.-теор. семинара (12–13 нояб. 2002 г.). Иркутск, 2003. С. 5–21.

чительной чертой работ этого автора являются солидная источниковая база и аргументация положений. Для историка областническая концепция представляется одним из проявлений буржуазного либерализма.

Анализ деятельности сибирской демократической интеллигенции и разработки ей программы социально-экономического и политического развития региона представлен в работах А. В. Даниленко¹. Публикации этого исследователя, как правило, имеют солидную документальную основу и отличаются логикой доказательств. Он справедливо обратил внимание на то немаловажное обстоятельство, что разработанная областниками программа, независимо от субъективного понимания ее авторами, объективно несла в себе буржуазные черты, способствовала развитию местного патриотизма и в историческом плане имела положительное значение.

Одним из средств выражения своих идеологических взглядов для областников являлась местная пресса. Именно сибирская пресса рассматривается как источник изучения общественно-политической жизни региона в публикациях С. И. Гольдфарба². Основное внимание автор уделяет газете «Восточное обозрение». Он определяет место «Восточного обозрения» среди других сибирских газетных изданий, характеризует позицию местной администрации в отношении периодических изданий региона. Наряду с этим автор исследует такие вопросы, как экономическое положение газеты, состав редакции и спонсоров, способы распространения издания. К работам С. И. Гольдфарба по проблематике близка и небольшая монография И. Г. Чередниченко, посвященная изучению вклада Н. М. Ядринцева в сибирскую публицистику и становлению сибирской печати в целом³. По

¹ Даниленко А. В. Сибирское областничество 60–90-х гг. XIX в. о странах Востока (по материалам сибирской прессы и публицистики) // Взаимоотношения России с афро-азиатскими странами в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 141–150; Он же. Вопросы экономического развития Восточной Сибири во второй половине XIX в. В постановке областников «демократического периода» их истории // Вопр. соц.-экон. развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Чита, 1989. С. 18–34.

² Гольдфарб С. И. Газета «Восточное обозрение» 1882–1906. Иркутск, 1997. 218 с.; Он же. Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002.

³ Чередниченко И. Г. Николай Михайлович Ядринцев – публицист, теоретик и организатор провинциальной печати. Иркутск, 1999.

ходу изложения основного материала автор затрагивает и такие интересующие нас сюжеты, как взаимоотношение власти и местных периодических изданий. Последние публикации, как представляется, особенно отчетливо свидетельствуют о том, что изучение проблемы взаимоотношения власти и общества на материалах Сибирского региона далеко не исчерпано.

Очередной этап актуализации историко-государствоведческих исследований в сибирской историографии имел место в 80-х гг. XX в. в связи с появлением монографии Н. П. Ерошкина¹. Работа этого признанного специалиста, рассматривающего интересующие нас проблемы в общероссийском масштабе, способствовала значительной активизации интереса исследователей к изучению этих же вопросов применительно к отдельным губерниям и областям Российской империи². Наиболее значимыми из них для нашей темы являются разновременные публикации В. В. Рабцевич, кандидатская диссертация И. Б. Марковой и статьи А. С. Кузнецова, посвященные непосредственно административной составляющей имперской политики в Сибири периода XIX–XX вв.

В работах В. В. Рабцевич анализируются различные аспекты истории сибирского города и совокупность учреждений местного государственного аппарата³. Исследование И. Б. Марковой, безусловно, любопытное, к сожалению, не было опубликовано⁴. В нем автор предпринял попытку проанализировать различные уровни государственного управления Сибирью (пер-

¹ Ерошкин Н. П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985.

² Парусов А. И. К истории местного управления в России первой четверти XIX столетия // Уч. зап. Горьков. ун-та. Горький, 1964. Вып. 72. Т. 1; Ерошкин Н. П. Местное государственное управление дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985; Морякова О. В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 6; Зырянов Н. П. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Ист. зап. М., 1982. Т. 107; Оржеховский И. В. Из истории внутренней политики самодержавия в 60–70-х гг. XIX в. Горький, 1974; Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний) : ист.-источниковед. очерки. Калуга, 1994.

³ Рабцевич В. В. Местное управление Западной Сибири в 80-х гг. XVIII – первой четверти XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973; Она же. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.

⁴ Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 247 с.

вого и второго Сибирских комитетов, высших органов государственной власти). Однако целый ряд важных аспектов темы, связанных с организацией административного устройства на местах и проведением реформ в жизнь, деятельностью Н. Н. Муравьева, остались вне поля зрения исследователя. Создается впечатление, что название этого исследования шире содержания.

Очень меткий и тонкий анализ деятельности второго Сибирского комитета предпринял А. С. Кузнецов¹. Он впервые ввел в научный оборот целый ряд архивных документов, характеризующих деятельность этого весьма важного правительственного органа по управлению Сибирью.

Со времени присоединения к России Сибирь стала местом высылки «лихих и опальных» людей. Чрезвычайно широкая система пенитенциарных учреждений явилась одной из компонент, существенно отличавших восточные окраины от других имперских территорий. Управление каторгой и ссылкой, таким образом, было специфической чертой местных администраторов губернского и генерал-губернаторского уровня. М. Н. Гернет первым из советских исследователей начал изучать проблему использования самодержавием карательных мер против зарождавшегося революционного движения². В своем фундаментальном исследовании он, в частности, рассмотрел некоторые вопросы управления и законодательства о сибирской ссылке. Одним из последователей М. Н. Гернета стал А. Д. Марголис, современные работы которого отличает высокий уровень обобщений и богатая источниковая база³. Специфические функции местных администраторов по управлению каторгой и ссылкой как один из сюжетов рассматриваются в публикациях С. В. Кодана. На основе анализа уставов о ссылке и об этапах, а также должностных инструкций, отложившихся в фондах архивов, автор изучает место и значение сибирской политической ссылки в карательном механизме само-

¹ Кузнецов А. С. Второй Сибирский комитет // Политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1987. С. 3–21; Он же. А. С. К истории создания «Статистического обозрения Сибири» // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири : тез. докл. регион. конф. 15–17 нояб. 1983 г. Иркутск, 1983. С. 30–32.

² Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1946–1961. Т. 1–3.

³ Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995. 207 с.

державия¹. Система управления Нерчинской каторгой стала предметом исследования для Л. С. Клер² и З. В. Мошкиной³.

В постсоветский период в связи с изменением принципов взаимоотношений между центром и регионами резко возрос интерес к проблемам федерализма и регионализма. Первым ответом на это, преимущественно в постановочном плане, явились несколько коллективных и индивидуальных монографий, посвященных истории федерализма и национальной политики в России⁴. Можно предположить, что основная задача авторов отнюдь не заключалась в попытке дать ответы на все возникающие вопросы. Скорее наоборот, они видели свою задачу в том, чтобы привлечь интерес исследователей к данным проблемам. В этом смысле авторы, безусловно, своего добились. Наряду с небольшими публикациями о деятельности некоторых высокопостав-

¹ Кодан С. В. Управление политической ссылкой в Сибирь (1826–1856). Иркутск, 1980. 40 с.; Устав об этапах 1822 г. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 24–40; Он же. Сибирская ссылка декабристов (историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. 284 с.; Он же. Сибирская политическая ссылка в карательном механизме самодержавия 1825–1861 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 15 с.; Кодан С. В., Шостакович Б. С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1991. Вып. 12. С. 82–94.

² Клер Л. С. Органы управления Нерчинской каторгой (середина XIX в. – 1917 г.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – 1917 г.). Иркутск, 1989. Вып. 11. С. 139–157; Она же. Органы управления горнорудной промышленностью Восточного Забайкалья в XVIII – начале XX в. // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. Иркутск, 1982. С. 14–23; Клер Л. С., Шостакович Б. С. Второе комендантское управление на Нерчинских заводах (1864–1874) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.) : сб. науч. тр. Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 101–122.

³ Мошкина З. В. Нерчинская политическая каторга. Вторая половина XIX в. Чита, 1998; Она же. Управление Нерчинской политической каторгой (вторая половина в.) // Российское общество и власть в прошлом и настоящем : материалы науч. конф. памяти проф. В. Г. Тюкавкина. М., 2004. С. 130–148.

⁴ Абдулатипов Р. Г., Болтенков Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. М., 1992. В 3 кн. Кн. 1. 383 с.; Шиловский М. В. Проблема регионализма в дореволюционной литературе // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. Ч. 1. С. 22–29; Никонов А. В. Национальный фактор в социально-экономическом развитии регионов в границах отечественной государственности (90-е гг. XIX – 20-е гг. XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 40 с.; Родионов А. И. Децентрализм в истории развития Российской государственности : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996; Чапелкин М. А., Дьякова Н. М. Исторический очерк формирования государственных границ Российской империи (вторая половина XVII – начало XX в.). М., 1992; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. Гл. 2 и др.

ленных сибирских бюрократов¹ появились как переводные, так и отечественные работы, принципиально по-новому трактующие ряд поставленных предшествующими исследователями вопросов. В теоретическом плане обращает на себя внимание отказ от оперирования понятиями «центр» – «периферия», четкое отнесение территории Польши и Финляндии для первой половины XIX в. к окраинам России². Здесь следует отметить, что современные исследователи отошли от ленинского определения окраин, на смену которому пришло понятие «фронтир». Концепция определяющего влияния фактора границы, рубежа в истории появилась к концу XIX в. в США. Современные ученые вкладывают в эту дефиницию различное содержание, трактуя подчас как границу между заселенными и незаселенными территориями, «место встречи дикости и цивилизации». В сегодняшние дни теория фронтаира широко используется для изучения широкого круга проблем по истории внешней политики (фактор «новых рубежей»), истории города и т. д. Концепция фронтаира является предметом пристального внимания ученых из Новосибирска³. Теорию фронтаира пытаются развивать, выявляя общие и особенные черты в процессе освоения Северо-Американского континента и Сибири⁴. Действительно, в ходе освоения этих территорий выявилось немало общих закономерностей как в сфере экономики, так и менталитете человека.

В конце 1980-х гг. в историографии Сибири наметилась активизация научного интереса к особым органам управления во-

¹ Кузнецова Е. А. Кадровая политика Н. Н. Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1995. № 4. С. 4–10; Она же. Прощальное фото графа Н. Н. Муравьева-Амурского // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 20–31; Матханова Н. П. Губернаторский корпус Восточной Сибири в середине XIX в // Гуманит. науки в Сибири. 1996. № 2. С. 3–9; Она же. М. С. Корсаков // Земля иркутская. 1997. № 9. С. 4–9.

² См. Центр и периферия в региональном измерении / О. В. Грицай [и др.]. М., 1991. 161 с.

³ Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д. Я. Резун, В. А. Ламин, Т. С. Мамсик, М. В. Шиловский. Новосибирск, 2001. 114 с.; Резун Д. Я. Люди на сибирском фронтире в XVII–XIX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов конф. / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск, 2003. С. 15–25.

⁴ Агеев А. Д. Движение России на Восток и США на Запад: сходства и оппозиции (методологический аспект) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : докл. II Междунар. науч.-практ. конф. 11–14 авг. 1997 г. М.; Иркутск; Гэгу, 1997. Кн. 2. С. 18–23.

сточной окраиной¹. Комплексное исследование, посвященное деятельности особых органов управления Сибирью интересующего нас периода, предпринял А. В. Комаров². В основе его работы лежит богатая источниковая база, позволившая автору проанализировать специфическую деятельность первого и второго Сибирских комитетов, а также Комитета Сибирской железной дороги.

Значительно увеличилось число исследований по проблемам местного управления дореволюционной России. Существенным образом изучение вопросов организации местного управления и взаимодействия губернских органов с центральной властью продвинулось благодаря работам М. М. Шумилова, П. И. Гаркуши, Ф. Т. Тухтаметова³.

В монографиях этих авторов рассматриваются исторические и правовые аспекты функционирования института губернатора в Российской империи. Эти работы позволяют более четко позиционировать российского губернатора – «хозяина губернии» – в системе местного управления, определить его правовой статус, проследить процесс генезиса правовых аспектов губернского управления на разных этапах развития государства. Монографии позволяют выяснить систему взаимоотношения губернатора с центральными ведомствами, которые во многом зависели от его личных качеств, наличия неформальных связей в российской столичной и местной политической элите.

¹ Ремнев А. В. Комитет министров в системе высших государственных учреждений царской России (1861–1906) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1886; Он же. Комитет Сибирской железной дороги в воспоминаниях А. Н. Куломзина // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. : сб. науч. тр. Иркутск, 1988. С. 42–57; Он же. К истории создания «Сибирской программы» царизма 1852 г. Некоторые аспекты источниковедческого анализа // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 58–69; Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Иркутск, 2004. С. 226–232.

² Комаров А. В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 23 с.

³ Шумилов М. М. Губернская администрация и органы центрального управления России во второй половине XIX в. : учеб. пособие. Л., 1988. 87 с.; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991; Он же. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. СПб., 1992; Гаркуша П. И. Правовой статус института губернаторства в России. Ростов н/Д, 2004; Тухтаметов Ф. Т. Институт губернатора России : сравнит.-ист. очерк. Уфа, 2004.

В отличие от системы губернского правления, институт генерал-губернаторской власти на окраинах страны до недавнего времени оставался крайне слабо изученным. Самые общие сведения, скорее справочного характера, содержатся в учебных пособиях по истории государства и права и истории государственных учреждений дореволюционной России. П. А. Зайончковский также оставил лишь самые краткие сведения о генерал-губернаторах первой половины XIX в. и почти ничего не написал о так называемых окраинных генерал-губернаторах¹.

В последние годы вышли в свет две крупные монографии, посвященные институту генерал-губернаторов Российской империи². В работе Л. М. Лысенко впервые в отечественной историографии проведено комплексное исследование института губернатора и генерал-губернатора в системе государственной власти Российской империи на различных этапах ее 200-летнего существования³. Системный подход позволил углубленно рассмотреть вопросы правового положения губернатора, его статус, разграничение компетенций, отношения с генерал-губернаторами и органами местного самоуправления. Основными чертами губернаторской власти в России автор считает централизм, единоначалие, преобладание отраслевого принципа над территориальным, охранительно-полицейские функции (с конца XIX в.). Исследователь рассматривает модель административно-политического управления окраинами на разных этапах (на стадиях вхождения, пребывания и выхода окраин из состава империи) через призму института генерал-губернатора. В результате Л. М. Лысенко приходит к выводу о том, что конечной целью процесса присоединения окраин с помощью института генерал-губернатора бы-

¹ Зайончковский П. А. Правительственный аппарата самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 144–149. Больше внимания он уделит временным генерал-губернаторствам 1879–1882 гг. См. также: Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.

² Лысенко Л. М. Генерал-губернаторы и губернаторы Российской империи XVIII–XIX вв. М., 2001. 358 с. ;
Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. / под ред. В. В. Черкесова. СПб., 2001.

³ Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. М., 2003. 515 с.

ли скорее геополитические соображения, чем экономические и колониальная эксплуатация. Помимо позиционирования генерал-губернатора и губернатора в системе иерархии власти как важнейшего инструмента становления и развития Российской империи, инкорпорации окраин в состав единого государства, автор воссоздает социально-исторический портрет российского губернатора как части политической элиты. На основе метода персонализации истории и статистического анализа в монографии представлены типы губернаторов в историческом контексте и намечены суммарные количественные и качественные характеристики губернаторского корпуса. При этом автором собран, унифицирован и проанализирован банк данных более чем на 2000 губернаторов и 200 генерал-губернаторов. Во второй половине XIX в. генерал-губернатор все больше превращается из инстанции, пусть и чрезвычайной, местного управления в фигуру политическую, основная цель деятельности которой заключается в поддержании и укреплении целостности империи. Это заметно уже и в том, что генерал-губернаторская власть, как правило, сохраняется на окраинах или в тех регионах, где политические обстоятельства требуют местной централизации управленческих усилий.

Важной характеристикой коллективной монографии «Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи» является солидная источниковая база – преимущественно состоящая из архивных материалов и нормативных актов. Это позволило авторам провести исследование эволюции института генерал-губернаторства во временном периоде XVIII – начало XX в. Во втором томе работы представлены основные документы, отражающие развитие этого института. Полезными сведениями являются приложения с биографическими справками о генерал-губернаторах Российской империи¹.

Высшая сибирская бюрократия середины XIX столетия является предметом исследования Н. П. Матхановой². Оригинальность ее подхода заключается, прежде всего, в оценке имперской

¹ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. СПб., 2003.

² Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. Новосибирск, 1998; Она же. Высшая сибирская администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

политики на окраине через призму личности сибирских генерал-губернаторов. Выработанная автором методология исследования, подход к рассмотрению сибирских сюжетов во взаимосвязи с российскими сюжетами, использованные методы и приемы компаративистики, принципы и критерии стратификации материала вполне могут быть применяемы и к исследованиям аналогичных вопросов в других регионах империи. Кадровый состав корпуса высшей администрации Восточной Сибири автор анализирует с позиций формальных (чин и должность) и неформальных (реальный объем властных полномочий) критериев. На основе этого Н. П. Матханова впервые в отечественном сибиреведении сумела доказательно определить круг лиц, относящихся к формальной элите сибирского общества и дать их характеристики¹.

Реформа местного управления, проводимая сегодня у нас в стране, обусловила возрастание интереса к истории губернаторской власти². Отражением современного динамичного процесса федерализма стал возросший интерес к локальной (региональной) истории. Региональная (или национальная) история стала одним из важных факторов формирующейся идеологии региональной политики. Власти сибирских и дальневосточных городов, областей и краев, национально-территориальных образований разного уровня также проявляют повышенный интерес к местной истории. В результате многие субъекты Российской Федерации стремятся создать собственную историю и выстроить галерею своих предшественников³.

В большинстве имеющих на сегодняшний день работ по сибирской и дальневосточной региональной управленческой тематике основной акцент сделан на изучении структуры государ-

¹ Дамешек И. Л. Институциональный подход в современном отечественном сибиреведении // Изв. ИГЭА. 2004. № 4 (41). С. 100–101.

² Губернаторство в России: история, современность и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. 1996. № 3. С. 3–21; Алексушин Г. В. Самарские губернаторы. Самара, 1996; Сергиенко В. А. Губернаторы Сибири (1708 г. – февраль 1917 г.) в современной региональной историографии // 55 лет Кемеровской области : материалы науч.-практ. конф. Кемерово, 1998; Бердников Л. П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916): факты, события, люди. Красноярск, 1995. 320 с.

³ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000; Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские: XVIII–XX вв. Тюмень, 2000; Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М., 2003.

ственной власти, а не собственно административной политики¹. Исключениями из этого ряда являются монографии Л. М. Дамешка, где наряду с анализом политики царизма в отношении народов Сибири освещаются и некоторые общие вопросы сибирской административной политики²; работы В. Г. Тюкавкина, И. В. Островского и В. Н. Худякова³.

В. Г. Тюкавкин, И. В. Островский и В. Н. Худяков являются признанными специалистами в области аграрной политики самодержавия в Сибири. Этот сюжет не является предметом нашего исследования. Между тем на землеустроительной политике в Сибири в полной мере отразились имперские цели и методы их реализации. Центральные власти полагали, что землеустроительные мероприятия в Сибири на рубеже XIX–XX вв. обеспечат более высокую степень интеграции азиатских окраин в общероссийские экономические и общественные процессы и административное устройство. С этих позиций монографии вышеназванных авторов представляют для нас несомненную важность. В частности, несмотря на имеющиеся расхождения в оценке правительственных мероприятий в этом вопросе между В. Г. Тюкавкиным с одной стороны и В. Н. Худяковым и И. В. Островским с другой, авторы тем не менее вполне единодушно охарактеризовали законопроекты по насаждению в Сибири помещичьего землевладения как крепостнические.

Суущественный вклад в изучение империологии внес А. В. Ремнев. На основе накопленного им материала по истории восточных окраин империи ученый предложил свои подходы к изучению имперской проблематики, которые изложил в цикле монографий и статей.

Работы А. В. Ремнева опираются на достаточно широкий круг источников: нормативные акты, делопроизводственные материалы, мемуары и др. Общественно-политическая жизнь Сибири того периода рисуется автором на фоне общероссийских

¹ Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами ...

² Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. 165 с.

³ Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 33–76; Худяков В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период. Томск, 1986. С. 188; Островский И. В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991. С. 102–119.

событий, что придает исследованию особый колорит. А. В. Ремневу удалось показать противоречия и сложности в положении генерал-губернаторской власти на востоке России, роль «высшего» надзора за местным административным аппаратом и способы его осуществления. Монографии А. В. Ремнева, несомненно, остаются крупным современным историографическим исследованием проблемы политики самодержавия за Уралом¹.

Управление имперскими окраинами (прежде всего Сибирью), позиционирование Сибири в имперском административном механизме XIX – начала XX в., имперский регионализм в целом – сфера интересов иркутского историка И. Л. Дамешек. В ее работах исследуется место Сибири в социально-экономических процессах государства, сочетание имперских принципов и регионализма в законодательной политике империи в регионе. Существенное внимание автор уделяет деятельности сибирских генерал-губернаторов и деятельности особых комитетов как органов управления окраинами².

Завершая анализ основных публикаций по интересующей нас тематике, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день имперский регионализм по-прежнему остается одной из наиболее актуальных исследовательских проблем³.

Современные исследователи имперской политики и империи (не только историки, но и политологи, социологи, философы и др.) пытаются осмыслить империю как феномен российской государственности. Сложность заключается почти в полном отсутствии каких-либо специальных исследований на данную тему

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997; Он же. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. Омск, 2004.

² Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). Иркутск, 2005. 246 с.; Она же. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2012. № 2(1). С. 54–58; Она же. Имперский регионализм первой четверти XIX в.: сибирский вариант // Там же. 2014. № 7. С. 25–31.

³ М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Иркут. гос. ун-т, Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук; [Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев]. Иркутск, 2003. 263 с.; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. 389 с.

в российской исторической литературе (прежде всего дореволюционной), так как в российской истории до середины 1990-х гг. эта тема была фактически закрытой.

Одной из первых попыток прояснить причины, по которым классическая русская историография оставила проблематику империи на периферии своего внимания, предприняла в своей статье «Выбор или судьба?» историк О. Юмашева, размышляющая об имперской традиции отечественной государственности¹. В 1994 г. вышло в свет новое учебное пособие для высшей школы, написанное Л. И. Семенниковой, «Россия в мировом сообществе цивилизаций». В этой работе империя выступает не как абстрактный термин, а как уже вполне реальная форма государственного устройства России². Достаточно интересные наблюдения относительно российского имперства – в культурно-историческом, философском, геополитическом и других контекстах содержатся в сборнике «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания»³. Огромный массив исследований на тему империи, причем в самых разнообразных ее воплощениях, накопила западная гуманитарная наука⁴. Российскую империю западные ученые также не обошли вниманием.

В числе фундаментальных исследований следует отметить монографию английского ученого П. Кеннеди о мировых империях XVI–XX вв., в которой предпринят детальный компаративный анализ великих держав, поочередно выдвигавшихся на первый план истории⁵. В качестве объекта изучения – военный и экономический аспекты жизнедеятельности крупнейших государств. Триумф одного либо коллапс другого, по его мнению, являлись следствием более или менее эффективного использова-

¹ Юмашева О. Выбор или судьба? // Родина. 1995. № 9. С. 26–30.

² Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994.

³ Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С. Б. Чернышев. М., 1995.

⁴ См. Fieldhouse D. K. The colonial empires: a comparative survey from the eighteenth century. London, 1966; Colonialism, 1870–1945: an introduction. London, 1981; The theory of capitalist imperialism (Problems and perspectives in history). London, 1974; Unilever overseas: the anatomy of a multinational, 1895–1965. London, 1978; Hobsbawm E. J. The age of empire, 1875–1914. London, 1987; Darwin J. Britain and decolonization. The retreat from empire in the Post-war world. Basingstoke, 1988; Porter A. N. British imperial policy and decolonization, 1938–1964. Vol. 2. Basingstoke, 1987–1989; etc.

⁵ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988. P. 16, 232, 490, 514.

ния экономических ресурсов в период войн. Мощный прорыв России, как, впрочем, и Британской империи после 1815 г. Кеннеди объясняет тем, что обе державы были географически изолированы от других и осуществляли экспансию за пределы Европы. Могущество России автор соотносит с непрерывной экспансией, которая не подавала «ни малейших знаков к намерению остановиться». Индикатором неблагополучия стала Крымская война. Последующее ослабление Российской империи Кеннеди усматривает в целом ряде причин, в частности в технологическом и экономическом отставании, но прежде всего – в абсолютизме, монополии ортодоксальной церкви на образование, всеилии бюрократии и наличии крепостного права. Однако, по его мнению, в характере и традициях Российского государства не было ничего, позволяющего предположить, что оно когда-либо смогло бы «благосклонно согласиться с закатом империи».

Каждая из великих империй – это целая вселенная со своей системой мироздания и миропорядка, с трудом поддающимися типологизации и разного рода обобщениям. Не случайно сравнительному анализу империи была посвящена одна из конференций, организованная московским отделением Института «Открытое общество» (фонд Сороса) совместно с историческим факультетом Центрально-Европейского университета и Институтом всеобщей истории РАН. Это была серьезная попытка обсуждения проблем исторической компаративистики в изучении истории империй. В фокусе докладов и дискуссий конференции находились история Британской, Испанской, Германской, Габсбургской, Российской и Османской империй. На конференции выступали ведущие специалисты по истории этих империй. В частности, А. Капеллер, который в своем докладе отметил, что Российская империя складывалась как «составное государство» и в этом смысле она может быть сравнена с другими континентальными империями, которые также отличались существенным разнообразием внутреннего устройства и наличием механизма непрямого управления.

Среди самых обсуждаемых на конференции были вопросы экономики империи (прежде всего Российской). Одним из ведущих специалистов в этой области является академик Б. В. Ана-

ннич¹. Участники конференции обратились к обсуждению экономики империи на примере Османской и Российской империй, представленных в докладах К. Чичека, Б. В. Ананьича и его ученицы Е. Правиловой². Подводя итоги дискуссии по этим двум докладом, А. Б. Каменский указал на сходное положение Османской и Российской империй в относительно малой доходности имперской экономики и подчиненности обслуживанию государственных приоритетов (управленческой машины, завоевательных и оборонительных войн). Вместе с тем Каменский отметил существенные различия в эволюции экономического устройства Российской и Османской империй: Российская империя пошла путем централизации экономического управления (в том числе государственного поддержания экономики) и использования европейских идей для обеспечения экономического роста, в то время как экономика Османской империи оказалась в большей степени децентрализована и подвержена экономической эксплуатации со стороны западных держав. Вновь вопрос об экономическом развитии империй европейской периферии был поставлен в зависимость от политического развития этих империй, в частности от их способности модернизироваться и отстаивать собственную независимость от влияния экономически более развитых западных держав.

Собственный доклад А. Б. Каменский посвятил иному аспекту имперской проблематики – управленческой³.

Доклады В. Кантора и А. Давидсона показали, что изучение империи как исторического феномена все еще сопровождается проекциями на этот феномен идеологических дискуссий, в рамках которых не существует возможности выделить историче-

¹ Власть и реформы. От самодержавия к советской России / В. М. Панеях [и др.]; редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук, Ин-т рос. ист., С.-Петербур. фил. СПб., 1996.; Кризис самодержавия в России 1895–1917 / Б. В. Ананьич [и др.] / отв. ред. В. С. Дякин. Л., 1984.

² Чичек К. Османская экономика в период провинциализации: 1700–1914; Ананьич Б., Правилова Е. Имперский фактор в экономическом развитии России 1700–1914 [Электронный ресурс] // История империй: сравнительные методы в изучении и преподавании: материалы Междунар. конф. М., 7–9 июня 2003 г. URL: www.empires.ru.

³ Каменский А. Б. Элиты российской империи и механизмы административного управления // Там же.

скую семантику имперского опыта и понять археологию империи за пределами доминантного национального дискурса¹.

Для современного политолога В. Л. Цымбурского «империя – система государственного устройства, складывающаяся в результате интеграции территориальных или этнических образований, многие из которых в потенциале могли бы стать самостоятельными государствами». Для этого автора Россия представляется «великой колониальной державой», которая несла основы европейской христианской цивилизации народам Урала и Сибири, Средней Азии и Закавказья, ничем не отличаясь от тех же Англии или Франции². В данном толковании основное значение придается фактору экспансии, являющемуся важнейшим формальным признаком государства имперского типа. Подобное восприятие империи исключительно как государства, состоящего из метрополии и колоний, весьма распространено.

Между тем можно достаточно легко выстроить целую систему доказательств того, что Россия не была колониальной державой. Прежде всего в географическом отношении рассматривать вновь приобретаемые территории как естественное продолжение России – с последующим распространением на них всех действующих в империи законоположений. Что же касается экономического фактора, то слишком очевидными являлись колоссальные расходы, связанные с элементарным хозяйственным освоением новых окраин, порою лишенных даже простейших инфраструктур. Однако Петербург снова и снова шел на столь значительные финансовые затраты, всякий раз демонстрируя приоритет государственности.

Безусловно, не все иностранные колонии приносили метрополиям прибыль, однако они не приносили и убытков. Россия же постоянно несла огромные расходы, в сущности, с бременем имперства. Вряд ли в какой-нибудь другой метрополии уровень жизни коренного этноса был бы сопоставим с условиями существования жителей колонии. Вопрос о колониальном или неко-

¹ Кантор В. От русской империи к националистической деспотии. Становление Российской империи, ее пафос Давидсон А. Историк в постимперском пространстве [Электронный ресурс]. URL: www.empires.ru.

² Цимбаев Н. И. Опасная мечта. Евразийство: за и против, вчера и сегодня : материалы круглого стола // Вопр. философии. 1995. № 6. С. 17.

лониальном характере Российского государства требует особо тщательного, документально-статистического анализа, прежде всего потому, что с некоторых пор за ним кроется серьезная политическая подоплека. Ученым еще только предстоит разобраться в архитектонике Российской империи. С появлением в последние годы новейших современных исследований фактически отошел в небытие лозунг «Россия – тюрьма народов».

Каждая империя имеет ряд системных признаков. Прежде всего, это сакральный характер власти, постоянное территориальное расширение (экспансия), наличие центра и периферии, окраин, провинций либо метрополий и колоний, полиэтничность и существование титульной нации, которая зачастую в численном отношении уступает всем остальным. Одним из важных атрибутов империи является общая идеология.

В России границы центра и периферии всегда были неопределенны и нечетки. Вполне дискуссионным представляется вопрос о том, что следовало считать центром: Петербург с окрестностями, европейскую часть страны или ареал расселения русского этноса? Например, в Америке понятие центра практически отсутствовало. Отвоеванное у природы и индейского населения пространство сразу становилось однородным, организованным «по горизонтали». Это обстоятельство представляло собой главное отличие колониционных процессов США и России.

Между тем процесс расширения российской государственности шел перманентно на протяжении столетий. В мировой практике не существует аналогов, и эта геополитическая характеристика, пожалуй, есть самая уникальная особенность России. Поглощение новых территорий, населенных различными этносами, сопровождалось последовательным политико-административным их освоением. Постепенно складывалась централизованная империя, подчинявшая сопредельные земли строго иерархично, от микроцентров власти – к ее макроцентру. В итоге Россия эволюционировала в централизованное государство со строго вертикальной иерархией подчинения. Пресс государства давил одинаково на всех. Оно традиционно выступало как носитель наиболее универсальной системы, объединяющей в себе многообразие социальных и культурных структур.

Только государство могло выходить за локальные пределы, соединяя в себе Запад и Восток, Север и Юг на огромном пространстве от Варшавы до Калифорнии, а затем Чукотки и Кушки, обеспечивая несомненное единство пространства и населения в политическом, административном, а в определенной степени – и хозяйственном планах. Империя была более универсальной, чем ее официальная религия и культура. Например, в статье В. С. Ерасова «Выбор России в евразийском пространстве» автор отмечает: «Именно степенью универсальности Российская империя отличалась от других подобных ей имперских образований того времени, что делало ее и в самом деле продолжением и подобием первого и второго Римов, придавало ей такой огромный масштаб и длительную устойчивость, несмотря на то, что XIX в. все больше обнаруживал ее хозяйственную и военную слабость»¹.

XIX столетие завершило целую эпоху инкорпорации народов в Российское государство, превратившееся (в первую очередь, благодаря колоссальным масштабам) в суперимперию. Расовые и этнические особенности этносов не помешали вовлечению их разноукладных социальных организмов в новую общность, сложившуюся в результате добровольных, вынужденных и насильственных присоединений. Многочисленные микросоциумы интегрировались в некую универсальную систему, в данном случае – в имперскую структуру.

Геополитические интересы постоянно вели Россию на восток. Империя, растянувшаяся к середине XIX в. по всему Азиатскому континенту, постепенно начинала обретать свою идентичность, отличавшую ее от любой другой европейской империи.

Уникальность России заключалась не только в территориальной необъятности или многообразии природных и климатических зон, но, прежде всего, в этническом многообразии входящих в империю народов. Каким образом происходила интеграция окраинных этносов в империю, как проходил процесс их адаптации и в какой мере влиял на этот процесс, в частности, конфессиональный фактор? Нетрудно предположить, что народам, исповедовавшим православие, удавалось войти в империю значительно проще, нежели носителям иных вероисповеданий,

¹ Ерасов В. С. Выбор России в евразийском пространстве // Цивилизации и культуры. М., 1994. Вып. 1. С. 48.

острее ощущавшим свою чужеродность в православном государстве. В привилегированном положении находился русский народ, который, являясь титульной нацией, идентифицировал себя с империей в значительно большей степени, чем это происходило с другими народами Европы.

Каждому из населявших империю этносов была присуща своя особая ментальность, во многом определявшая взаимоотношения с государством, влиявшая на место и роль того или иного народа в системе имперских координат. Что придавало устойчивость физической конструкции империи, обеспечившей значительную, в масштабах мировой истории, продолжительность ее существования? Этот вопрос взаимосвязан с устройством и эволюцией административной системы, исследованию которой советские историки не уделили должного внимания¹. Одним из факторов стабильности империи было разумное интегрирование в бюрократическую систему государства представителей местных национальных элит. Социолог А. Филиппов утверждает, что эффективное имперское руководство могло быть только косвенным, при более или менее добровольном соучастии в исполнении господства со стороны тех, кто ему (имперскому руководству. – *И. Д.*) подчинен. Подобное было возможно только в том случае, если местные элиты предпочитали подчинение самостоятельности, что, в свою очередь, предполагало их постоянную инкорпорацию в центральную элиту². Действительно, подобная практика была уникальной. Достаточно трудно представить, чтобы английские лорды и индийские магараджи уравнились в правах и получили одинаковые привилегии, как это происходило с родовой знатью российских провинций, не только регулярно востребуемой властью, но и вносимой в родословные книги русского дворянства. Это обстоятельство является одним из серьезных аргументов в пользу «неколониального» характера Российской империи. В этой связи возникает вопрос, который волнует многих исследователей: что же привело Российскую империю к упадку? Ряд специалистов видят причину гибели Российского государства в крушении имперской идеи, хотя вкладывают в это понятие разный смысл. С. В. Лурье в сво-

¹ Анализ исследований западной русистики по этой проблеме см. ниже.

² Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи // *Вопр. социологии*. 1992. Т. 1. № 1. С. 108.

ей статье «Российская империя как этнокультурный феномен» пишет, что Российская империя как особый феномен могла существовать лишь до тех пор, пока могло выражаться ее идеальное содержание, хотя бы в противоречивой форме, пока она имела смысл и значение в глазах русского народа. Подавление религиозной составляющей имперского комплекса неизбежно влекло за собой кризис народного имперского сознания, что и потребовало создания иной, более интернациональной модели общественного жизнеустройства¹. Аналогичное суждение принадлежит Т. Н. Очировой, которая полагает, что собранная из многих народов российская вселенная утратила свой скрепляющий стержень – идеологию универсализма (христианскую философию универсализма, давшую возможность Московии утвердиться на просторах Евразии), которую сугубо политическая идея империи не могла плодотворно заменить². Встречаются и другие мнения. Например, политолог А. Кара-Мурза выдвинул предположение о том, что крах Российской империи в начале нашего века произошел из-за недостижения ею полноты имперского универсализма, из-за серьезных нарушений принципа надэтнического подданства³.

Значительный интерес представляет взгляд западных историков на имперскую сущность России. Заметим, что имперский аспект российской и советской истории долгое время не получал должного внимания в западной русистике. Изучение российской и советской истории развивалось на Западе под влиянием идеологического спора между левыми и консерваторами, поддерживавшими, соответственно, «модернизационную» и «тоталитарную» парадигмы. Другой причиной игнорирования имперской компоненты в истории Российской империи и Советского Союза было господство аналитического дискурса национального государства. Решающий поворот к пониманию российской и советской истории через призму империи произошел во многом под

¹ Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен // Цивилизации и культуры. С. 130–131.

² Очирова Т. Н. Присоединение Сибири как евразийский социокультурный вектор внешней политики Московского государства // Цивилизации и культуры. С. 151.

³ Кара-Мурза А. А. Россия в треугольнике «Этнократия – империя – нация» // Иное : хрестоматия нового российского самосознания / ред.-сост. С. Б. Чернышов. М., 1995. Т. 2 : Россия как субъект : сб. очерков. С. 47.

влиянием распада многонационального федеративного советского государства.

Тем не менее изучение отдельных сюжетов истории империи началось задолго до становления «имперской» парадигмы в качестве самостоятельной объяснительной модели. Исследователи, придерживающиеся «тоталитарной парадигмы», обнаружили большую склонность к включению проблемы империи в список исследовательских вопросов. Примером может служить монография Р. Пайпса *The Formation of the Soviet Union* (Cambridge (Mass.), 1964). Однако имперская компонента российской и советской истории в его понимании сводилась к констатации факта многонационального состава российского и советского государства, исследованию репрессивной политики имперского (отождествленного с русским) центра по отношению к нерусским национальностям и окраинным регионам и факту внешней экспансии. Взгляд на национальную политику имперского центра был производным от общей оценки Российского государства как репрессивного политического режима.

Между тем имперская проблематика в целом, а также имперская система управления (как ее составляющая часть), вопросы взаимоотношения империи и окраинных (периферийных) регионов в последнее десятилетие вновь становятся актуальными в России и на Западе. Сфера исследовательских интересов в 90-е гг. сместилась от центра к периферии, к изучению отдельных регионов и политики имперского правительства по отношению к ним.

По-прежнему наиболее заметным среди новейших исследований представляется монография немецкого историка А. Каппелера, получившая высокую оценку специалистов¹. В центре внимания исследователя – процесс становления России как многонациональной империи на протяжении четырехсот лет (включая и эпоху СССР). Отказавшись от характерного для большинства историков «русоцентрического» подхода, Каппелер сумел объективно проанализировать характер и формы участия многих народов в возведении здания российской государственности. Он проследил эволюцию национальной политики от ее первых шагов до разработки специальных концепций, ложившихся в основу им-

¹ Каппеллер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад : пер. с нем. М., 2000. 344 с.

перского курса на разных этапах истории страны. Россия, утверждает Каппелер, была не национальным государством русских, а «династически-сословно легитимизированным государством», а в объединявшей его имперской идее преобладали все же наднациональные черты, несмотря на очевидное родство ее структурообразующих компонентов с русским национальным сознанием.

Любая империя сильна своими государственными институтами, в конечном счете, своим бюрократическим аппаратом. Направление так называемой «институциональной» истории было весьма популярно в американской русистике 70-х гг. прошлого века. Что представляла собой российская административная система, как она функционировала и, главным образом, как она сумела обеспечить столь длительное и устойчивое сохранение самодержавного режима – таковы основные вопросы в исследованиях западных историков.

Первое изыскание в этом направлении было предпринято в 1973 г. Джорджем Йени¹. Автор вполне успешно справился с поставленной им самим задачей – «дать портрет царской администрации» во временном промежутке двух веков. Основываясь на историко-социологическом подходе, ученый выстраивает концепцию «систематизации» управления. Центральное место здесь он отводит понятию «легально-административная система». Однако в России процесс формирования подобной системы был фактически невозможен вследствие иных, нежели в Западной Европе, представлений русских о праве и его функциях в обществе.

Заметим, что, несмотря на широко распространенное в западной русистике мнение о серьезных недостатках российской административной системы, ряд исследований показал, что этот тезис не всегда представляется справедливым. В качестве примера следует привести книгу Ричарда Роббинса².

Книга Роббинса подробно рассматривает институт губернаторов. В рамках этого автор изучает и определяет специфику функционирования данного института, взаимоотношения его представителей с чиновниками центральной и местной админи-

¹ Yaney G. L. The systematization of Russian government: Social evolution in the domestic administration of imperial Russia, 1711–1905. Urbana, 1973. 430 p.

² Robbins R. G., jr. The tsar's viceroys: Russian provincial governors in the last years of the empire. Vol. 14. Ithaca, 1987. 271 p.

страции. Отличительной чертой работы являются портреты 53 императорских наместников, приведенные им на фоне широкого исторического контекста. Автор отмечает, что и на рубеже XIX–XX вв. губернаторы сохранили статус «царских наместников». Новаторским подходом является представление о России как о полирегиональном государстве, признание разнообразия ее территорий. Однако при этом автор сконцентрировал свое внимание на изучении лишь имперского центра, без учета многонационального характера государства¹.

Достаточно длительное время имперский аспект истории России находился вне поля внимания западных историков. В данном случае они следовали традициям дореволюционной отечественной историографии, в которой подобные вопросы (по понятным причинам) не исследовались. Между тем полного игнорирования этого вопроса не происходило. В частности, известный специалист в русской истории М. Раев одну из своих работ посвятил именно модели имперской политики России². Автор предельно четко сумел выделить основные ее составляющие (этапы): завоевание (присоединение), инкорпорация (территории и населяющих ее народов) и, наконец, ассимиляция. В числе важнейших составляющих имперской экспансии М. Раев называет территориальное, политическое, социально-экономическое и культурное измерения. Мы полностью разделяем мнение М. Раева о том, что российская окраинная политика во многом была зависима от того, каким образом и когда происходило присоединение конкретных территорий, а также от того, какие народы эти территории населяли. Модели имперской политики в отношении коренных народов Сибири и в отношении западных (более развитых) окраин существенно различались.

Одним из важных элементов, обеспечивающих эффективную инкорпорацию новых территорий в единое имперское пространство, выступало вовлечение местных элит в систему управления. Культурная и социальная русификация предоставляла до-

¹ Robbins R. G., jr. The tsar's viceroys ... P. 13, 17–19.

² Raeff M. Patterns of Russian imperial policy toward the nationalities // Soviet nationality problems / ed. by E. Allworth. N. Y., 1971. P. 22–42; М. Раев является автором одной из популярных работ по проблемам управления восточными окраинами Российской империи.

полнительные возможности для карьеры. Между тем, отмечает М. Раев, для российской национальной политики было характерно игнорирование особенностей национального сознания присоединенных народов, учитывались только юридические формы. Поэтому в течение весьма продолжительного времени проводимая имперскими властями политика русификации и ассимиляции являлась фактически не чем иным, как насаждением единого образа жизни по всей империи. Процесс постепенной социальной русификации присоединенных народов происходил параллельно введению общеимперских институтов, что обеспечивало русификацию административную. Между тем с активизацией во второй половине XIX в. национальных движений на окраинах российское правительство перешло к тотальной, фактически насильственной русификации¹.

Следует отметить, что работы западных историков по вопросам имперского управления, вышедшие в свет в период 70–80-х гг. прошлого столетия, были немногочисленны. Тем не менее в них наметились определенные проблемы, которые с 90-х гг. (с распада Советского Союза) получили новое звучание и привлекли к себе самое пристальное внимание специалистов.

Коллективная монография «После империи: многонациональное общество и строительство нации» прослеживает процесс распада ряда континентальных империй – в том числе Российской². Авторы стремятся выяснить, является ли упадок империй неизбежным, каково было соотношение властных полномочий между центром и периферией, титульной нацией и национальными меньшинствами, какие механизмы использовала империя для сохранения стабильности в государстве.

Для выяснения специфических особенностей Российской империи западные исследователи используют сравнительно-исторический метод. В частности, А. Рибер самое пристальное внимание уделяет фактору исторического времени и географического местоположения. Автор причисляет Россию к числу так называемых территориально-протяженных империй, имеющих ряд отличий от западноевропейских империй с заморскими колониями.

¹ Raeff M. Patterns of Russian imperial ... P. 39–40.

² After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Boulder, 1997. 200 p.

Отличительными чертами континентальных империй, и прежде всего Российской империи, было наличие однородного в этническом отношении центра и прилегающих к нему многонациональных периферийных территорий. При этом традиционно именно окраинные территории (в российском варианте – населенные народами Кавказа, поляками, финнами и другими) являлись собой наиболее нестабильные зоны империи и могли представлять реальную угрозу центру. Именно географическое положение территориальных империй, как пишет А. Рибер, ставило перед ними проблемы интеграции в целях обеспечения безопасности¹. Рассматривая вопрос о механизме устойчивости империи, Рибер выделяет три ее составляющие: имперская идея, имперская бюрократия, защита и интеграция пограничных зон (периферии). Остановимся на третьем компоненте. Автор создает общую типологию фронтиров евразийских империй, анализирует их общие черты. В интерпретации А. Рибера, западные границы Российской империи представляли собой западноевропейский тип фронта, а юго-восточные – динамический, поскольку там происходило продвижение на восток оседлого народа – в территории с кочевыми племенами².

Имперское управление фронтами представляло собой достаточно сложный, многоплановый процесс. Управление пограничными территориями Российской империи имело свои особенности, обусловленные многонациональным составом населения на этих землях. Соответственно, достаточно многоплановой была и стратегия имперского центра по присоединению и дальнейшей инкорпорации окраинных территорий. В XIX–XX вв. усилия правительства были сконцентрированы преимущественно на административной и правовой инкорпорации окраин. Именно поливариативность имперских управленческих моделей в отношении окраинных территорий обуславливала столь длительную жизнеспособность Российской империи³.

¹ Rieber A. From reform to empire: Russia's "new" political history // *Kritika*. Bloomington, 2001. Vol. 2, N 2. P. 261–268.

² Rieber A. Approaches to empire // *От мира империи к глобализации*. Саратов, 2002. С. 117–138.

³ См.: *Имперский строй в региональном измерении (XIX – начало XX в.)*: сб. науч. ст. / под ред. П. И. Савельева. М., 1997. 237 с.

Из зарубежной литературы, в которой рассматривается административная политика России на восточных окраинах империи, следует выделить, прежде всего, широко известные работы М. Раева, известного американского ученого¹. Глава VIII книги «Michael Speransky...» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей, IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Прежде всего отметим, что оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX вв. Именно данный вывод заставил М. Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов», и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц». Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. М. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.». Идеи Сперанского, по мнению Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX века», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами.

¹ Raeff M. Michael Speransky. Statesman of imperial Russia. 1772–1839. Martinus Nijhoff. The Hague, 1969. 394 p.; Raeff M. Siberia and reforms of 1822. Seattle, 1956. 210 p.

Основную причину ревизии Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушнина. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», – отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий». Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в 1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917»¹. С этим утверждением Раева трудно не согласиться.

В монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока – от появления там первых русских землепроходцев до наших дней². Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас аспектам.

Д. Стефан прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель перед московским правительством прежде всего встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов. Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на Востоке России, Д. Стефан тем не менее метко подмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя

¹ Raeff M. Michael Speransky ...; Raeff M. Siberia and reforms of 1822 ...

² Stephan J. J. The Russian Far East. "A History". Stanford, California, 1994. 481 p.

большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. Сперанский же «в течение короткого периода управления Сибирью... представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию». Цель этих «рациональных» идей Д. Стефан видит прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов.

В середине XIX в., пишет далее Стефан, русские продвинулись на Дальний Восток. Любопытно замечание американского исследователя, что это произошло «больше просвещением, чем силой». Успеху преобразовательных планов генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева (1847–1861), впоследствии – графа Амурского, в немалой степени способствовало обострение международной обстановки в этом регионе, в частности опиумная война, которая заставила правительство предпринять ряд энергичных мер по закреплению этой окраинной территории в составе России.

Деятельность Н. Н. Муравьева, как обоснованно отмечает американский исследователь, вызвала неоднозначную оценку современников. Так, декабрист Д. Завалишин обвинял генерал-губернатора в присвоении его «амурской идеи», а А. П. Щапов, будучи в ссылке, доносил Александру II, что Муравьев «мнит себя сибирским царем». Эти нападки, по мнению Стефана, в немалой степени послужили причиной отставки Муравьева, когда «озлобленный генерал-губернатор добровольно ушел со своего поста в 1861 г., затем уехал в Париж, где и умер в 1881 г.».

Одной из характерных черт Российской империи было восприятие своих окраин как неотъемлемой части унитарного государства. Для решения специфических управленческих проблем на этих территориях был создан институт наместников или генерал-губернаторов. Одной из важнейших их функций было обеспечение интеграции территории в общеимперский административный и хозяйственный механизм. С. Беккер выделяет основные причины создания подобных институтов на имперских окраинах: 1) уважение «иных» политических институтов и законов окраины (Финляндия, Польша); 2) поддержание внутренней и внешней безопасности (Польша, Кавказ); 3) необходимость кон-

троля в недостаточно колонизированном крае с малым населением (Сибирь, Амур); 4) необходимость делегирования местным администраторам в отдаленных территориях особых полномочий для обеспечения эффективности управления (Сибирь, Амур)¹.

Институт генерал-губернаторов стал предметом исследования американского историка Джона ЛеДонна². Автор прослеживает изменения, происходившие в системе генерал-губернаторской власти в период конца XVIII – начала XIX в. По словам ЛеДонна, если при Екатерине II генерал-губернаторы являлись гражданскими представителями Сената, то при Павле I, активно проводившем политику централизации, генерал-губернаторы были сохранены только в приграничных областях. Дальнейшее развитие институт генерал-губернаторов получил во времена императора Александра I. Это в значительной степени способствовало усилению самодержавной власти на периферии империи. В своей первой статье автор через призму семейных и служебных связей правящей элиты анализировал карьеру 33 российских генерал-губернаторов, служивших на западных окраинах страны. ЛеДонн отмечает: несмотря на то что генерал-губернаторы традиционно назначались императором, существовало негласное правило о том, что эти назначения должны были удовлетворять основным кланам. Таковыми в России были семейство Салтыковых и Нарышкиных-Трубецких. Свою третью статью автор посвятил генерал-губернаторам восточных окраин, особое внимание уделив деятельности М. М. Сперанского и реформе 1822 г. Историк указывает, что генерал-губернаторы на востоке страны подолгу оставались на своих постах. Анализ семейных связей 14 генерал-губернаторов восточной окраины показал, что трое из них косвенно были связаны с Салтыковыми, а девять - с Нарышкиными-Трубецкими³.

В своем исследовании ЛеДонн приходит к выводу, что генерал-губернаторы были не столько администраторами, занима-

¹ Becker S. Russia and the concept of empire // *Ab imperio*. 2000. № 3/4. С. 329–342.

² LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. I. Western frontier // *Jb. Fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden. 1999. Bd. 47, H. 1. P. 56–88; II. The Southern frontier // *Ibid.* Wiesbaden, 2000. Bd 48, H. 2. P. 161–183; III. The Eastern frontier // *Ibid.* Bd. 48, H. 3. P. 321–340.

³ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. III. The Eastern frontier // *Ibid.* Bd 48, H.3. P. 334.

ющими определенное место в бюрократической иерархии с соответствующими правами и обязанностями, сколько членами правящей элиты, чья карьера определялась политикой столицы и борьбой кланов за преобладание при дворе. Генерал-губернаторы являлись прежде всего посредниками между центром и периферией, а также между разными этническими группами в периферийных регионах. В то же время автор, восстанавливая справедливость, отмечает, что некоторые генерал-губернаторы были значительно больше, чем посредники, – они выступали как проконсулы со своими программами. Ермолов, Воронцов, Сперанский внесли существенный вклад в освоение окраин и их инкорпорацию в империю¹.

Одной из составляющих вопроса окраинной политики империи выступает проблема выработки правительственного курса по отношению к коренным народам присоединенных территорий. Современная западная историография национальной политики имперской России отмечает ее непоследовательность и противоречивость². В Российской империи не существовало официальной юридической дефиниции национальности, а характерный ей консерватизм в сочетании с объективными трудностями не позволяли России проводить активную национальную политику³.

В целом все политические меры российского правительства были подчинены главной идее – поддержания безопасности, а соответственно, и устойчивости империи. Об этом в своих исследованиях пишет Т. Уикс⁴. Автор отмечает, что национальная политика в конечном итоге являлась проявлением насущных сиюминутных нужд по обеспечению этой самой безопасности. Между тем именно развитие национализма, по мнению Уикса, стало одним из дестабилизирующих факторов, приведших в результате к коллапсу империи. Стабильность империи могла быть обеспечена в условиях целостной системы администрации. Од-

¹ LeDonne J. Frontier governor general 1772–1825. P. 338–340.

² См., например, работу Барретт Т. М. Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Имперский период. Самара, 2000. С. 163–195.

³ См.: Barrett T. M. At the edge of empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus frontier, 1700–1860. Boulder, 1999. XV, 243 p.; Beyond the limits: The concept of space in Russian history and culture / ed. Smith J. Helsinki, 1999. 276 p.

⁴ Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996. XIII. 297 p.; Weeks T. Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // Slavic rev. Chicago, 2001. Vol. 60, N 1. P. 96–114.

нако национализм, развивающийся в России на рубеже XIX–XX вв., усиление национальных чувств коренных народов окраин привели к оппозиции и отторжению ряда административных установлений Петербурга, прежде всего таких как введение единого для империи государственного русского языка. Проблема осознания современниками этнического многообразия империи и меры по ассимиляции нерусских народов рассматривается в монографии Р. Джераси¹. Исследуя многообразие типов культурной интеграции, автор использует широкий спектр терминов: «христианизация», «обрусение», «слияние» и пр.²

Вопросы управления дореволюционной России традиционно находились в поле зрения западных русистов. Однако западные историки фокусировали свое внимание на административной компоненте, изучении институтов власти и бюрократии, их взаимоотношениях. Изменения, происшедшие в мире в конце 90-х гг. прошлого столетия, повлекли за собой повышение интереса специалистов именно к имперской сущности России. Исследователи обратили свои взгляды на многонациональный и полирегиональный характер Российского государства. В работах последних 15 лет акценты смещаются от центра к периферии, а проблемы управления империей рассматриваются через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство. Работы последних лет свободны от идеологических штампов, что способствует активному международному сотрудничеству историков в рамках совместных проектов. Положительно оценивая разнообразие моделей имперского центра по управлению окраинными регионами, многие современные исследователи именно в регионализме видят причину устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем.

Таким образом, представителями отечественной и зарубежной историографии достигнуты определенные успехи в изучении имперской окраинной политики в отдельных регионах страны. Однако исследовательский интерес традиционно концентрируется либо на анализе нормативной базы, на основе которой осу-

¹ Geraci R. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca, 2001. 378 p.

² *Ibid.* P. 9.

ществлялась управленческая политика на периферии, либо на изучении национальной политики в полирегиональном и многонациональном государстве. Обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, в конечном итоге представляют систематизацию уже известного материала, который нуждается в существенном дополнении новыми источниками. Одной из слабых сторон подобных изданий является их очерковый характер. В дополнительной разработке нуждается вопрос об определении места окраинной политики в имперских мероприятиях самодержавия и ее вариантах. Фактическое отсутствие компаративных исследований крайне затрудняет выяснение общих принципов и факторов, оказывавших на окраинную политику определяющее влияние. Одним из важных вопросов, который фактически не затрагивался исследователями, является определение корреляции имперских принципов и регионализма в имперской политике по отношению к своим окраинам.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Назовите четыре основные исследовательские проблемы имперской политики в Сибири.
2. Какое правительственное мероприятие стало первым проявлением имперского регионализма по отношению к Сибири?
3. Как оценивали реформы М. М. Сперанского представители официального и демократического направлений?
4. Назовите идеологов раннего сибирского областничества. Каким образом они оценивали преобразования первой четверти XIX в. в Сибири?
5. Назовите автора биографии Н. Н. Муравьева-Амурского. Дайте характеристику работы.
6. Назовите наиболее яркие сибиреведческие исследования 50–60-х гг. XX в. Каким проблемам они посвящены?
7. Перечислите наиболее значимые работы по истории пенитенциарных учреждений, в том числе в Сибири.
8. Назовите наиболее крупные исследования в области аграрной политики самодержавия в Сибири.
9. Дайте характеристику работам А. В. Ремнева.
10. Дайте характеристику работам современных исследователей Сибири.
11. Назовите работы иностранных исследователей, посвященные административной политике самодержавия в Сибири.
12. Сделайте анализ статьи (на выбор) Н. П. Матхановой.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. – 165 с.
2. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.) / И. Л. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2005. – 246 с.
3. Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2012. – № 2(1). – С. 54–58.
4. Дамешек И. Л. Имперский регионализм первой четверти XIX в.: сибирский вариант // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2014. – № 7. – С. 25–31.
5. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2009. – 389 с.
6. М. М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / Иркут. гос. ун-т, Иркут. межрегион. ин-т обществ. наук [Дамешек, И. Л. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев]. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 263 с.
7. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков / Н. П. Матханова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. – 428 с.
8. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 1995. – 237 с.
9. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 1997. – 253 с.
10. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX в. / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 552 с.

ОЧЕРК 3

Формирование городской среды Сибири дореволюционного периода в отечественной и зарубежной историографии¹

Изучение проблем, связанных с развитием и деятельностью городов, их первостепенную ролью в экономическом и социокультурном развитии регионов, является одной из важнейших задач исторической науки. История российского города представляет интерес на разных этапах развития общества, особенно на стержневых моментах его истории. Говоря в целом о состоянии историографии городов России периода позднего феодализма, следует констатировать, что, несмотря на довольно обширную литературу, многие аспекты изучены крайне слабо. Среди них такие важнейшие методологические и конкретно-исторические проблемы, как определение и сущность позднефеодального города, основные факторы городского образовательного процесса, типология городов и их функции, экономика города и его роль в становлении и развитии всероссийского рынка и др.

Еще в меньшей степени изучены особенности формирования городской среды сибирского позднефеодального города. Нельзя сказать, что эти проблемы не привлекали внимания сибирских историков. Однако до сих пор они решаются на уровне отдельных городов или регионов. Обобщающих исследований явно недостаточно. Далеко не все аспекты истории городов Сибири подняты даже в постановочном плане. Авторы многих статей уходят в мелкотемье и далеко не всегда выходят на необходимый уровень обобщения. Следует отметить, что история сибирских городов исследуется как бы в двух планах: наряду с научно-исследовательской существует довольно многочисленная

¹ Автор: В. П. Шахеров.

литература историко-краеведческого характера, посвященная отдельным городам Сибири. Несмотря на несомненную значимость подобных работ, особенно в плане привлечения нового фактического материала, авторы большинства из них далеки от постановки серьезных проблем и обобщений.

Исследование истории сибирской урбанизации ведется неравномерно в региональном и хронологическом плане. Более активно идет процесс изучения городов Западной Сибири, что связано с наличием здесь академических учреждений, большим кругом специалистов, появлением научных центров изучения города в Новосибирске, Омске и Барнауле. К сожалению, нередко выводы, полученные на материалах Западной Сибири, распространяются на всю Сибирь в целом. Против подобной практики выступала в свое время М. М. Громыко. «В феодальную эпоху, – писала она, – экономические связи этих двух территорий (Западной и Восточной Сибири. – *В. Ш.*) были настолько слабы и поэтому географические различия так ощутимы, что характеристика основных процессов социально-экономического развития должна выводиться из самостоятельного изучения каждой из них»¹.

В хронологическом плане значительно лучше изучена история сибирского города в XVII – начале XVIII в. Детальный и обстоятельный анализ состояния сибирской урбанистики на первом этапе заселения Сибири русскими дан в статьях О. Н. Вилкова и М. П. Черной². Достаточно многочисленная литература затрагивает различные аспекты экономики сибирского города в эпоху капитализма. В то же время из поля зрения сибирских ученых как бы выпал один из наиболее интересных и значительных временных отрезков: XVIII – первая половина XIX в., когда формировались основные тенденции и связи буржуазного города, шел процесс развития городской экономики, закладывались основные компоненты социальной структуры городского обще-

¹ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965. С. 6.

² Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII в. в современной русской историографии // Историографии городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1984; Черная М. П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестн. ТГУ. 2009. Сер. История. № 3(7). С. 95–112.

ства. Все эти вопросы требуют дальнейшего изучения, в том числе монографического.

В историографии истории Сибири традиционно выделяются три периода научных изысканий: досоветский, советский и постсоветский. В основе этой периодизации лежат как различия в методологических подходах, так и степень интенсивности обращения к теме, широта охвата проблем, переход от описательности к анализу и обобщениям. Досоветскую историографию принято делить на три хронологических периода: вторая половина XVIII в., первая половина XIX в., вторая половина XIX – начало XX в.

Уже на начальном этапе изучения российского города среди различных топографических и географических описаний появлялись работы, в которых давалась некоторая характеристика состояния городских поселений, статистические данные о населении, городском хозяйстве, торговле. В этот период активно шел процесс накопления и осмысления разнообразной информации. Особенно активно вовлекалась в научное изучение Сибирь. Достоянием научной общественности становились результаты научных экспедиций и отчеты отдельных путешественников, где среди прочего уже были представлены описания некоторых сибирских городов, в том числе и Байкальской Сибири. Сведения о сибирских городах приводились в географических словарях Ф. Полунина, Л. М. Максимовича, А. Щекатого, топографических описаниях Тобольского и Иркутского наместничества, в первых крупных исследованиях по истории Сибири Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера. Перу Миллера, кстати, принадлежала не только обстоятельная «История Сибири», но и первое исследование о сибирской торговле¹. В этой работе им была дана характеристика торговых связей городов и их коммерческой инфраструктуры, а также описано своеобразие торгово-промышленной деятельности купечества различных сибирских городов. Большое внимание уделялось анализу влияния природно-географического фактора на развитие сибирской торговли и промыслов, характеристике состояния торгово-транспортных путей сообщения, ассортименту товаров. О высоком уровне проведенных Миллером исследований можно судить по тому обстоятельству, что введенные им в

¹ Миллер Г. Ф. Известия о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, сент. С. 192–250, дек. С. 525–537.

научный оборот материалы до сих пор широко используются исследователями. Работами Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера закладывалось официальное направление в сибирском городоведении.

Кроме общих описаний отдельных мест и городов России, в конце XVIII в. были сделаны первые попытки осмысления некоторых процессов формирования городской среды, в первую очередь экономических ее составляющих. В 1780-х гг. появилось многотомное сочинение М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах...», в котором наряду с публикацией разнообразных документов по истории русской торговли и промышленности со времени Петра I содержится богатейший материал по общей экономической географии России. Наибольший интерес для нас представляет том III «О сибирских торгах и товарах». Чулков попытался предложить свое районирование Сибири, разделив ее на шесть частей, сгруппировав их не по административному, а по экономико-географическому принципу. В томе VI им приводится алфавитный перечень ярмарок с краткой характеристикой каждой из них, а также имеется раздел «О городах», где они описываются в алфавитном порядке. Весь обширный справочный материал, приводимый Чулковым, конечно, не систематизирован научно. Он стоит на уровне свойственного тому времени чисто описательного изложения. Однако собранный и опубликованный Чулковым громадный массив сведений представляет большую ценность для последующих исследователей. Помимо данных о численности купечества в сибирских городах, подробного описания ассортимента и стоимости товаров, в его работе содержалось изложение законодательных актов, регулировавших на протяжении XVIII в. развитие сибирской торговли. Исследователь достаточно высоко оценивал ее уровень, отмечая, что «сибирские торги составляют немалую часть нашей коммерции»¹. Для М. Д. Чулкова была свойственна некоторая апологетика купечества. Он ратовал за то, чтобы государство всемерно содействовало развитию купеческого предпринимательства. Таким образом, его работы представляли едва обозначившееся в отечественной историографии XVIII в. раннебуржуазное направление, которое связывало дальнейшие пер-

¹ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. М., 1785. Т. 3, кн. 1. С. 4.

спективы экономического развития страны и отдельных ее регионов с деятельностью формирующегося купеческого сословия.

В конце XVIII в. наметилось еще одно направление в исследовании экономической среды сибирского города, представленное трудами А. Н. Радищева. В «Письмах о китайском торге», а также в других письмах и путевых дневниках он представил множество ценных сведений о состоянии внутренней и внешней торговли, промыслов и ремесел в Сибири. Радищев одним из первых дал комплексную характеристику кяхтинской торговли, показав ее роль и значение для развития сибирского предпринимательства. Большой интерес представляет его характеристика торговли и ремесла в Иркутске и Кяхте. Следует отметить, что его работа основывалась как на статистических источниках, так и на личных наблюдениях и мнениях сведущих людей. А. Н. Радищев не обошел вниманием и негативные последствия развития предпринимательства для беднейших слоев сибирского населения, отмечая кабальные и хищнические методы накопления богатств, присущие сибирскому купечеству на начальном этапе своего становления, обозначив тем самым исследовательский подход, который получил в последующем развитие в рамках демократического направления в историографии XIX в.

Таким образом, в рамках первого этапа изучения сибирского города происходило не только накопление сведений о городах региона и их систематизация и осмысление, но и оформлялся различный взгляд на проблемы их будущего развития. В первую очередь исследователей города привлекали экономические сюжеты, что вполне объяснимо для начального периода формирования рыночного хозяйства в России. Д. Я. Резун в своих работах убедительно доказал, что историографический процесс как процесс появления и распространения исторических знаний, превращения их из отдельных известий в систему взглядов, в науку сложен и неоднозначен. Поэтому для сибирского городоведения «это было не просто время, когда закладывались основы научной разработки истории, но и период интенсивного развития, когда не только накапливались и интерпретировались те или иные факты, но вырабатывались методология и методика работы»¹.

¹ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 169.

Основой развития научных знаний, в том числе в сфере изучения городской среды, стал рост краеведческого изучения Сибири. Экономическое развитие сибирских городов, рост благосостояния и самостоятельности местного купечества, возникновение социокультурной инфраструктуры – все это содействовало появлению новых морально-этических норм и ценностей в сибирском обществе, среди которых приоритет получают просвещение, собирание культурных ценностей, любовь к книге, благотворительная деятельность. В отличие от России, носителями новых тенденций в сибирских городах были не дворяне, которых в регионе было совсем немного, а представители буржуазных слоев городского общества (купечество, мещане, чиновники). Их объединял глубокий интерес к местной истории, географии, культуре. При этом идеологи сибирского возрождения в отличие от областников второй половины XIX в. воспринимали себя россиянами, а свою родину – неразрывной частью России. «Не надо воображать себе Сибирь, – писал Н. А. Полевой, – однообразною, дикою странюю. Она удивительно разнообразна климатом, местоположением, местностью... В гражданственности вы даже не заметите никакой перемены против России: Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск – это русские города. Широкой полосой нашей дороги пролегают до самого Иркутска русское образование, русский язык, русские нравы»¹. Эта мысль позднее красной линией проходила в обобщающем труде П. А. Словцова. Он подчеркивал, что «Сибирь, рассматриваемая в качестве области политической, есть не что иное, как часть России, передвинувшаяся за Урал своими нравами и поверьями»².

Первые сибирские краеведы публиковали свои заметки и наблюдения в российских газетах и журналах, таких как «Казанские известия», «Северная пчела», «Сибирский вестник», «Московский телеграф» и др. Журнал Г. И. Спасского «Сибирский вестник» и последовавший за ним «Азиатский вестник» уже своими названиями ориентировали внимание читающей публики на историю, этнографию, нравы Сибири. Можно с уверенностью говорить, что эти журналы, особенно первый, были читаемы (почти полный его комплект находится в библиотеке Пушкина),

¹ Моск. телеграф. 1833. № 52. С. 84–85.

² Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. Кн. 2. С. 4.

а их материалы становились объектом полемики среди ученых и краеведов. Своим журналом Спасский сделал сибирскую тему специальной и самодостаточной, придал ей масштаб не только историко-этнографический, но и эстетический. В статьях представителей сибирской краеведческой мысли, во многом еще любительских и наивных, четко прослеживалась тенденция к формированию региональной идентичности у местного русского населения. Практически во всех исследованиях фиксируются региональные особенности, наложившие определенный отпечаток на жизнь сибирского населения. При этом экономические аспекты уже не являлись определяющими. Сибиряков все больше волновали вопросы нравственные, связанные с саморазвитием и особенностью формирования местного общества, культуры, менталитета.

Официальное направление этого периода не создало сколько-нибудь значительных исследований ни в плане постановки актуальных проблем, ни в привлечении серьезного фактического материала. Для его представителей были характерны описательность, уход к мелким, частным темам, неспособность и нежелание выйти за рамки официальных схем присоединения и освоения Сибири. В основном этому направлению следовали местные чиновники, которые по долгу службы составляли описания вверенных им территорий. В. Г. Мирзоев метко охарактеризовал их труды «губернаторской историографией»¹. К этой группе можно отнести работы енисейского губернатора А. П. Степанова, иркутских Н. В. Семивского, П. Н. Корнилова и близких к ним чиновников М. М. Геденштрома, А. Мартоса, И. Линка. Несмотря на отмеченные недостатки, в этих работах содержатся интересные фрагменты наблюдений о развитии сибирских городов, в том числе Байкальской Сибири. В книге Мартоса, например, дается социально-экономическая характеристика городских поселений региона, приводится материал о социальном составе горожан, развитии местной торговли и промышленности. Наиболее полные описания приводятся по Иркутску, Верхнеудинску и Кяхте. Интересный статистический материал об Иркутске представлен в книге Н. В. Семивского, впрочем, как показали дальнейшие исследования, он был полностью заимствован у известного иркутского краеведа и статистика А. И. Лосева. Надо ска-

¹ Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 153.

зять, что последним составлено несколько обстоятельнейших историко-экономических и статистических работ по Иркутской губернии, к сожалению, оставшихся неопубликованными. Работы Лосева были широко известны современникам – в частности, они имелись в личном архиве М. М. Сперанского. Использовал их в своем труде П. А. Словцов. Перу Лосева принадлежит также одна из первых попыток составить летописный свод по истории региона. В 1812 г. им было подготовлено «Обозрение разных происшествий до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и сопредельных с оной странах бывших». К официальному направлению примыкает ряд трудов по географии и статистике России, авторы которых в той или иной мере затрагивали сибирские сюжеты¹. В 1810 г. появилось первое общее статистическое описание Сибири, составленное М. Н. Баккаревичем. Оно преследовало чисто служебные цели – сбор сведений для предполагаемого преобразования управления Сибирью.

В первой половине XIX в. дальнейшее развитие получил буржуазный взгляд на историю Сибири. Он характеризовался отходом от чисто внешних описаний событий и более углубленным изучением внутренних процессов развития сибирской экономики и городского общества. Представителей этого направления из числа местной интеллигенции и купечества отличало обращение к наиболее актуальным проблемам современной им Сибири, заинтересованность в судьбах края, критика действий центральной и региональной власти. Наиболее ярко и комплексно новое видение регионального исторического процесса предстает в фундаментальном труде П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». В этой работе дана широкая панорама социально-экономической жизни региона в XVII – начале XIX в. В отличие от официальных историографов он смог разглядеть в экономике Сибири ростки новых рыночных отношений, которые посчитал «похвальным направлением к составлению частных богатств»². Словцов охарактеризовал различные стороны сибирской городской жизни, привлек интересный материал о внешнем

¹ Зябловский Е. Новейшее землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии. М., 1814. Ч. 1–2; Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818; Андросов В. Хозяйственная статистика России. М., 1827 и др.

² Словцов П. А. Указ. соч. Кн. 1. С. 8.

облике городов, составе населения, городском образе жизни, особое внимание уделив местной городской торговле и промышленности. Четвертая глава «Частные сведения о городах и других местах», помещенная во второй книге, специально посвящена этой проблеме и рассматривает историю городов Сибири с 1742 по 1823 г. В ней содержится описание основных сибирских городов, в том числе Енисейска, Красноярска, Иркутска и Якутска. Автор одним из первых определил общую схему построения социокультурного анализа городского пространства, включающую время и обстоятельства основания, географическую среду и природу, численность, занятия и сословный состав жителей города, число зданий и особенности планировки и застройки, отличительные особенности городского образа жизни и городского пространства. Таким образом, в исследовании Словцова прослеживается стремление исследовать отдельные элементы городской среды и рассматривать город в качестве единой целостности.

Из других работ П. А. Словцова можно отметить его «Письма из Сибири» (СПб., 1828), в которых нашли отражение мысли и чаяния сибирского купечества. Автор детально останавливается на состоянии кяхтинского торгова, подчеркивает его роль в деле формирования сибирского предпринимательства. В то же время он отмечает и причины, тормозящие развитие местной торговли и промышленности, протестует против засилья русского капитала и колониальной политики правительства. Современники очень высоко оценили работы П. А. Словцова, особенно отмечая его сибирский патриотизм. Н. М. Ядринцев вообще считал, что это был «первый историк, у кого прорывалось первое теплое чувство к краю, кому стала понятна ее (Сибири. – *В. III.*) судьба... Словцов не был сухим летописцем и историком Сибири. По его способу изложения видно, что это был человек с душой, патриот своей родины»¹.

Различные стороны экономической жизни Байкальской Сибири были затронуты в статьях представителей местного купечества П. П. Баснина, Н. О. Трапезникова, А. М. Курбатова, И. А. Носкова и др. Ряд интересных работ был посвящен Забайкалью. Особое место в них занимает описание сельскохозяйственного и промыслового освоения края, хозяйства и быта за-

¹ Цит. по: Словцов П. А. Указ. соч. С. 65.

байкальских крестьян. Достаточно большой объем сведений приводится по городам региона, особенно в связи с развитием пограничной торговли в Кяхте. Несмотря на все слабости краеведческого подхода, в этих работах приведен внушительный фактический материал, а некоторые наблюдения и характеристики не потеряли значения и до настоящего времени.

Событием в историографии XIX в. было издание в 1854 г. капитального труда известного экономиста и статистика Ю. А. Гагемейстера. Ценной составляющей его работы является использование значительного количества статистических данных, показывающих динамику роста городского населения, а также изменения в социальном составе горожан. Ему удалось затронуть практически все стороны хозяйственной деятельности русского населения Сибири. Широкий территориальный и хронологический охват, огромный статистическим материал, сгруппированный в большое количество таблиц, стремление выйти за рамки описательного подхода – все это выделяет труд Гагемейстера из массы посредственных работ официального направления. Неудивительно, что это исследование заслужило прочный авторитет среди сибирских исследователей и до сих пор ими активно используется. В то же время автор остался в плену либерально-народнических представлений. Остановливаясь на социально-экономическом положении, он отмечал, что Сибирь не включает в себе условий для развития городской жизни ввиду слабого развития промышленности и торговли¹. Кроме того, в этом труде проявились все слабости официальной статистики: неполнота, приближенность, иллюстративность данных, отсутствие собственных оценок описываемых явлений и процессов.

В целом первая половина XIX в. имела определенные достижения в изучении дореформенного сибирского города. Был собран и частично опубликован богатейший фактический материал о формировании городской среды, включая архитектурное пространство, демографические процессы, образ жизни населения, повседневный характер деятельности и т. п. Большое значение имело становление сибирского краеведения, в поле зрения которого неизменно были процессы, происходившие в городах региона. Вместе с тем научное осмысление региональной город-

¹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. В 3 ч. Ч. 2. М., 1854. С. 121.

ской специфики еще не вышло за рамки сбора и публикации фактического материала, за исключением работ П. А. Словцова и Ю. А. Гагемейстера.

Третий этап в изучении сибирского города проходил под влиянием процессов, связанных с реформами 1860–1870-х гг. и формированием новых социально-экономических, общественно-политических и ментальных структур, с одной стороны, и под знаком ведущих тенденций, проявившихся в российской исторической науке, с другой. В этот период господствующим направлением в официальной историографии российского города становится государственная школа. Ее представители, опираясь на юридические аспекты, абсолютизировали роль государства в появлении и развитии городов. В их понимании город являл собой искусственную конструкцию, созданную только для реализации административных функций. «Большинство из городов России, – писал один из исследователей, – были декретированными, не имевшими экономического смысла, городами. Эти города часто были вызваны и существовали ради целей административных и ничем не нарушали того фона аграрного населения, каким была сильна страна»¹. Подготовка податной и городской реформ в 1850–1860-х гг. вызвала появление трудов, подытоживавших российское законодательство в соответствующих областях. В работах Л. О. Плошинского и М. Муллова рассматривались права и обязанности городских сословий, их участие в городском самоуправлении, отношение к городским органам власти со стороны губернской администрации.

Пожалуй, наиболее обстоятельным исследованием стала двухтомная монография И. И. Дитятина. Она была написана с позиций либерального народничества и стала значительным явлением в историографии конца XIX в. Работа основывалась преимущественно на законодательном материале. Автор сосредоточил свое внимание на слабых сторонах городского развития России, подчеркивая бесправность и беспомощность городских сословий. Это, полагал историк, и было первостепенной причиной того, что города России находились в жалком положении и большинство их ничем не отличалось от деревень. При этом в

¹ Ляхов А. Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I. М., 1912. С. 38.

исследовании упорно игнорировались все факты, свидетельствующие о наличии достаточно мощных городообразовательных процессов в стране. По мнению автора, в России не было активного, энергичного промышленного городского сословия и, следовательно, общественно-городской жизни, городских интересов, независимых от интересов общегосударственных. Именно в этом он видел глубокое различие истории западноевропейского местного управления от истории развития местных обществ в России.

Структуру городского самоуправления, социальный состав населения, анализ Городового положения Екатерины II и его реализацию на местах изучал А. А. Кизеветтер. Он также недооценивал экономический фактор в развитии городов, считая, что «город того времени представлял собой хрупкий экономически слабый организм, не имевший под собой питательной почвы»¹. Заслугой вышеперечисленных авторов являлось выделение юридического аспекта жизни русских городов как предмета научного исследования. При этом, вне поля их зрения остались аспекты экономического и культурного развития городов.

Исследователи второй половины XIX в. обратили внимание на многоплановость города, его структуру и типологию. Основным признаком считался хозяйственный, при этом подчеркивалось многообразие занятий горожан. В то же время признавался приемлемым и формальный статистический признак, главным критерием которого было количество городского населения. Свою классификацию разработал В. П. Семенов (Тян-Шанский), выделив «официальные» (юридические) и «истинные» (экономические) города. Как промежуточные поселения он предлагал отмечать «административные пункты» (бесперспективные с экономической точки зрения города) и «будущие города» (поселения, которые могут в недалеком будущем стать городами)². В его работе, ставшей классикой российской антропогеографии и социальной географии, подводятся итоги сельского и городского расселения накануне XX в. Автор критически оценил городообразовательную политику самодержавия, при которой многие учрежденные властью города не имели никакого экономического

¹ Кизеветтер А. А. Исторические очерки. М., 1912. С. 243.

² Семенов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии // Зап. ИРГО. СПб., 1910. Т. 10, вып. 2.

и социокультурного значения, а другие крупные образования с развитой хозяйственной и общественной деятельностью городами официально не считались. Несмотря на то что он рассматривал только города Европейской России, его наблюдения и выводы важны для понимания особенностей урбанизационного процесса в целом, особенно в отношении городов, находящихся на окраинах страны.

Из сибирских историков дань государственной школе отдал В. К. Андриевич, чьи работы основаны на законодательных актах и положениях. При этом автор основное внимание уделил внешней стороне событий, не затрагивая внутренних процессов, определявших формирование городской среды региона. Более интересным и информативным стал труд иркутского исследователя В. И. Вагина «Исторические сведения...», посвященный деятельности сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского¹. Работу Вагина отличает широкое привлечение как архивного, так и актового материала. Причем он использовал не только документальные источники, но и воспоминания современников, дневники, переписку. Каждый том сопровождался обширными документальными приложениями, что делает его работу особенно ценной для современных исследователей. Большое значение для нас имеют данные об экономическом и общественном положении иркутского купечества, его роли в развитии городского социума и культуры. Немаловажна позиция автора, либерально-буржуазная по своей сути. Работа Вагина, поставившая проблему государственного переустройства управления Сибирью и дальнейшего реформирования всех сфер экономической и общественной жизни, вызвала широкий общественный резонанс. Фактически впервые после записки декабриста В. И. Штейнгейля «Сибирские сатрапы» эти вопросы стали предметом специального обсуждения. В центре развернувшейся дискуссии оказались вопросы о характере социально-экономического развития края, роли и месте сибирской буржуазии в сибирском обществе. Против идеализации Вагиным иркутского купечества, стремления представить его как выразителя интересов всего населения в целом выступили представители демократического лагеря

¹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1922 г. СПб., 1872. Т. 1–2.

С. С. Шашков и А. П. Щапов. Анализируя иркутское общество начала XIX в., они пришли к выводу о значительном уровне его социального расслоения. По мнению Щапова, в этот период ведущие позиции в сибирском обществе занимала «буржуазная олигархия довольно могущественной купеческой партии»¹. В публикациях Шашкова и Щапова представлен материал о методах накопления капитала, путях становления сибирской буржуазии, дана характеристика некоторым ее представителям. Отмечая борьбу между чиновничьей и купеческой партиями, оба единодушно отмечали, что «гонимые и гонители стояли одни других». Столкновения купеческой элиты с местной властью, по мнению историков, были вызваны борьбой за монопольное право контролировать городское сообщество. А. П. Щапов более радикально оценивал ситуации. «Капиталистическое буржуазное сословие, – замечал он, – хотя бы и просвещалось науками, все-таки по своему существу не может допустить общественного и экономического развития низших рабочих и промышленных сословий, составляющих источник их обогащения, предмет их эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»².

Заметный вклад в изучение сибирского города XIX в. внесли представители областничества, близкие по своим взглядам к мелкобуржуазному направлению. В статьях и публицистике областников затрагивались многие аспекты городской жизни, в том числе городов Байкальской Сибири. Они признавали роль городских поселений как основной фактор развития сибирской общест-венности и культуры. «Города в Сибири, – писал Г. Н. Потанин, – это точки на общественном теле Сибири, которыми она воспринимает лучи света, идущие с Запада: в Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами, в деревнях же сплошная умственная пустыня»³. Интересна его попытка классификации сибирского города на буржуазный, бюрократический и смешанный, в кото-

¹ Щапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Сочинения. СПб., 1908. Т. 3. С. 660.

² Там же. С. 671.

³ Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234.

ром присутствуют элементы того и другого. К последнему типу он относил, например, Иркутск, соединявший в себе ярко выраженные административные и хозяйственные функции. Иркутск вообще занимал особое место в жизни Потанина, он всегда выделял его из других сибирских городов, особенно высоко оценивая его купечество. Ряд ярких характеристик городской жизни Сибири, особенностей ее экономического развития, роли предпринимательских кругов в общественной и культурной жизни был представлен в работах видных деятелей сибирского областничества Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, П. М. Головачева. Областники рассматривали Сибирь как колонию Европейской России и в ее колониальном положении усматривали причины всех проявлявшихся здесь «ненормальных экономических явлений» – низкого уровня развития промышленности, характерного для состояния сибирской торговли «мануфактурного ига» Москвы, чиновничьего произвола, распространенности хищнических форм приобретения богатств и т. п. Отнюдь не идеализируя сибирских купцов-предпринимателей, идеологи областничества вместе с тем во многом связывали с ними свои надежды на будущее процветание Сибири, достижение которого они обуславливали преодолением ею своего колониального статуса.

На рубеже XIX–XX вв. было опубликовано несколько обобщающих работ, посвященных главному административно-экономическому центру региона – Иркутску. В 1891 г. в Москве была опубликована книга «Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири». По сути дела, это первая обобщающая монография об Иркутске. Составители ее рассматривали городские события с демократических позиций, обладали хорошей осведомленностью о подоплеке многих фактов жизни Иркутска, дали весьма удачную характеристику развития города. Заключительные главы книги подробно информировали о состоянии Иркутска в 1870–1890-х гг., роли города в изучении Сибири и в развитии образования различных слоев населения.

Изучение истории формирования городской среды Иркутска получило дальнейшее развитие в книге «Первое столетие Иркутска», составленной П. М. Головачевым. Автором были введены в научный оборот новые документальные материалы и

представлено развернутое описание формирования экономики города на рубеже XVII–XVIII вв. С именем Головачева связано становление экономической географии в Сибири. Рост сибирского города он связывал с географическим положением его как товарораспределительного центра локальных хозяйственных территорий. В этой структуре были тесно увязаны как крупные города, так и небольшие городские поселения.

Отдельные аспекты экономического состояния городов Байкальской Сибири представлены в статьях и очерках краеведов Н. С. Щукина, А. М. Серебренникова, В. В. Птицына и др. Для изучения городского предпринимательства, роли и места сибирского купечества в местном обществе значительный интерес представляют работы самих купцов. Собственно, они и положили начало изучению истории предпринимательства в Иркутске. Да и среди сибирских краеведов и литераторов можно встретить немало представителей купечества – от членов семей Полевых и Басниных до Н. Белоголового, А. М. Сибирякова, М. Д. Бутина и др. Достоинством данных работ является возможность познакомиться с представлениями и взглядами купечества на экономическое развитие региона, его инфраструктуру, задачи дальнейшего развития сибирского города. Названными авторами, конечно, не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении тех или иных проблем сибирского города. Но большинство этих трудов представляли собой достаточно поверхностные очерки экономической или общественно-культурной жизни отдельных городов Сибири, основанные на крайне узкой документальной базе и не имевшие глубокого анализа. Процесс накопления и обобщения архивных документов, личных впечатлений и наблюдений еще не был завершен.

В заключение обзора дореволюционной историографии городов Байкальской Сибири необходимо отметить, что региональная историческая наука достигла в этот период серьезных успехов в изучении города и городского пространства: сумела накопить значительный фактический материал, определить объект исследования, выработать перспективные теоретико-методологические подходы. Однако преобладание географического, социально-экономического и историко-юридического

подходов не позволило выделить городскую среду в качестве самостоятельного объекта исследования. Более того, в конце рассматриваемого этапа начинает формироваться «отраслевой» подход к изучению городов Сибири, что вполне объяснимо недостаточной изученностью отдельных элементов городской инфраструктуры. Таким образом, если в начале обозначенного этапа сибирский город в историко-географических и историко-статистических исследованиях предстает в виде определенной «целостности», то к его концу он начинает «размываться» между разными научными дисциплинами, а отдельные выводы и наблюдения были не способны в то время приостановить этот процесс. Только на уровне исследований, посвященных определенным городам региона, удалось сохранить системность освещения городских процессов. В то же время крупных комплексных исследований на последнем этапе дореволюционной историографии так и не появилось, что было связано с общим кризисом дореволюционной методологии и историографии.

Формирование советской историографии происходило в борьбе со старой методологией, приемами и методами исторического исследования. Установление монополии марксистской идеологии на познание исторической действительности привело к значительным изменениям в исторической науке. Не могло это не сказаться и на историографии российского города. В советское время она развивалась противоречиво, во многом завися от перемен в идейных установках партии и правительства. Условно в советской историографии можно выделить два периода: 1) 1920–1950-е гг. и 2) 1960–1980-е гг. На первом этапе произошло слишком много политических событий, что повлияло на характер исторического процесса, проблематику, смену приоритетов в выборе объектов исследования. В целом для этого периода было характерно увлечение историей революционного движения, рабочего класса и крестьянства, земледельческого освоения страны. Экономические сюжеты привлекались только для обоснования материальных предпосылок революции, критики самодержавия и основных эксплуататорских классов – дворянства и буржуазии. Значительно снизилось внимание к проблемам российского и сибирского города. Но в то же время 1920-е гг. стали временем расцвета советского краеведения, которое дало массу

новых направлений, подходов, исторического материала для формирования отечественной науки. Несмотря на отдельные потери, гуманитарные науки в целом в это время продолжали развиваться, сохраняя многие черты предшествующего этапа.

Отход от изучения экономических аспектов городской жизни с лихвой компенсировался более пристальным вниманием к социальным и культурологическим проблемам российского города. Именно в этот период И. М. Гревсом был сформулирован комплексный подход к рассмотрению города как «своего рода цельного организма, который должно познавать в его индивидуальном развитии – от рождения через весь его рост до современного состояния». И. М. Гревс и его ученик Н. П. Анциферов наметили и конкретные пути его изучения, сформулировали подход к городской среде как целостной системе. «Только комплексный подход может привести к познанию города как социального организма», – писал Н. П. Анциферов¹. Совокупность всех сфер – экономической, политической, социальной, художественной, религиозной, рассмотренных в отдельности и единстве, составляет рисунок города, а его история должна быть наполнена людьми, ее творцами, т. е. изучаться «по следам его великих людей». Развивая эту мысль, Н. П. Анциферов отмечал, что «нельзя противопоставлять город – населяющему его обществу. Город есть одно неразрывное целое со своим населением»².

Методологически к ним был близок Н. К. Пиксанов, который поставил вопрос о роли провинции («культурных гнезд») в русской культуре. Он справедливо писал о необходимости «перестройки изложения истории русской культуры», в которой провинция наряду со столицами должна быть равноправным субъектом «общероссийского культурного процесса»³. По концепции Н. К. Пиксанова, именно в регионах находится свой пласт культуры, в частности «литературные гнезда», изучение которых необходимо включить в планы краеведной работы для последующего использования в описании истории в целом. Последователи школы И. М. Гревса выделяли понятие «культура

¹ Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода Л., 1926. С. 4.

² Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 16.

³ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М., 1928. С. 4, 20.

города» в качестве целостного объекта исследования в отличие от уже набирающего силу отраслевого подхода, который разрывал единое социокультурное пространство города на отдельные «независимые» составляющие. Их подходы оказывали существенное влияние и на «историческую провинцию», в том числе на сибирских краеведов и исследователей. Во многом под воздействием школы Гревса сформировались взгляды М. К. Азадовского на сибирскую культуру и литературу. В сибирской историографии этого периода можно отметить лишь отдельные работы В. П. Гирченко, М. К. Одинцовой, В. Е. Дербиной, в которых рассматривались социально-экономические сюжеты, так или иначе затрагивающие города Байкальской Сибири.

Разгром краеведения в начале 1930-х гг. во многом определил дальнейший кризис исторической науки, попавшей в жесткие и узкие рамки марксистской теории. Комплексный подход к исследованию культурной среды города был на многие десятилетия отброшен в сторону и только в настоящее время вновь взят на вооружение историками, социологами и философами. С укреплением сталинского режима научные разработки по истории отдельных городов стали лишь составной частью исследований по политической, социально-экономической или культурной истории. При таком подходе история самого городского поселения низводилась до уровня иллюстраций к теоретическим установкам об «объективных закономерностях» социально-экономического развития общества, а историко-культурная специфика города вообще оставалась вне поля зрения исследователя.

В академической науке интерес к истории дореформенной Сибири почти пропал, если не считать работ, посвященных коренным народам. В исследованиях А. П. Окладникова, Ф. А. Кудрявцева, Е. М. Залкинда, коллективной монографии по истории Бурятии через призму взаимоотношений с местными народами рассматривалось социально-экономическое развитие Байкальской Сибири и прогрессивное влияние русского народа на их хозяйство, культуру и быт. Обращение к изучению истории малых народов Сибири было научно оправданно и составляло важный аспект национальной политики Советского государства. Однако, сосредоточив основные усилия на решении данной проблемы, сибирская историческая наука вновь допустила заметный перекос, ослабив внимание к хозяйственной деятельности и социо-

культурным процессам в среде русского населения региона. «Если по истории местных сибирских народов, – справедливо отмечал в начале 1960-х гг. В. А. Александров, – до настоящего времени созданы многочисленные, в том числе фундаментальные исследования, то по истории русского населения широкая исследовательская работа начала разворачиваться только в недавнее время»¹. В эти же годы, по мнению Д. Я. Резуна, утвердился взгляд на сибирский город, прежде всего как на «на военно-административный форпост самодержавия и в связи с общей негативной оценкой русской буржуазии недооценивались и хозяйственные функции городов Сибири, не говоря уже о культурных и общественных»². В советской историографии вопросы предпринимательства и связанная с этим деятельность купечества вообще были вычеркнуты из исследовательской проблематики. Отдельные исследования (В. Н. Яковцевский, Ф. Я. Полянский) не могли изменить ситуацию, да и представляли предпринимательство в ярко выраженном критическом свете. Забытым оказался целый слой людей, с именами которых связано развитие сибирской экономики и городов, формирование сибирского социума, феномен сибирского меценатства и благотворительности.

В 1940–1950-х гг. в сибирской историографии появилось несколько работ, затрагивающих развитие сибирской экономики в дореформенный период. В большинстве из них обозначились все слабости, присущие советской историографии того периода: узкотемье, преобладание описательного метода, некритический подход к источникам. Так, Д. И. Лейкин и В. П. Вахрушев, изучавшие проблемы торгово-промышленного освоения Сибири, фактически повторили распространенное еще в дореволюционное время мнение о полном господстве в экономике региона торгового капитала и отсутствии здесь собственной промышленной базы³. В. П. Вахрушев к тому же явно преувеличивал роль государственного сектора в промышленности, что привело его к вы-

¹ Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 5.

² Резун Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 20.

³ Лейкин Д. И. Развитие внутреннего рынка в Сибири в XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1955. 20 с.; Вахрушев В. П. Промышленность Сибири и характер ее развития в XVIII – первой половине XIX в. // Тр. Моск. ин-та нефтехимии и газ. пром-ти. М., 1959. Вып. 30.

воду о феодальном характере развития сибирской промышленности вплоть до 1860-х гг. В отличие от названных авторов Л. И. Светличная и А. С. Нагаев обратили внимание и на частную промышленность, но явно занизили ее уровень, считая основной формой ремесленное производство и крестьянские кустарные промыслы¹. Справедливости ради необходимо отметить, что в диссертации А. С. Нагаева впервые была предпринята попытка проследить влияние сибирской золотопромышленности на социально-экономическое развитие региона.

Следует упомянуть о появлении в 1950 г. первого диссертационного исследования по истории сибирского купечества – кандидатской диссертации О. М. Коваленко². Но это было скорее исключение из правил, так как не понятно, как появилось это исследование и почему оно не имело никакого продолжения. Работу отличала узость источниковой базы и слабость теоретических положений. Автор не смог показать процесс формирования рыночных отношений в Иркутской губернии и роль местного купечества в этом процессе, а свел всю деятельность местной купеческой элиты к борьбе с иногородними предпринимателями и губернской администрацией.

В конце первого этапа в сибирской историографии появилось несколько региональных монографических работ, отличающихся большей глубиной и оригинальностью изложения материала, выходящей за привычную трактовку сибирского города, распространенную в советской историографии. В центре исследования Р. М. Кабо стояли исторические аспекты экономико-географического изучения городов Западной Сибири дореформенного периода. Автор продемонстрировала возможности географического подхода к рассмотрению вопросов становления и размещения сибирских городов. В обстоятельном исследовании Е. П. Силина были проанализированы процессы формирования русско-китайской торговли через Кяхту и роль внешнеторговых

¹ Светличная Л. И. К вопросу об экономическом развитии Сибири в первой четверти XIX в. // Учен. зап. Тюмен. пед. ин-та. 1958. Т. 5. Кафедра истории. Вып. 2; Нагаев А. С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.

² Коваленко О. М. Купечество Иркутской губернии первой четверти XIX в. (К истории развития сибирской буржуазии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1950.

оборотов в становлении местных крупных капиталов. В работе приведено много фактического материала о становлении и развитии Кяхты и Троицкосавска, отличающихся насыщенной торговой и таможенной инфраструктурой.

В книге В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня» наряду с подробным рассмотрением истории земледельческого освоения Илимского края в XVII–XVIII вв. приводился обширный материал о развитии промыслов, торговли и промышленности в этом районе Байкальской Сибири. Монография В. Н. Шерстобоева давно уже вошла в золотой фонд сибиреведения, являясь примером величайшего трудолюбия, таланта и любви к родному краю. Она написана на основе огромного комплекса фактического материала и посвящена отнюдь не только земледелию, как это можно представить из названия. Автор значительное место уделяет социальным и демографическим проблемам, дает описание городских и сельских поселений, монастырского хозяйства, поднимает социокультурные сюжеты. Одним из первых в отечественной литературе он поставил вопрос о роли сельскохозяйственного освоения как стержня экономического развития Сибири. Много места уделяется проблеме соотношения центра и окраин, причем подчеркивается значительная хозяйственная и административная самостоятельность последних на ранних этапах освоения сибирских территорий.

В этот же период появилась первая обобщающая работа по истории г. Иркутска. В обстоятельном исследовании Ф. А. Кудрявцева и Г. А. Вендриха дан прекрасный образец комплексного подхода к изучению городского хозяйства и быта. Заметное место в книге уделено характеристике иркутского купечества, его хозяйственной деятельности и роли в формировании городского социума. Несомненный интерес представляют сюжеты, посвященные анализу социального состава населения, развитию городской торговли и ремесла, становлению городского самоуправления и хозяйства, социокультурной инфраструктуры. Ф. А. Кудрявцева с полным правом можно отнести к зачинателям комплексного изучения городской среды Байкальской Сибири¹.

¹ См.: Шахеров В. П. Проблемы социально-экономического развития Юго-Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. в трудах Ф. А. Кудрявцева // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 31–33.

Материалы о городах региона были широко представлены в неопубликованной диссертации историка «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в.». Это исследование стало первым опытом комплексного изучения Байкальской Сибири в советской историографии. Проблемы сибирского города рассматривались Ф. А. Кудрявцевым и в последующих работах. Им были написаны соответствующие разделы во втором томе «Истории Сибири», в которых давалась характеристика основных путей сообщения, развития сибирского рынка и городов, превращения их в торговые и ремесленные центры. Истории городов Байкальской Сибири была посвящена одна из последних работ сибирского историка¹.

Новый этап советской историографии, начавшийся с конца 1950-х гг., характеризуется ростом числа теоретико-методологических изысканий, расширением источниковой базы, созданием новых научных центров, а также определенным развитием и углублением проблематики исследований. В эти годы появились десятки серьезных исследований, коллективных работ и сборников статей, начали регулярно проводиться всесоюзные, республиканские и региональные научные конференции. Тон серьезному осмыслению проблем российского дореформенного города задала фундаментальная монография П. Г. Рынзюнского. В центре его исследования находились вопросы социально-экономического развития городов России, правовое положение городского населения, сопоставление отдельных прав и обязанностей городских сословий в первой половине XIX в. Рассматривая городообразовательные процессы дореформенной России, он одним из первых подчеркнул важность экономической составляющей городской среды, опровергая тем самым тезисы дореволюционных ученых государственной школы о приоритетности административного фактора. В дальнейших работах он конкретизировал свои положения, определяя город не столько экономической категорией, сколько социально-экономической «во всей ее полноте», включающей общественно-правовую, идеологическую и культурную сферы².

¹ Кудрявцев Ф. А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 239–259.

² Рынзюнский П. Г. Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 109.

Большое значение для понимания процессов развития городов страны в начальный период модернизации имела развернувшаяся в конце 1950–1960-х гг. оживленная всесоюзная дискуссия о начале и особенностях формирования капиталистического уклада и разложения феодализма. Ей были посвящены десятки статей, монографиях и конференций. В дискуссии приняли участие С. Г. Струмилин, Н. М. Дружинин, А. А. Преображенский и другие видные советские историки. Затяжной характер дискуссии, не разрешенной и по сей день, свидетельствовал об исключительной сложности проблемы, различиях в методологическом подходе к интерпретации известных в литературе фактов.

В рамках второго этапа значительно повысился интерес исследователей к истории города, в том числе регионального. Существенный вклад в изучение социально-экономического развития дореформенного города внесла работа Ю. Р. Клокмана, в которой определены основные тенденции социально-экономического развития российского города во второй половине XVIII в.¹ В целом вывод историка о превращении городов в центры промышленного развития с преобладанием торговой функции не вызывает возражения, но автор явно недооценивал сибирский город, говоря о преобладании в нем почти исключительно военно-административных функций.

Следует признать, что в сибирском городоведении 1960-х гг. таких качественных перемен мы еще не наблюдаем. Кроме работ Ф. А. Кудрявцева, можно отметить лишь ряд изданий краеведческого характера об отдельных городах Забайкалья. В частности, истории Улан-Удэ были посвящены работы Ф. М. Шулунова, Н. В. Кима, М. М. Шмулевича; Кяхте – небольшой очерк Р. Ф. Тугутова; о Нерчинске писали Е. Д. Петряев и Н. Д. Мурзин. Из этих трудов, пожалуй, можно выделить работу Н. В. Кима по истории Верхнеудинска. По сути, это первая серьезная работа об этом забайкальском городе. Автор приводит значительный фактический материал, характеризующий экономическое и социокультурное развитие города в XIX в. Правда, далеко не все аспекты городской жизни им рассмотрены в равной степени.

¹ Клокман Ю. С. Социально-экономическая история русского города (вторая половина XVIII в.). М., 1967. 335 с.

Наиболее серьезная попытка комплексно проанализировать развитие сибирского города в динамике была предпринята в многотомной «Истории Сибири», ставшей важным этапом в сибирской исторической науке. Во втором томе, посвященном дореформенному периоду, проблемы городов Сибири были выделены в самостоятельные разделы, которые подводили своеобразный итог проделанной работе и намечали новые ориентиры¹. За прошедшие десятилетия многие положения этого капитального труда устарели, появился новый фактический материал, требующий не менее солидного осмысления.

Издание многотомной «Истории Сибири» заметно оживило сибирскую историческую науку, вывело ее на более качественный уровень. Закономерным итогом роста интереса к проблемам сибирской урбанизации стало оформление региональных научных центров. Одним из первых по времени стал Новосибирск. Усилиями таких исследователей, как О. Н. Вилков и Д. Я. Резун, в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР с середины 1970-х гг. начинают выходить тематические сборники статей по истории сибирского дореволюционного города, значение которых для развития сибирской урбанистики трудно переоценить. Они не только определили новые подходы и направления, открыли неизвестные страницы сибирского города, но, прежде всего, объединили вокруг себя историков – городоведов. Подобные же задачи преследовали научные конференции, достаточно регулярно проводившиеся в Новосибирске с 1980-х гг. Итогом их стало появление нескольких сборников, посвященных проблемам историографии, демографии сибирского населения, торговым операциям, взаимодействию города и деревни. Следует признать, однако, что отмеченная выше хронологическая односторонность проявилась и на страницах указанной литературы. Подавляющее большинство статей было посвящено общим и частным проблемам сибирского города XVII – первой половины XVIII в. Эта же специфика обнаруживалась в монографических исследованиях (работы В. А. Александрова, О. Н. Вилкова, А. А. Преображенского, М. М. Громыко, О. И. Кашик и др.). Редким исключением в это время были диссертационные исследования и статьи Ю. П. Колмакова, Л. А. Солопий, В. П. Шахе-

¹ История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. 540 с.

рова, посвященные истории формирования крупных капиталов Восточной Сибири и торгово-промышленному освоению края. В основном же те или иные аспекты, связанные с городской экономикой и предпринимательством, в этот период рассматривались в рамках не специальных работ, а в исследованиях более общего характера, посвященных хозяйственно-экономическому освоению отдельных регионов Сибири.

В советской историографии 1970–1980-х гг., кроме традиционных социально-экономических сюжетов, стали появляться новые, расширяющие восприятие городской среды в целом. В монографии В. А. Нардовой изучается проблема городского самоуправления пореформенной России. На новом фактическом материале и методологии автор проанализировал основные законодательные акты в отношении городов и практику их реализации на местах. Большое внимание было уделено взаимоотношению власти с органами городского самоуправления и другими общественными организациями.

Для последнего периода советского городоведения было характерно более пристальное внимание к социокультурным процессам в городской среде, тем самым преодолевалась известная односторонность рассмотрения города только как экономического или административного центра. Непосредственно этим проблемам был посвящен ряд работ сибирских историков и этнографов, в том числе обобщающие исследования А. Н. Копылова.

Повседневная жизнь, быт, традиционные обряды и праздники – эти и подобные аспекты жизнедеятельности горожан стали предметом изучения этнографов. Большинство работ историко-этнографического характера о русском городе хронологически начиналось с конца XIX в. Основателем историко-этнографического подхода к изучению городского населения стал М. Г. Рабинович, перу которого принадлежали серьезные исследования по истории материальной культуры и об образе жизни населения феодального города¹. В качестве самостоятельного объекта изучения выделилось историко-архитектурное направление, представители которого поднимали вопросы стро-

¹ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.

ительства, планировки и архитектуры городской среды. В работах Б. И. Оглы, В. И. Кочеданова, Л. К. Минерта, А. Н. Копылова рассматривались различные аспекты развития городской застройки, планировочных решений, характеристики отдельных памятников архитектуры, но в то же время почти не затрагивались социально-экономические сюжеты сибирского градостроительства.

Подводя итоги историографическому обзору советского периода, следует отметить его неоднозначность и наличие больших перекосов, связанных с определенными этапами развития страны и марксистско-ленинской идеологией. Советскую историческую науку отличала приверженность догматам и установкам партийной идеологии, отрицание достижений дореволюционной и современной западной историографии, критическое отношение к самодержавию и близким к нему слоям населения и структурам. Тем не менее советскими историками была проделана огромная работа по выявлению новых источников, их систематизации и выделению приоритетных направлений исследования. Наиболее плодотворным с точки зрения изучения процессов формирования городской среды был второй период, особенно 1970–1980-е гг. Они во многом наметили и определили дальнейшие пути исследования и основные проблемы современного городоведения. Прежде всего, это типология городов, критерии разделения поселений на городские и сельские, критерии классификации городских поселений по социально-экономическим типам. В итоге в советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой дореформенный русский город медленно, но неуклонно прогрессировал. Аргументами в пользу этого являлись: увеличение числа городов; повышение их промышленного и торгового значения; рост численности городского населения; появление и бурное развитие городов промышленно-капиталистического типа. Вообще надо признать, что грани историографических периодов всегда размыты, и нельзя с точностью до года выделить время наступления новых изменений. Уже с середины 1980-х гг. в изучении российской и сибирской урбанизации наметились качественные изменения, новые подходы, более широкое теоретическое осмысление проблем. В эти же годы сформировались как исследователи большинство историков, чьи работы пришлось уже на новый этап отечественной историографии.

В начале 1990-х гг. происходят радикальные перемены в истории нашего государства. Новый вектор развития не мог не затронуть историческую науку, для которой наступил период полного переосмысления изучаемых проблем в свете новых методологических концепций и теорий. Использование новых приемов и методик, пришедших из западной общественной науки, не только позволило по-иному взглянуть на традиционные для отечественной историографии проблемы, но и выдвинуло ряд новых направлений и сюжетов, которые в настоящее время активно осваиваются исследователями: историческая демография, история повседневности, макро и микроистория, историческая социология, антропология и психология, гендерная история и ряд других. Переход от изучения преимущественно общественных процессов и структур к антропологическому взгляду на историю, в центре которого находится человек во всем многообразии своего бытия, позволил выделить в качестве новых аспектов городской среды повседневный образ жизни населения, менталитет различных социальных слоев города, информационное и коммуникативное пространство города и социокультурные процессы.

В связи с новыми приоритетами современного общества усилилось внимание историков к проблемам развития рыночного хозяйства, истории купечества и предпринимательства в целом, местного общественного самоуправления, роли общественных институтов и церкви в формировании городской духовности и культуры. Следует отметить значительное расширение источниковой базы исследований, которое осуществлялось как за счет вовлечения в научный оборот архивных фондов и источников, доступ к которым был ограничен или закрыт в советское время, так и в результате реализации исследовательских замыслов, связанных с применением новых методик исторического исследования.

Первой крупной работой нового периода в отечественной урбанистике стала монография Б. Н. Миронова, в которой впервые был представлен комплексный анализ развития дореформенного русского города. В этой работе впервые был использован не только марксистский, но и современные зарубежные подходы к истории города – цивилизационный и теория модернизации. Автором рассмотрены численность городского населения, демографические процессы в городах, социально-сословная

структура и мобильность городского населения, развитие городской экономики и изменения отраслевой структуры занятости горожан. Вслед за П. Г. Рындзюнским он попытался дать свою классификацию городских поселений на основе многофункциональности проявления городской жизни. Автор справедливо подчеркивает, что «абсолютизация значения той или иной функции приводит к бесплодным спорам и неправильному пониманию роли города в истории России»¹. Большой интерес представляет попытка Б. Н. Миронова определить в исторической динамике уровень развития городской жизни России в дореформенный период, показать системность городской сети, которая, по мнению автора, содействовала превращению большинства городских поселений в торгово-промышленные центры и объединению их в рамках единого национального рынка»².

Дальнейшее развитие отмеченная тематика получила в его фундаментальном труде, посвященном социальной истории России на протяжении более чем двух столетий³. Глобальности поставленной задачи отвечают охват территории и круг поставленных вопросов. На огромном и разнообразном материале представлено развитие основных сфер страны в период модернизации. Среди прочего много внимания уделено месту и роли города в этом процессе, становлению гражданского общества, менталитету сословий как важному фактору социальной динамики. Вместе с тем, рассматривая многие вопросы на макроисторическом уровне, Миронов не всегда соотносит их с реалиями российской жизни. В частности, им не всегда учитываются особенности окраинных территорий, в том числе сибирского города. Да и вывод о радикальном превращении российского города к середине XIX в. из военно-административного и аграрного преимущественно в промышленно-торговый, а к началу XX в. – в промышленно-торговый и культурный центр представляется по меньшей мере спорным и схематичным. Тем не менее, хотя исследования Б. Н. Миронова опираются в основном на материалы

¹ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 170.

² Там же. С. 235.

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1–2. СПб., 1999.

Европейской России, они имеют прямое отношение к истории сибирского города, показывая основные направления его изучения.

В постперестроечное время заметные изменения произошли в изучении городского культурного пространства. Сегодня можно говорить о повороте от изучения «новых, прогрессивных, светских» тенденций к анализу всей совокупности историко-культурных процессов. При этом обнаружилось смещение фокуса исследований с истории социальных институтов культуры на социокультурные процессы, протекавшие в разных социальных средах и в отдельных регионах. Л. В. Кошман отмечала, что приоритетным становится рассмотрение культуры «не как суммы ее отдельных отраслей, а как функционирующей системы, через выработанный механизм ее распространения – школу, книгу, культурно-просветительные учреждения, информационную коммуникацию и т. д.»¹.

Эти перемены отчетливо проявились в «Очерках русской культуры», издаваемых МГУ. Если в томах, охватывающих XVIII в., традиционно превалировал отраслевой подход изложения материала, то в томах по XIX в. отраслевой подход сочетается с попытками рассмотреть культуру как целостность, использовать системно-функциональный подход. Город как полифункциональный организм, создающий геокультурное пространство, представлен в недавно изданной монографии Л. В. Кошман. В монографии активно используется сравнительно новый для изучения истории культуры системно-функциональный подход, который предполагает изучение общественно-культурной среды, определяющей наполненность и многообразие духовно-интеллектуальной жизни. В социальном плане автор сосредоточил внимание на истории мещанства, являвшегося основным слоем городского населения.

На материалах Сибири подобный подход был использован А. И. Куприяновым. Им была предпринята попытка синтеза исследовательских подходов, сложившихся в отечественной историографии на базе историко-этнографического и историко-антропологического изучения русского города. В центре внимания автора – русский горожанин в его повседневной жизни. Ав-

¹ Кошман Л. В. Русский город в XIX в.: социокультурный аспект исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 3–4.

тор сосредоточил внимание на сословном характере городского общества, определил вклад каждого в развитие городского образа жизни. Впервые в сибирской историографии он смог раскрыть деятельность общественных организаций, конфессиональные аспекты городского быта, факторы формирования городского менталитета. Сосредоточив свое внимание на социально-культурных вопросах городской жизни, историк несколько недооценил роль и степень воздействия социально-экономических факторов. Дальнейшее изучение провинциальной культуры России и особенно повседневной жизни и быта населения было реализовано А. И. Куприяновым в новой монографии¹. Культура рассматривается им как коммуникативное пространство, которое формируется культурной средой города, с одной стороны, и социальными практиками горожан, с другой. Особенностью провинциального города являлось одновременное сосуществование различных пластов традиционной и модернизированной культуры. Новизна работы заключается в использовании автором межрегионального подхода для изучения культурных процессов в нескольких регионах России, отличающихся по природно-климатическим, социально-экономическим и социокультурным характеристикам. В рамках комплексного исследования анализируются структуры городской культуры и разнообразные культурные практики горожан. Исследование культурных институций сочетается в работе с анализом ментальности, жизненных ценностей, чувств и эмоций горожан. К сожалению, территориально автор снова ограничивается только городами Западной Сибири.

С начала 1990-х гг. в историографии ощутимо возрос интерес к истории российской провинции. При этом история регионов рассматривается как важнейшее направление современных исследований. «Без накопления и осмысления фактов региональной истории, – отмечал Я. В. Водарский, – невозможно дать полноценное освещение истории страны в целом»². Проблема генерализации разрозненных фактов, таким образом, приобретает первостепенное значение.

¹ Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в. М., 2007. 480 с.

² Водарский Я. Е. Задачи изучения региональной истории // Проблемы региональной истории России. Ч. 1. Липецк, 1997. С. 5.

Современное сибирское городоведение невозможно представить без работ и активной организационной деятельности Д. Я. Резуна. Можно только поражаться его многогранности и интересам. Это касается его публикаций как историографического и источниковедческого, так и конкретно-исторического характера. В центре его исследований находились проблемы городского образования, развития предпринимательства и купечества, таможенные книги сибирских городов и ярмарочная торговля. Многие его материалы впервые ставили проблему и намечали пути ее решения. На рубеже 2000-х гг. его внимание привлекла теория фронта, которую он попытался применить для объяснения процессов российского освоения Сибири в контексте мирового опыта, в том числе урбанизационных процессов. В ряде статей и в монографии, подготовленной совместно с М. В. Шиловским, были представлены особенности сибирского фронта и ментальности сибиряка¹.

Д. Я. Резун сыграл огромную роль в деле координации усилий сибирских историков по изучению истории предпринимательства и купечества, сплотив их как главный редактор в творческий коллектив 4-томной «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири»². Эта работа объединила десятки историков из разных регионов Сибири. К недостаткам данного издания можно отнести лишь крайне ограниченный тираж, что не дает возможности пользоваться этим весьма ценным по содержанию и значению изданием широким кругам специалистов и краеведов. В последнее время появилась надежда, что энциклопедия в более уточненном и дополненном виде выйдет вторым изданием уже массовым тиражом.

Нельзя не отметить научную деятельность В. А. Скубневского. В последние десятилетия он возглавил научное направление по исследованию истории предпринимательства на Алтае и в

¹ Резун Д. Я. Сибирский и американский город на фронте // Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Он же. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX в.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

² Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1994–1997. Т. 1–4.

Сибири, стал автором, соавтором, редактором серии сборников статей, монографий. Некоторые итоги его городоведческих изысканий подведены в сборнике избранных статей, изданных к его 65-летию. Совместно с Ю. А. Гончаровым им впервые было проведено комплексное исследование экономического развития городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в., в котором обобщается значительный материал, накопленный сибирской исторической урбанистикой, и определяются дальнейшие направления изучения городов Сибири¹. В монографии рассмотрены вопросы социально-правового положения горожан, изменения состава, численности городского населения Западной Сибири, демографические процессы в контексте динамики экономического развития городов региона, анализируются вопросы развития промышленности, торговли, финансов, занятости городского населения. К достоинствам исследования можно отнести широкое использование документов личного происхождения, источников особого типа – электронных банков данных по населению сибирских городов, созданных на основе значительного массива архивных и опубликованных источников, что открывает значительные перспективы в разработке проблемы.

Барнаульский историк Ю. М. Гончаров, несмотря на молодость, уже достаточно известен в исследовательских кругах как автор многочисленных статей и монографий по самым актуальным проблемам сибиреведения. В центре его интересов история сибирского предпринимательства, развитие городов Сибири в период капитализма, социальная структура горожан. Широкое применение разнообразных источников, в том числе созданных с помощью электронной базы данных, современная методология, использование достижений западной историографии, – все это позволяет ему поднимать новые и малоисследованные темы. Интересны его обращения к проблемам повседневной жизни и бытовой культуры горожан, истории городской семьи, гендерным аспектам сибирского общества².

¹ Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007.

² Гончаров Ю. М. Купеческая семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002; Он же. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004; Он же. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004 и др.

Существенным вкладом в развитие сибирского городоведения стали исследования А. Р. Ивонина¹. Он первым в сибирской историографии предпринял комплексное изучение городских поселений Западной Сибири. В первой монографии основное внимание было сосредоточено на изучении специфики социально-демографических процессов. Огромный статистический материал, привлеченный автором, позволил существенно уточнить и скорректировать количественные характеристики о движении городского населения. По-новому были поставлены и решены проблемы мобильности сословного состава населения и внутригрупповых структур горожан. Второе исследование полностью посвящено формированию застройки и планировочной структуры западносибирских городов. Основное внимание автора привлекает взаимосвязь развития городского пространства и городских функций, а также вопросы благоустройства.

Таким образом, в последние десятилетия география изучения сибирского города заметно расширилась. Активизировалась работа на Алтае, в Омске, Томске, где появились интересные сборники статей, монографии и обобщающие исследования, посвященные проблемам сибирского предпринимательства и экономического развития городов. Постепенно восстанавливаются городоведческие традиции в Иркутске, заложенные в советское время исследованиями Ф. А. Кудрявцева, В. Н. Шерстобоева, Е. П. Силина, а в плане изучения городской среды и культуры М. К. Азадовским. Свидетельством тому является издание нового коллективного труда по истории Иркутска. Книга исторических очерков «Иркутск в панораме веков» стала первым комплексным исследованием по истории сибирского города, отвечавшим современному научному подходу и историческим традициям. Кроме того, в ней использован значительный новый фактический материал, что позволило во всей полноте показать процесс развития города от его основания до наших дней. Большой научный и организаторский вклад в изучение проблем сибирского города и предпринимательства внесен В. П. Шахеро-

¹ Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000; Он же. Города Западной Сибири в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX в. (динамика городских пространств). Барнаул, 2009.

вым, под редакцией которого выпущено десять межвузовских сборников статей «Сибирский город XVIII–XX вв.»¹.

Заметную роль в исторической урбанистике Байкальской Сибири дореформенного периода сыграли работы С. В. Евдокимовой, В. П. Шахерова, А. Р. Артемьева. В обобщающем исследовании С. В. Евдокимовой рассмотрено возникновение и формирование городов Забайкалья, проанализировано их экономическое развитие, структура населения и специфика социокультурной среды². Вопросы культурного развития городов Забайкалья привлекли внимание Т. В. Паликовой. Отдельно следует остановиться на ее работе, посвященной социально-экономической и культурной среде забайкальских городов второй половины XIX – начала XX в.³ Основное внимание автора сосредоточено на характеристике городской среды как места функционирования городского сообщества и определении экономических и социокультурных особенностей повседневной жизни городского населения. Работа эта хронологически не связана с нашим периодом, но интересна как первая попытка комплексно представить городскую среду Забайкалья, сосредоточив внимание на структуре и особенностях городского экономического и социокультурного развития.

Комплексное изучение формирования экономической среды в городах Байкальской Сибири было предпринято В. П. Шахеровым. Автор рассматривает возникновение городских поселений Байкальского региона «как следствие» и в то же время «как один из главных факторов формирования общесибирского экономического пространства». Города формируют «своеобразный каркас экономических связей на определенной территории и между собой», придают устойчивость, создают потенциал развития экономического пространства⁴. Неотъемлемой характеристикой комплексного анализа города выступает изучение его социальной структуры и, особенно, становление предпринимательских слоев городского населения. Анализу этих проблем посвящена вышедшая в 2002 г. монография ученого. На богатом фактиче-

¹ Сибирский город XVIII – начала XX в. Вып. 1–10. Иркутск, 1998–2015.

² Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007. 248 с.

³ Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010. 310 с.

⁴ Там же. С. 248.

ском материале доказывается, что «к середине XIX в. в городском обществе наиболее экономически развитых городов Байкальской Сибири произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета»¹.

Переходя к характеристике состояния изученности основных факторов формирования городской среды Байкальской Сибири, необходимо отметить прежде всего недостаточную разработанность источниковедческих и историографических сюжетов, без чего крайне сложно ставить и решать весь комплекс городо-ведческих проблем. Сколько-нибудь полной историографии сибирского города в начальный период модернизации не существует. Лишь отдельные вопросы поднимались в некоторых статьях и монографических исследованиях. Так, в историографическом труде Л. М. Горюшкина и Н. А. Миненко сибирскому городу посвящена целая глава, но, несмотря на перечисление обширного круга литературы, серьезного анализа и оценки ее она не содержит. Единственной попыткой как-то обобщить литературу по истории позднефеодального сибирского города является статья барнаульской исследовательницы М. Г. Рутц, но она не претендует на всестороннее освещение проблемы, к тому же ограничивается рассмотрением проблем городов Западной Сибири².

Еще более плачевно обстоит дело с источниковедческим обеспечением сибирского городоведения. Конечно, исследователи вводили в научный оборот значительный пласт архивного материала, но специальных изданий, сборников документов, публикаций наиболее значительных документальных комплексов в современной исторической литературе крайне мало. Огромную работу по изучению всего комплекса материалов по сибирскому городу XVII–XVIII вв. проделал Д. Я. Резун. Его последние исследования раскрывают потенциальные возможности расширения источниковой базы для более углубленного изучения про-

¹ Шахеров В. П. Предприниматели Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Формирование и основные сферы деятельности. Саарбрюкен, 2012. С. 242.

² Рутц М. Г. Западносибирский город первой половины XIX в. исторической литературе // Города Алтая (Эпоха феодализма и капитализма). Барнаул, 1986. С. 113–135.

блем сибирского города в период феодализма¹. К сожалению, подобного рода работ для более позднего периода мы почти не имеем. В какой-то мере отмеченный пробел пытается восполнить региональная урбанистика. В ряде городов Сибири вышли публикации документов из местных и центральных архивов, расширяющие источниковую базу исследований. К наиболее удачным примерам можно отнести изданные Г. Ф. Быконой материалы по истории Красноярска². Введение в оборот нового фактического материала способствовало активизации научного и краеведческого изучения города. Итогом стало появление монографии, дающей комплексную характеристику дореволюционного прошлого Красноярска³.

По другому пути пошли в Иркутске. Вместо подготовки своеобразных хрестоматий по истории города здесь основное внимание было сосредоточено на издании таких документальных комплексов, как мемуаристика и городское летописание. С большим интересом не только специалисты, но и широкая общественность встретили публикацию записок и воспоминаний иркутян начала XIX в.⁴ В продолжение традиций дореволюционного городского летописания, которые всегда отличали Иркутск от других городов Сибири, были опубликованы летописи библиотекаря и краеведа Н. С. Романова, ранее доступные только специалистам⁵. За этим последовали своды городской летописи, составленные Ю. П. Колмаковым⁶. Уникален сборник ранних летописей Иркутска XVIII – первой половины XIX в. В нем впервые были опубликованы летописи В. и А. Сибиряковых, фрагменты летописей неизвестных авторов, а также своеобразный

¹ Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII в. Новосибирск, 1982; Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

² Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Красноярск, 1981. 280 с.; Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска первой половины XIX в. Красноярск, 1986. 320 с.

³ Быконая Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII–XIX в. Красноярск, 1990. 304 с.

⁴ Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. 544 с.

⁵ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. 542 с.; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. 560 с.

⁶ Колмаков Ю. П. Летопись города Иркутска. 1661–1940. Иркутск, 2003. 848 с.; Он же. Летопись города Иркутска. 1941–1991 гг. Иркутск, 2010. 720 с.

летописный свод, составленный иркутским землемером и архитектором А. И. Лосевым. Самобытный и интересный труд А. И. Лосева является ценнейшим источником по истории не только Иркутска, но и всей Восточной Сибири¹. Публикация и изучение источников по дореволюционному сибирскому городу – одна из неотложных задач современной урбанистики. Расширение источниковой базы позволит активизировать работы по истории сибирских городов, расширить их рамки и проблематику, сможет дать новый импульс краеведческим направлениям.

В сибирской историографии поднят еще один важный аспект проблемы типологии города. В сложной структуре сибирского города особое место принадлежит малым городам. Изучение их позволяет более детально представить процессы горообразования, формирования и эволюции основных функций сибирского города, взаимосвязи с сельской округой, центром которой они являлись. О большой значимости малых территорий и городов свидетельствует их устойчивое положение в региональной структуре, а на общесибирском уровне определенная хозяйственная специализация, обуславливающая их нишу в развитии рыночных отношений в Сибири. Следует отметить, что малые города являются одной из самых устойчивых во времени и пространстве форм поселений в Сибири. Большинство из них выросло из первых острогов и зимовий. Вместе с сельской округой они составляли единый территориально-хозяйственный и социокультурный комплекс. Таким образом, можно констатировать, что «исторический опыт освоения Сибири указывает на малые и средние города как на наиболее эффективную форму колонизации необжитых и малообжитых территорий»².

В сибирской историографии одним из первых поставил вопрос о роли и месте малого города в горообразовательном процессе Д. Я. Резун. На примере Ачинского острога им был показан генезис малых городских поселений как исторически закономерных и обусловленных форм проявления процесса хозяй-

¹ О А. И. Лосеве и его работах см.: Резун Д. Я. А. И. Лосев как историк городов Восточной Сибири // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск, 1994. С. 165–181; Шахеров В. П. Первый краевед Иркутска // Весь Иркутск : информ.-реклам. ежегод.-календарь на 1992. Иркутск, 1992. С. 228–230.

² Резун Д. Я. О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII – начала XX в. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 9.

ственно-культурного освоения Сибири¹. На более широком материале основано исследование В. П. Шахерова, посвященное анализу социально-экономического развития верхней Лены². Но наиболее значительный вклад в изучение данной темы внесла монография О. А. Тяпкиной³. Алтайская исследовательница впервые приступила к комплексному исследованию социально-экономического развития малых городов Западной Сибири как особой категории городских поселений. Автором показаны особенности территориально-административного положения малых городов, динамика численности, истоки формирования, состав населения, выявлены особенности функционирования городской экономики и структуры занятий горожан, а также предпринята попытка выяснить причины устойчивого положения в поселенческой структуре региона в дореволюционный период.

Наибольшие результаты были достигнуты в изучении различных сторон социально-экономического развития сибирского города. Эти вопросы затрагивались как в работах, посвященных отдельным городам Сибири, так и в более общих исследованиях. В поле зрения историков попадали темы развития сибирской промышленности и ремесла, становления рыночных отношений и формирования крупного капитала, в меньшей степени изучалось воздействие экономических связей на население городов, общественные и социальные процессы. Лучше других отраслей промышленности Сибири изучено горнозаводское производство и золотопромышленность. В работах З. Г. Карпенко, И. И. Комогорцева, С. Ф. Хроленка, а в последнее время Т. М. Винниковой, М. Г. Рутц и других авторов обращалось внимание на города и поселки горных округов Сибири, их специфику и особенности правового и экономического статуса. Значительно слабее изучена история ремесленного производства и обрабатывающей промышленности в позднефеодальном городе, что нашло отражение в таком авторитетном труде, как «История Сибири». В главе, посвященной сибирской промышленности, ей уделено всего не-

¹ Резун Д. Я. Русские в среднем Причумылье в XVII–XIX в. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. 197 с.

² Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. 88 с.

³ Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX в.: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. 304 с.

сколько абзацев, в которых констатировалось лишь наличие ряда мануфактурных предприятий и перечислялись отдельные виды сельских промыслов и городского ремесла. Слабая изученность проблемы привела к появлению разных оценок уровня развития сибирской обрабатывающей промышленности. В ряде работ преувеличивалась роль принудительного труда. В других – недооценивались масштабы мелкотоварного производства и тенденции капиталистического развития. Ближе всех к решению проблемы подошел Д. И. Копылов – автор единственной обобщающей работы¹. На материалах Западной Сибири он проследил процессы становления мануфактурного производства в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности. Дальнейшее освещение эти вопросы получили в коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период». Отмечая численное преобладание заведений мелкотоварного производства, авторы показывают быстрый рост мануфактуры и делают вывод о вступлении промышленности Сибири в соответственно мануфактурный период со второй четверти XIX в. Подобный взгляд разделяет большинство исследователей, хотя и с некоторыми оговорками. Так, М. Г. Рутц оспаривает этот вывод, но только применительно к городам Алтая, где господствовала крепостная мануфактура².

В литературу проник и кочует по страницам различных изданий совершенно необоснованный вывод о значительном отставании в промышленном отношении Восточной Сибири от Западной. В указанной выше монографии читаем: «Обращает на себя внимание разрыв в промышленном развитии Западной и Восточной Сибири. Восточная окраина соотносилась с ее западной частью примерно так, как вся Сибирь с великорусской метрополией»³. Появление подобных выводов можно объяснить лишь слабой изученностью обрабатывающей промышленности в Восточно-Сибирском регионе. Появившиеся в последнее время работы позволяют более объективно подойти к проблеме промышленного развития Сибири в позднефеодальный период.

¹ Копылов Д. И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Свердловск, 1973. 264 с.

² Рутц М. Г. Западносибирский город ... С. 129.

³ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 51.

Наконец, в последнее время появилась монография В. П. Зиновьева, в которой на новом материале и методологической основе показан процесс становления и развития сибирского пролетариата¹.

Исследователи позднефеодального сибирского города единодушно отмечают ведущую роль торгово-предпринимательской деятельности в экономике города. Несмотря на то что изучение торгового развития Сибири насчитывает не один десяток лет, можно констатировать, что мы еще плохо знаем историю сибирской коммерции и ее носителей – купечества. Слабо разработаны вопросы торговой инфраструктуры и специализации городов Сибири, значения внутренней торговли в формировании общесибирского рынка, влияния ее на городское население. Определенную роль в активизации интереса исследователей к проблеме комплексного изучения сферы торгового обмена в Сибири сыграли тематические сборники статей, продолжившие серию «Города Сибири». Опубликованные в них статьи Д. Я. Резуна, В. В. Рабцевич, В. П. Шпалтакова, Н. Н. Репина, О. Н. Бесединой и других ориентировались на малоизученные аспекты истории торговли и предпринимательства в Сибири, конкретизировали и расширяли проблематику. В последние годы анализом городского рынка Сибири занимались В. П. Шпалтаков, В. П. Шахеров, В. Н. Разгон, Т. К. Щеглова. Наибольший интерес исследователей привлекла ярмарочная торговля. В ее изучении наметился переход от регионального подхода к обобщению работ. Наиболее заметным исследованием стал труд Д. Я. Резуна и О. Н. Бесединой, получивший благоприятные отзывы в печати². Следует сказать, что тематически эта книга значительно шире. Авторы ее не только всесторонне анализируют состояние ярмарочной торговли, но приводят новые данные по торговой специализации городов, отмечают влияние городского рынка и торгового маркетинга на застройку и архитектуру городских поселений Сибири. Проблемы, поднятые авторами, представляют несомненный научный интерес ввиду недостаточной их изученности или тенденциозности в подаче материала в недавние времена. Бесспор-

¹ Зиновьев В. П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.

² Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1993. 140 с.; Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993. 140 с.

ным достоинством работы является использование большого числа архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Новизна исследования проявилась, прежде всего, в постановке проблемы. Авторы задались целью не просто изучить динамику торговых оборотов, ассортимент товаров, но «представить торговлю как определенный ритм, как образ жизни сибирского горожанина»¹.

Сибирские города принимали активное участие в пограничной торговле с Монголией, Китаем, народами Казахстана и Средней Азии. Эти сюжеты еще не получили всестороннее освещение, но в ряде исследований А. Н. Хохлова, Н. Е. Единарховой, А. В. Старцева, В. П. Шахерова поднимались вопросы влияния кяхтинского торгового оборота на развитие производительных сил Сибири и формирование крупного капитала². Яркие и информационные зарисовки кяхтинского населения, организации его жизни и быта представлены в очерках А. А. Жирова³.

При изучении проблем позднефеодального города невозможно обойтись без характеристики демографических процессов. Нельзя сказать, что сибирские историки избегали эти сюжеты. Определенный вклад в их освещение внесли известные демографы В. М. Кабузан и С. М. Троицкий, проанализировавшие общее состояние и динамику численности городского населения Сибири, миграционные процессы, соотношение естественного и механического прироста. В дальнейшем ученые не отваживались на столь широкие обобщения, ограничиваясь рассмотрением демографических процессов на примере определенных регионов или городов. Так, на материалах Восточной Сибири построено

¹ Резун Д. Я., Беседина О. Н. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 6.

² Хохлов А. Н. Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII – середина XIX в.) // Бурятия XVIII – начале XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 15–50; Шахеров В. П. Роль русско-китайской торговли в развитии сибирского предпринимательства (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Иркутск, 1996. С. 49–64; Старцев А. В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2003. 308 с.; Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). Иркутск, 2003. 250 с.

³ Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005. С. 139–172.

интересное исследование В. В. Воробьева, где дана количественная характеристика городского населения, социальный состав, определены главные факторы формирования, размещения и миграции¹. Однако проблема формирования населения рассматривалась им с точки зрения географа, что обусловило некоторые слабости при освещении социально-экономических процессов. Значительный фактический материал и новые подходы к освещению проблемы отличали работы В. П. Шпалтакова и А. Р. Ивонина, посвященные городскому населению Западной Сибири.

На рубеже 1980–1990-х гг. интерес к демографическим проблемам сибирского города заметно возрос. Им были посвящены научные конференции, тематические сборники. И все же данная проблематика нуждается в дальнейших исследованиях. Особенно слабо изучены вопросы социальной структуры сибирского города, которые тесно связаны с такой методологически важной проблемой, как формирование новой классовой структуры. Справедливости ради следует отметить, что эта узловая проблема является одной из малоизученных в российской историографии. Только в последнее время намечается отход от штампов и установок, оставленных марксистской эпохой, когда основное внимание было сосредоточено на крестьянстве и пролетариате. Остальные сословные группы почти не заинтересовали специалистов. Исследования роли и места сибирского купечества, городских слоев только начинается. Отдельные аспекты сословно-классовой структуры городов Сибири поднимали в своих работах Л. А. Солопий, В. П. Шахеров, М. Г. Рутц.

Изменения, происходящие в стране, привлекли внимание специалистов и общества к истории сибирского предпринимательства. Изучение формирования капиталов, роли купечества в городском обществе, взаимоотношений с государством и другими социальными слоями стало заметным явлением в сибирской урбанистике. Особое значение для данной темы имеют региональные особенности предпринимательства, непосредственно связанные с характером территории, природных ресурсов, спецификой экономических и общественных процессов. Исследования сибирских историков последних лет значительно расширили

¹ Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. 259 с.

представления о купечестве региона, его месте в структуре формирующегося общероссийского рынка, роли в экономической и общественной жизни сибирского города, культурно-нравственных ориентирах. Следует отметить только, что они в основном базируются на материале Западной Сибири и разрабатываются историками Томска, Новосибирска и Барнаула. История купечества восточных регионов Сибири, прежде всего иркутского, еще не получила достаточного и достойного освещения. При этом, как справедливо отмечает Ю. А. Гончаров, «историческая наука Сибири, в отличие от других регионов имевшая в своем активе значительные достижения советского периода по изучению истории буржуазии, быстро стала в общероссийском масштабе лидером по изучению истории предпринимательства»¹.

В наиболее чистом виде предпринимательская деятельность была представлена купеческим сословием, если не брать в расчет предпринимательство самого Российского государства. Поэтому в исторических исследованиях по проблеме предпринимательства акцент делают на купечестве, что, несомненно, сужает и несколько искажает объект и предмет исследования, но в определенной степени анализ деятельности гильдейского купечества отражает характерные черты исторической эволюции российского предпринимательства.

Различные аспекты формирования и развития сибирского купечества в последнее время стали объектом исторического изучения. Проблемы численности купечества, особенности его семейного положения привлекали внимание Е. А. Зуевой и Ю. М. Гончарова². Первым обобщающим исследованием по истории формирования и хозяйственной деятельности сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. стала монография В. Н. Разгона³. В ней анализируются численность сибирского купечества, источники формирования, основные сферы хозяйственной деятельности, взаимоотношения с российским капиталом и государством. На основе значительного комплекса источ-

¹ Гончаров Ю. М. Города Сибири второй половины XIX ... С. 277.

² Зуева Е. А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. 219 с.; Гончаров Ю. М. Купеческая семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. 384 с.

³ Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999. 660 с.

ников, многие из которых впервые были введены в научный оборот, автор смог показать, как происходило зарождение в недрах феодальной экономики предпринимательской среды нового типа, соответствующей процессам модернизационного развития страны. Заметное место уделено выявлению ментальных особенностей сибирского купечества, возникновению в их среде новых ценностных ориентаций и установок. Исследование территориально охватывает всю Сибирь, что оставляет место для более углубленного изучения региональных отрядов купечества.

На материалах Западной Сибири выполнены фундаментальные монографические работы В. П. Бойко¹. Ценные наблюдения о предпринимательстве и предпринимателях Восточной Сибири представлены в работах и диссертационных исследованиях Е. В. Комлевой, В. П. Шахерова, Е. Г. Швеца, И. А. Щукина, Н. И. Гавриловой, Л. В. Кальминой и О. Э. Мишаковой. Целый ряд ученых обратился к изучению отдельных купеческих родов Сибири. Пожалуй, наиболее интересным и комплексным примером данного направления стала обстоятельная работа, посвященная династии купцов Басниных². Купеческая тема стала достоянием не только научных публикаций, но и активно вошла в журнальную периодику. Можно отметить специальный номер журнала «Земля Иркутская», полностью посвященный купечеству. Уникальным явлением не только в сибирской, но и в российской урбанистике стало издание «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири». В ряде сибирских регионов – на Алтае, в Красноярском крае – появились свои купеческие энциклопедии³.

Внимание исследователей привлекают также вопросы становления буржуазного менталитета, особенности социально-психологической характеристики купечества, их участие в общественной и культурной жизни. Проблему эту поставила в свое время еще М. М. Громыко. Но только в последнее время можно говорить об определенных успехах в ее освещении. В последние

¹ Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007. 307 с.

² Связь времен: Баснины в истории Иркутска. Иркутск, 2008. 158 с.

³ Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая. 1861–1917 гг. : энцикл. Барнаул, 1996. 112 с.; Погребняк А. И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. 368 с.

годы ученые проявили заметный интерес к купеческой благотворительности и меценатству. В ряде работ и статей сибирских историков определялись причины и характер благотворительности, ее роль в социализации городского общества и самих предпринимателей, давались характеристики наиболее известным меценатам¹.

Если в изучении сибирского купечества мы можем говорить о позитивных сдвигах, то остальные городские слои почти не получили освещения в современной историографии. Практически нет исследований о податном населении сибирского города, составляющем большинство горожан. Лишь не так давно появились работы, посвященные основной части сибирского городского населения – мещанству². Важным фактором социальных изменений в городе было наличие в нем различных межсословных элементов: разночинцев, отставных военных и казаков, крестьян, ссыльнопоселенцев. Эти небольшие группировки, составляя так называемое примыкающее самодеятельное население, активно участвовали в хозяйственной жизни городов³.

Почти не исследовались и такие сословия городов, как дворянство, казачество, чиновничество. Мы можем отметить лишь отдельные работы, затрагивающие неподатные элементы города. Одной из первых заинтересовалась своеобразием сибирского дворянства М. М. Громыко, но тема эта почти не получила продолжения⁴. Лишь в конце XX в. появились исследования

¹ Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000. 212 с.; Старцев А. В. Благотворительность и меценатство предпринимателей Сибири во 2 половине XIX – начале XX в. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. Петербург, 2003; Шорохова Т. С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков. СПб., 2005. 137 с.; Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск, 1997. 155 с.; Гаврилова Н. И. Благотворительность иркутского купечества во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX в. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 104–119.

² Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. 206 с.; Останина Л. В. Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

³ Шахеров В. П. Экономико-правовые аспекты классово-сословной структуры сибирского города в период позднего феодализма // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 3–14.

⁴ Громыко М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества // История СССР. 1971. № 3. С. 58–71.

Г. Ф. Быкони, посвященные формированию сибирской военной бюрократии, Н. Д. Зольниковой – о приходском духовенстве, И. Б. Марковой, поднимающей вопросы социального и культурного развития чиновничества¹. В целом же адекватной картины социальной структуры сибирского города позднего феодализма современная урбанистика не дала. Требуют дальнейшего изучения процессы стирания сословных граней в сибирском городе. От успеха изучения данных вопросов зависит решение более широкой проблемы особенностей генезиса капитализма в Сибири.

Тесно с социальными вопросами сопряжена проблема управления и самоуправления сибирского города. Впервые эти сюжеты были поставлены в многотомной «Истории Сибири». Дальнейшее изучение темы связано с именами двух сибирских исследователей – Л. С. Рафиенко и В. В. Рабцевич. В ряде работ первой затрагивались вопросы развития городского законодательства и его реализации в Сибири XVIII в., роли и места посадской общины, деятельности выборных городских органов самоуправления². Но наиболее значительный вклад внесли исследования В. В. Рабцевич, и прежде всего ее монография, посвященная месту сибирского города в дореформенной системе управления³. Исследование это получило заслуженное признание в научных кругах. Помимо общих вопросов городской политики самодержавия, характеристики органов городского самоуправления, большое внимание в нем уделено социальным факторам, месту различных городских сословий в структуре городского управления.

Одним из перспективных направлений региональной урбанистики в последнее время становится изучение общественного самоуправления в городах Западной Сибири. В коллективной монографии А. П. Толочко и его соавторов, работах А. В. Литягиной, Л. А. Ереминой, Л. П. Бердникова и других исследовате-

¹ Быкони Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск, 1985. 300 с.; Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968.

² Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2006. С. 301.

³ Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984. С. 196.

лей подняты проблемы организации и структуры органов общественного управления, формирования муниципальных бюджетов и хозяйства, правовые вопросы избирательной системы¹. Эти труды, как нам представляется, заложили прочную основу для дальнейшего плодотворного изучения многообразных аспектов истории органов сибирского городского самоуправления. Наиболее серьезная попытка обобщить традиции общественного самоуправления в Сибири была предпринята в коллективной монографии «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в.», изданной под редакцией известного сибироведа М. В. Шиловского².

На материале Байкальской Сибири проблемы городского самоуправления рассматривались в работах С. В. Евдокимовой и В. П. Шахерова, а также в коллективном труде по истории Иркутской городской думы³. К сожалению, серьезных исследований в этом направлении по Байкальской Сибири нет. В какой-то степени этот недостаток компенсирует объемная статья Н. И. Гавриловой, всесторонне рассматривающая избирательную процедуру, состав избирателей и гласных муниципальных органов Иркутской губернии во второй половине XIX в.⁴ Поднимаются эти вопросы в работах И. Ю. Замулы и Т. В. Паликовой. В целом история городского общественного управления все еще

¹ Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 283 с. Литягина А. В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. (по материалам Томской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1999. 25 с.; Еремина Л. А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: структура, функции, основные направления деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 25 с.; Бердников Л. П. Вся красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1918). Красноярск, 1995. 320 с.

² История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск, 2006.

³ Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья. Улан-Удэ, 1993. 68 с.; Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. 264 с.; Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Дмитрия Медведева. Иркутск, 2008. 218 с.; Петров А. В., Плотникова М. М. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011: биограф. справ. Иркутск, 2011. 400 с.

⁴ Гаврилова Н. И. Участие горожан Иркутской губернии в органах местного самоуправления во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX в. С. 83–110.

остается слабоизученной. Проблема коренится в сложности объекта исследования, поэтому редкие попытки обобщения истории самоуправления в Сибири по-прежнему опираются на труды дореволюционных исследователей и анализ законодательства.

В последнее время внимание историков привлекают не столько общие сюжеты развития городского самоуправления, сколько вопросы состава и структуры местного управления, положения и быта представителей различных звеньев административного аппарата, состояние правосознания городского населения. Одна из удачных попыток проследить формирование правовой культуры горожан, оценить степень их правосознания предпринята А. И. Куприяновым, открывшим новый подход к исследованию данной проблемы¹.

В период перехода от феодализма к капитализму город становится средой распространения новых явлений общественно-культурной жизни, связанных с утверждением буржуазной по своей ментальности культуры, основанной на началах светскости и рационализма. Для новейшей исторической литературы характерен более обостренный интерес к различным сторонам духовной жизни населения городов Сибири: развитию системы просвещения, распространения книги и литературы в крае, другим учреждениям культуры. Несмотря на сравнительно большой объем литературы, посвященной социокультурным проблемам позднефеодального города, говорить о позитивных сдвигах в изучении данной темы достаточно сложно. Прежде всего, необходимо констатировать почти полное отсутствие обобщающих трудов. Единственной такой работой является монография А. Н. Копылова, изданная в начале 1970-х гг.² Большую часть материалов составляют конкретно-исторические исследования, региональные или тематические. В частности, достаточно активно изучалась книжная культура Сибири. В 1980–1990-е гг. вышло несколько тематических сборников по проблемам книжного и библиотечного дела.

¹ Куприянов А. И. Правовая культура горожан Сибири первой половины XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. С. 81–101; Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995. 157 с.

² Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1974. 252 с.

К изучению процессов культурного развития сибирского города обращались не только историки. Участие в этих исследованиях историков архитектуры, искусствоведов, этнографов, филологов, специалистов библиотечного дела позволило расширить круг изучаемых проблем, наполнить их новым фактическим материалом и осмыслением. Историко-архитектурное направление в сибирской урбанистике позволило определить своеобразие сибирского градостроительства, его стилевые направления. Материалы о сибирской городской архитектуре регулярно печатались в сборниках «Города Сибири». Ряд сборников был посвящен проблемам сохранения, реконструкции и изучения градостроительного наследия прошлого, его включения в материальную и духовную культуру современного города. Кроме того, в разных регионах Сибири издавались труды о местных памятниках истории и культуры.

Своеобразным центром изучения городской культуры в последнее время стал Омск. Здесь появилось несколько серьезных исследований, посвященных культурному развитию городов Западной Сибири¹. Большую роль в деле объединения культурологов и историков культуры Сибири играет всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики».

Интересные новые материалы содержали статьи и публикации в изданиях, посвященных общественному сознанию горожан дореформенной Сибири². В этих работах явно делается акцент на значимости воздействия социально-экономических и общественно-политических процессов на общественную жизнь городов и их культурно-бытовое развитие. Неслучайно поэтому в современном городоведении одной из актуальных проблем является характеристика городского образа жизни, изучение скла-

¹ Алисов Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX в. Омск, 2001. 384 с.; Урбанизация и культурная жизнь Сибири. Омск, 1995. 292 с.; Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. 153 с.; Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов. Омск, 2001. 202 с.

² Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. 262 с.; Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. 208 с.; Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. 160 с.

дывания особого типа личности, отличающейся большей мобильностью, инициативностью, предприимчивостью, кругозором. Именно создание и распространение специфического городского уклада жизни, городского менталитета считается многими специалистами основным содержанием процесса городского образования. Между тем эта стержневая проблема едва обозначена в сибирском городоведении. Очень близко она связана с социально-психологической характеристикой городского общества, с бытовой культурой горожан. Как мы отмечали выше, определенные достижения в данном направлении обусловлены лишь попытками понять истоки купеческой благотворительности и меценатства, определить степень развития бытовой культуры сибирского предпринимателя. На остальное население города подобный подход почти не распространялся. Единственной работой, выполненной на материале Западной Сибири, является уже упоминавшаяся монография А. И. Куприянова, представившая комплексный анализ городского жителя в его повседневной общественной жизни. Следует отметить, что автор одним из первых связал вопросы общественного самоуправления с развитием городского хозяйства. Внимание его привлек процесс формирования коммунальных служб в позднефеодальном городе¹. В период перерастания феодального города в капиталистический одним из показателей зрелости этого процесса выступает наличие разветвленного городского хозяйства, способного удовлетворять растущие потребности горожан. Намеченные А. И. Куприяновым ориентиры нуждаются в дальнейшем изучении как в региональном плане, так и в общесибирском масштабе.

В последние годы отмеченные проблемы стали активно разрабатываться применительно к Восточно-Сибирскому региону. В 2013 г. появилась монография В. П. Шахерова, посвященная истории формирования социокультурной среды в городах Байкальской Сибири². В ней на новом фактическом материале рассмотрены вопросы развития городского общества, становления социальных отношений в городском социуме, формирования

¹ Куприянов А. И. Городское хозяйство Западной Сибири в первой половине XIX в. // Город и деревня в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 76–87.

² Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. Иркутск, 2013. 256 с.

архитектурного облика, роль и место образования и культуры в процессах модернизации сибирских городских поселений. Не менее значительным вкладом в региональную историографию стало исследование Н. И. Гавриловой, всесторонне проанализировавшей процессы формирования общественной жизни и быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в.¹

Еще одна очень важная проблема сибирской урбанистики, связанная с социализацией городского общества, также лишь обозначена в литературе. Показателем зрелости городского самосознания является появление среди горожан передовых, прогрессивно настроенных групп населения. С появлением капиталистического уклада начинается становление буржуазной идеологии. Исследований на данную тему крайне мало. Но даже первые попытки обращения к этим вопросам свидетельствуют о необходимости более активного их изучения, особенно в контексте с историей общественно-политического движения в России в первой половине XIX в.

Среди ряда работ по истории повседневности обращают на себя внимание монография Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримовой и С. В. Голиковой «Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в.» и книга А. Б. Каменского «Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в.». Эти работы отличаются выбором сюжетов, масштабом исследования и степенью хронологического охвата материала, но объединяет эти труды внимание к человеческому измерению истории и принципиальная ориентация на источники, которые становятся отправной точкой построения исследований.

Расширение тематики исследовательских проектов за счет ранее слабо изученной повседневности городов привело к новому взгляду на достаточно традиционные научные направления. Однако круг отечественной историографии повседневной жизни и среды обитания человека все еще мал. Интересным опытом стало издание тематического сборника, посвященного сибирской повседневности. Интерес к подобной тематике растет, но полный и обстоятельный анализ повседневного образа жизни, являюще-

¹ Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. Иркутск, 2014. 308 с.

гося крайне сложным социальным феноменом, представляет серьезные трудности для проведения конкретно-исторических исследований. Можно согласиться с автором заглавной статьи указанного сборника А. В. Старцевым, что для успешного изучения поставленной проблемы «инструментария исторической науки недостаточно, и в ее исследовании определенную роль должны сыграть приемы и методы, используемые такими науками, как философия, социология, психология и социальная антропология»¹. Одной из первых работ подобного типа стало исследование Ю. М. Гончарова, посвященное бытовой культуре горожан Сибири в период капитализма². Несомненным ее достоинством, кроме постановки проблемы, является привлечение широкого круга источников, прежде всего личного происхождения, а также стремление связать микроисторический уровень городской жизни с макроисторическими процессами, влияющими на развитие городской среды.

Другой работой подобного направления стала монография Е. А. Дегальцевой, впервые в отечественной историографии на основе анализа широкого круга разноплановых источников предпринявшей попытку изучения специфики повседневной жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в.³ Автор комплексно рассмотрел ментальную и материальную стороны быденной жизни городского населения, дал анализ различных аспектов повседневности. Оба отмеченных исследования посвящены более позднему периоду. К сожалению, подобного анализа формирования повседневной среды дореформенного сибирского города в современной сибирской историографии еще нет. Что же касается таких исследований на материале Байкальской Сибири, то можно констатировать, что эта проблематика только начинает привлекать внимание специалистов.

Важнейшими компонентами формирования городской повседневной жизни являются информационное поле, способы передачи информации, коммуникативные каналы и взаимодей-

¹ Старцев А. В. Грани повседневности // Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2. С. 18.

² Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004. 358 с.

³ Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2005. 187 с.

стве. Проблема эта пока лишь намечена в историческом городоведении. Как правило, она воспринималась как одно из направлений образовательного пространства города, но на самом деле более сложна. Эта тема до недавнего времени вообще не рассматривалась как самостоятельное направление в историческом исследовании. Считалось, что информационная среда появляется только в XX в. Между тем, как показал в одной из своих последних статей Д. Я. Резун, и у первых сибиряков был свой информационный мир¹.

Одним из новейших направлений исторического городоведения является изучение ментальности горожан. Впрочем, некоторые авторы предпочитают оперировать другими, более традиционными понятиями – «психология» и «социальная психология». Изучение ментальности, внутреннего мира купечества не исчерпывается этими подходами. В книге О. Н. Судаковой внимание сосредоточено на ценностных ориентациях, ценностном мире русского купечества². Иной ракурс в исследовании А. В. Быкова, который обратился к «образу жизни» сибирского купечества³.

Материалы о развитии дореформенного сибирского города приводятся не только в работах, непосредственно посвященных урбанизационным процессам. Достаточно много информации о городской экономике, предпринимательстве, населении можно найти на страницах книг, освещающих другие проблемы истории Сибири. Так, для более полного восприятия городов Байкальской Сибири были привлечены исследования, связанные с историей промыслового освоения северной части Тихого океана и формированием Русской Америки. В этих процессах были задействованы предприниматели и работные люди различных сибирских городов, а сами морские промыслы были заметным фактором становления и первоначального накопления купеческих капиталов. Особенно велика была роль Иркутска и местного ку-

¹ Резун Д. Я., Резун И. Д. Информационная структура сибирского города и ее генезис в период с XVII по XIX в. Взгляд историка и взгляд журналиста // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX вв. Новосибирск, 2008.

² Судакова О. Н. Ценностный мир русского купечества нового времени (культурологический анализ). Улан-Удэ, 2001. 190 с.

³ Быков А. В. Образ жизни сибирского купечества: вторая половина XIX – начало XX в. Новосибирск, 2006. 111 с.

печества в открытии и освоении новых территорий на Востоке и в создании Российско-американской компании.

Историография Русской Америки достаточно велика и разнообразна. Различным проблемам организации морских промыслов на Тихом океане и Аляске были посвящены солидные исследования С. Б. Окуня, А. И. Алексеева, Р. В. Макаровой, С. Г. Федоровой и др. Настоящим патриархом данного направления, создателем собственной школы стал академик Н. Н. Болховитинов¹. Без преувеличения можно сказать, что именно благодаря его усилиям изучение истории Русской Америки вышло на качественно иной уровень в России и за рубежом. Труды Болховитинова показали, что существует необходимость более глубокого исследования конкретных вопросов, связанных с историей северной части Тихого океана. Обобщающим научным достижением стало издание трехтомной «Истории Русской Америки, 1732–1867» – результат значительного усилия международного коллектива авторов (Н. Н. Болховитинов, А. В. Гринев, А. А. Истомин, Р. В. Макарова, А. Ю. Петров, Л. М. Троицкая, Л. Блэк (США), Дж. Гибсон (Канада)), получившего самое широкое признание в научном мире.

Несколько особняком стоит книга уральской исследовательницы Е. В. Алексеевой². Автор поставил перед собой задачу «не только предложить, но и продемонстрировать новый подход к анализу и оценке феномена Русской Америки» на основе применения «метода комплексного историко-историографического анализа». Особенность исследования в том, что это не историографические очерки, а сумма точек зрения по указанным вопросам и их интерпретация автором. Е. В. Алексеева солидаризируется с уже утвердившимися позициями, прослеживая процесс территориального расширения России и США и определяя место Русской Америки в этом процессе. К сожалению, эта оригинальная постановка проблемы и особенно способы и методы ее решения не привлекли внимания специалистов по истории Рус-

¹ Болховитинов Н. Н. Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966; Он же. Русско-американские отношения. 1815–1832. М., 1975; Он же. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М., 1990; Он же. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991; Он же. Становление и развитие русско-американских отношений, 1732–1867 (некоторые итоги исследований). М., 1998.

² Алексеева Е. В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. 253 с.

ской Америки, да и автор не попытался в дальнейшем углубить и расширить заявленную постановку вопроса.

Особенностью работ последнего этапа является более основательное освещение хозяйственной деятельности купеческих компаний и Российско-американской компании на отечественном и зарубежном рынках, интерес к российскому и сибирскому предпринимательству и его роли в развитии необходимой инфраструктуры в Сибири и Америке. Вполне обоснованны призывы обратиться к региональным аспектам темы, расширить выявление нового материала в местных архивах и библиотеках. В последние годы появилось несколько исследований, в которых более широко использован региональный материал, представляющий большой интерес и для сибирских ученых. В монографиях А. Ю. Петрова проанализирован значительный объем сведений о взаимоотношениях Г. И. Шелихова и его наследников с иркутскими купцами – участниками промысловых компаний, показана закулисная история создания Российско-американской компании, приводится новый материал о финансово-хозяйственной деятельности компании¹.

И. В. Савельев обратился к вопросам формирования рынка купеческих промысловых компаний, действовавших в северной части Тихого океана в конце XVIII в.² Несмотря на достаточно большой комплекс литературы, посвященной этой теме, он смог уточнить ряд аспектов, оставшихся невыясненными и нуждающихся в переосмыслении. В то же время сама проблема предыстории деятельности Российско-американской компании исключительно важна для дальнейшего понимания всей истории Русской Америки. Автору удалось раскрыть неизвестные ранее внутренние пружины формирования купеческого промыслового объединения. Следует отметить ценность материала, посвященного промысловой деятельности П. С. Лебедева-Ласточкина, личность и деятельность которого во многом оставалась малоизвестной. Лебедев-Ласточкин был одним из основных компаньонов

¹ Петров А. Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000. 153 с.; Он же. Российско-американская компания: деятельность на отечественном и зарубежном рынках (1799–1867). М., 2006. 316 с.

² Савельев И. В. Промысловое освоение Русской Америки во второй половине XVIII в. Архангельск, 2007. 197 с.

нов и конкурентов Г. И. Шелихова и иркутских купцов, его люди контролировали значительные промысловые пространства на севере Тихого океана.

В работах кемеровского историка А. Н. Ермолаева приводятся интересные данные о сибирских конторах Российско-американской компании, структуре ее Главного правления и взаимоотношениях с государством¹. В одной из статей он обратился к слабоизученному вопросу о сибирских акционерах Российско-американской компании с использованием редких фондов местных архивов. Проанализировав состав акционеров, ученый сделал вывод, что состав сибирских держателей ценных бумаг компании в первой четверти XIX в. был стабильным, а заметным было только раздробление пакетов акций между наследниками. Как оказалось, сибиряки дорожили своими ценными бумагами, тяжбы по некоторым пакетам акций (в том числе и небольшим) тянулись десятилетиями. Интересная попытка проследить роль предпринимателей Европейской России, прежде всего ее северных губерний, в освоении природных ресурсов Восточной Сибири и формировании сибирского капитала была предпринята в диссертации Р. И. Попова².

История русского города привлекала внимание западной, прежде всего англо-американской, историографии. В послевоенный период за рубежом появилось немало работ, в которых рассматривались проблемы российской урбанизации, ее роль в контексте общей модернизации государства. Интерес вызывали, прежде всего, процессы, происходившие в российском городе в XIX – начале XX в. Подробному их анализу посвящены статьи А. М. Дубровского и Б. Н. Миронова³.

¹ Ермолаев А. Н. Временный комитет и особый совет Российско-американской компании: контролирующие или совещательные органы (1803–1844)? // Американ. ежегодник, 2000. М., 2002. С. 232–249; Он же. Главное правление Российско-американской компании: состав, функции, взаимоотношения с правительством, 1799–1871 // Америк. ежегод., 2003. М., 2005. С. 288–292.

² Попов Р. И. Купечество Европейской России в освоении Восточной Сибири во второй половине XVIII – первой четверти XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. 28 с.

³ Дубровский А. М. Русский феодальный город в современной англо-американской историографии // Русский город. М., 1986. Вып. 8. С. 155–176; Миронов Б. Н. Современная американская историография, историография русского позднефеодального города // Вопр. истории. 1984. № 7. С. 29–42.

Западных историков интересовали в основном социально-экономические аспекты истории русского города, роль государства в его возникновении и развитии, взаимоотношение города и деревни, эволюция городских сословий, уровень урбанизации в стране и ее влияние на модернизацию общества. При этом исследование отдельных аспектов жизни города происходило в сравнительно-историческом плане с целью выявления общего и особенного в истории русского и западноевропейского города. Как и дореволюционные историки, западные слависты отмечали отсталость русских городов, их по большей части искусственный характер¹. «В присутствии сильной централизованной власти, – писал С. М. Блумин, – возникающие города, скорее всего, остаются подчиненными государству и проявляют столько местной власти, сколько разрешает государство»².

Практически все западные исследователи разделяют точку зрения М. Вебера, считавшего русский город восточным городом. По мнению М. Вебера, в городе создавалось не право гражданства, а возникал просто временный союз живущих здесь людей, объединенных общими повинностями и привилегиями. В конечном счете, М. Вебер определял русский город как символ неподвижности и застоя³. Большое внимание западные исследователи уделяли вопросам формирования городского населения России. Их выводы во многом подтверждали утвердившиеся мнения в отечественной историографии о том, что не столько город менял психологию и жизненные ценности приходящих сюда в большом количестве крестьян, сколько они меняли его облик, привнося в уклад жизни горожан патриархальные черты⁴.

Д. Брауэр в работе «Российский город между традицией и модернизацией» всесторонне проанализировал демографические процессы в городах Европейской России и попытался проследить воздействие массивного миграционного притока на жиз-

¹ The City in Russian History. University Press of Kentucky. 1976; Blumin S. M. When Villages Become Towns. The Historical Context of Town Formation // The Pursuit of Urban History. London, 1983; Bradley J. Muzhik and Muscovite. Urbanization in Late Imperial Russia. Indiana University Press, 1986; Hittle J. M. The service city: State and townsmen in Russia, 1600–1800. Cambridge, 1979 и др.

² Blumin S. M. Op. cit. P. 76.

³ Вебер М. Город. Пг., 1923.

⁴ Bradley J. Op. cit. P. 352–356.

ненные процессы городов во второй половине XIX в. Он обрисовывал в общих чертах множество препятствий, сдерживающих возможности переселенцев из деревни приспособиться в чужеродной, а подчас враждебной к ним городской среде и преодолеть определенные культурные и социальные барьеры, которые изолировали их от зажиточного городского населения. Вместе с тем, по его мнению, даже внутренне противоречивый городской социум таил в себе наряду с разрушительной энергией мощный потенциал для цивилизационного рывка¹.

К сожалению, региональные российские города почти не привлекали внимания западных исследователей. Причины такого отношения в том, что процессы модернизации более выпукло происходили в центральных районах России и были наиболее показательны для их осмысления. Кроме того, сравнительно узкая историографическая база исследования и недоступность местных архивов также сдерживали интересы зарубежных историков. Как образно писал М. Хильдермайер, «русская провинция представляет белое пятно на исторической карте и, возможно, самое большое»². Единственным серьезным трудом по истории сибирского управления первой четверти XIX в. остается исследование американского историка русского происхождения М. Раева «Сибирь и реформы 1822 г.»³. Работа написана на основе большого комплекса источников, знания литературы. Интерес представляет стремление показать необходимость реформ М. М. Сперанского в контексте социально-экономического развития Сибири и колониальной политики самодержавия. Вопросы развития сибирского города не являлись предметом изучения М. Раева и затрагивались лишь для характеристики состояния края накануне реформ. В отличие от него, японская исследовательница Моринага Танако специально изучала процессы ста-

¹ Brower D. R. *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850–1900*. University of California Press, 1990. P. 227.

² М. Hildermeier. *Liberales Milieu in Russischer Provinz. Kommunales Engagement, bürgerliche Vereine und Zivilgesellschaft 1900–1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Vol. 51. P. 505.

³ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956.

новления купечества Байкальского региона и развития сибирской торговли¹.

В то же время в западной, прежде всего американской, историографии сложилось довольно значительное научное направление, связанное с изучением присоединения и освоения Сибири и историей формирования Русской Америки. Начало изучения истории Аляски и Калифорнии положил в конце XIX в. Г. Бэнкрофт, опиравшийся в своих изысканиях на данные российских исследователей и путешественников. Им были намечены направления исследований истории Русской Америки, которые впоследствии плодотворно продолжили многие зарубежные ученые². Первую попытку обобщения историографического материала предпринял в начале XX в. американский историк Ф. Голдер. Он подчеркнул значение торговых интересов России в ходе «восточной экспансии», объединив этот тезис с традиционными для того времени представлениями западных исследователей об имперских амбициях России, погоне за пушниной и необходимости научного освоения Северной Азии и Тихоокеанского региона как основных факторах сибирской колонизации³.

Наибольший интерес западных ученых вызывала история присоединения Сибири на рубеже XVI–XVII вв., проблемы взаимоотношений пришлого и коренного населения, история хозяйственного освоения и управления Сибирью, а также проникновение русских в Тихоокеанский регион и Северную Америку. Вопросам хозяйственного освоения Сибири (развитию торговли, сельского хозяйства, проблемам создания продовольственной базы колоний) были посвящены работы Р. Кернера, Р. Фишера, К. Уайт, Дж. Гибсона и др. В целом история хозяйственного освоения Сибири, особенно городское развитие, слабо изучена по ряду субъективных и объективных причин. С одной стороны, традиционный для западной историографии тезис о добыче и торговле пушниной как главном двигателе сибирской колонизации не подвергался сомнению большинством зарубежных исто-

¹ Мориана Т. Иркутская ярмарка и сибирские обменные операции // Поиск современной Европы. Международная торговля. Киото, 2001. С. 171–199. (на яп. яз.).

² Bancroft H. H. History of Alaska. 1730–1885 // The Works of Hubert Howe Bancroft. San Francisco, 1886. Vol. 33.

³ Golder F. Russian expansion on the Pacific, 1641–1850. Cleveland, 1914.

риков, а следовательно, не было оснований для более глубокого изучения других аспектов хозяйственного освоения Сибири. С другой стороны, круг исследовательских интересов был обусловлен характером доступных источников, ограниченностью источниковой базы.

Западные историки пришли к выводу о невозможности объяснения освоения Сибири каким-либо одним фактором, о необходимости объективного освещения всех аспектов сложного исторического процесса, о написании новых работ, обобщающих накопленный историографический опыт. Многообразие существующих концепций в сочетании с тенденцией использования междисциплинарного подхода в изучении сибирской истории позволяет сделать вывод о перспективности данного историографического направления и надеяться на появление новых значительных исследований.

Большое внимание западные историки уделили проблемам русской колонизации востока Сибири и Тихоокеанского региона. Общим для подавляющего большинства исследователей было представление о взаимообусловленности процессов колонизации Сибири и Северной Америки, сходстве методов этой колонизации. Преобладающей стала концепция о сочетании торговых и политических интересов России в регионе. Об этом говорится в работах представителей Калифорнийской школы – Р. Пирса, Дж. Гибсона, Дж. Харрисона, А. Каппелера, Г. Баррэта и др. В зависимости от понимания общего процесса российской колонизации историки рассматривали проблемы, связанные с историей Русской Америки. Большинство исследователей полагало, что главной причиной проникновения сюда русских, а впоследствии – отказа от американских владений стал поиск новых промысловых ресурсов, прежде всего пушнины. Одним из первых роль пушной добычи и меховой торговли в Сибири и на островах Тихого океана рассмотрел Р. Фишер¹. Проблемам становления русской торговли с Китаем в контексте промыслового освоения восточных окраин Сибири посвятил свою работу американский историк Клиффорд Фост².

¹ Fisher R. H. *The Russian Fur Trade, 1550–1700*. Berkeley; Los Angeles, 1943.

² Foust C. M. *Muscovite and Mandarin. Russia's trade with China and Its setting, 1727–1805*. Chapel Hill, 1969.

Многие из американских ученых находились под влиянием концепции фронта Ф. Д. Тернера, пытались использовать его теорию в своих работах по истории сибирской колонизации. Некоторые из них, в том числе Р. Пирс, признавали, что в определенной степени феномен фронта имел место и в Сибири¹. Такой же мысли придерживался и немецкий историк А. Каппелер, признававший наличие общих черт в русской колонизации Сибири и западноевропейской колонизации Северной Америки. В то же время он отмечал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношений русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтнической страной². Дальнейшее развитие эта тема получила в специальном сборнике статей, посвященных Русской Америке³.

Заметным явлением в американской историографии Русской Америки были работы Ричарда Пирса. Особое признание в научном мире он получил после выхода в свет биографического словаря «Русская Америка»⁴. Это справочное издание долгие годы было единственным в своем роде, пока не появился энциклопедический словарь А. В. Гринева «Кто есть кто в истории Русской Америки»⁵.

Известным канадским историком Джеймсом Гибсоном опубликованы десятки статей и книг, многие из которых заслуженно входят в число наиболее известных и объективных исследований англоязычной историографии России. Он стал одним из авторов трехтомника «История Русской Америки», изданного под редакцией академика Н. Н. Болховитинова. Его работы, подобно публикациям других зарубежных авторов, порой содержат информацию, находящуюся в зарубежных архивах и не всегда доступную российским исследователям. Одна из его наиболее известных книг «Имперская Россия на американском фронтире»

¹ Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal; L., 1973.

² Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 7, 35.

³ Russian America: the forgotten frontier. Tacoma; Washington, 1990.

⁴ Pierce R. A. Russian America: A Biographical Dictionary. Fairbanks, Alaska; Kingston, Ontario, 1990.

⁵ Гринева А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки. М., 2009. 672 с.

вышла в свет в 1976 г.¹ Автор достаточно подробно охарактеризовал основные этапы развития Русской Америки, сосредоточив главное внимание на хозяйственных вопросах. В центре его интереса находилось освоение новых промысловых районов, торговля мехами с Китаем через Кяхту, конкурентная борьба с англичанами и американцами. Дж. Гибсон считал, что главным стимулом движения русских на восток являлась пушнина. Но смена пушного зверя с соболя и белки на нерпу и морского котика означала и смену жилья – от материкового к приморскому, а также рынка – с европейского на китайский. Это влекло за собой большую эксплуатацию морских охотников-алеутов, необходимость в более сложном и дорогом снаряжении и более сложные условия торговли. Вопросам конкуренции американских промысловиков с российскими колониями на тихоокеанских промыслах и в торговле с Китаем была посвящена отдельная работа историка². Но из всех проблем, с которыми столкнулась Российско-американская компания в своей деятельности, наиболее острой и жизненно важной, по его мнению, была проблема обеспечения колоний, особенно продуктами питания. Именно эта тема стала предметом исследования в его другой монографии «Обеспечение русской пушной торговли»³. В ней он подробно проанализировал основные сухопутные и морские пути, по которым снабжались русские колонии, и пришел к выводу, что доставка служащих, распоряжений, оборудования и провизии в Русскую Америку и отправка уволившихся, отчетов и пушнины в Россию была рискованной, длительной и дорогостоящей. Именно это предопределило, по его мнению, необходимость продажи Аляски.

Немало сделала для исследования истории Аляски и популяризации ее русского периода Лидия Блек. Из многочисленных публикаций автора следует отметить работы, посвященные истории Православной духовной миссии, а также книгу о деятель-

¹ Gibson J. R. Imperial Russia in frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. N. Y., 1976.

² Gibson J. R. Offer skins, Boston ships and Chana goods (the maritime fur trade of the Northwest coast, 1785–1841. Seattle, 1992.

³ Gibson J. R. Feeding The Russian Fur Trade. Provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka peninsula 1639–1856. The University of Wisconsin Press. Madison, 1969.

ности русских на Аляске в 1732–1867 гг.¹ Книга подводит итог многолетних исследований Блек по истории Русской Америки. К сожалению, в ней явно недостаточно использована новейшая отечественная литература, что сказалось на полноте освещения некоторых вопросов. Следует отметить также книгу Даны Ли Блэк, написанную в соавторстве с известным российским историком А. Ю. Петровым, о судьбе продолжательницы дела мужа Наталье Шелиховой².

Одной из последних обобщающих работ стала монография канадского историка Ильи Виньковецкого³. На основе обширной источниковой базы автор раскрывает политические, экономические и социальные аспекты функционирования русско-американской колониальной системы, подводит итоги столетнего владения Аляской для Российской империи, для коренного населения и для экологии этой арктической территории. По мнению ученого, российский империализм продемонстрировал удивительную гибкость и адаптивность в Русской Америке, которая до момента продажи была хотя и уязвимой, но все же жизнеспособной колонией. Уже в 2015 г. эта книга стала доступна российскому читателю⁴.

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической науке в последние десятилетия достигнуты определенные успехи в изучении городской среды Сибири, что позволило сформировать историографическую базу и наметить перспективные направления и аспекты для дальнейших исследований. Укрепляются связи между различными сибирскими научными центрами, осознается необходимость восстановления прежних региональных контактов, одним из средств интенсификации которых может стать издание новой многотомной «Истории Сибири», работа над которой завершается в Институте истории СО РАН. Этот труд должен вобрать в себя все достижения историографии советского периода и новые подходы и результаты ис-

¹ Black L. T. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, 2004.

² Black, Dawn Lea, Petrov A. Yu. *Natalia Shelikhova: Russian oligarch of Alaska commerce*. Fairbanks, 2010.

³ Vinkovetsky I. *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804–1867*. N. Y., 2011. 258 p.

⁴ Виньковецкий И. *Русская Америка. Заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867*. М., 2015. 316 с.

следований, полученные на современном этапе развития сибирского исторического городоведения.

В современной сибирской историографии заметно стремление к написанию обобщающих по проблематике и по временному охвату работ, посвященных комплексной характеристике городов Сибири в целом и на региональном уровне. Это позволяет увидеть историческое явление в динамике, в совокупности многих факторов, определявших его эволюцию и движение на протяжении длительного времени. Значительно возрос интерес исследователей к экономике сибирского города, его социальной истории и общественно-культурным проблемам. Подход к городу как к многофункциональному организму в социально-экономической структуре общества помогает раскрыть его новые характеристики и аспекты. Процесс исторического познания неисчерпаем, поэтому расширение проблематики и новое ее осмысление ведет к выявлению все новых граней городской среды.

В то же время историографический анализ подводит к выводу, что проблема формирования городской среды Сибири в целом и ее отдельных территорий, таких как изучаемый нами регион, несмотря на определенные результаты, еще не стала приоритетным научным направлением. Многие аспекты социальной, экономической, культурной истории и быта городов Байкальской Сибири требуют освещения или переосмысления, а сама тема далеко не исчерпана и до сих не получила комплексного научного отображения. Отмеченные нами пробелы и некоторые спорные, нерешенные вопросы сами по себе являются показателем такого развития, так как могут возникать лишь в процессе более углубленного изучения этой большой и сложной темы. На современном этапе возникает необходимость выхода на качественно новый уровень решения городоведческих проблем, который сопровождался бы появлением крупных обобщающих работ монографического характера.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте характеристику работ исследователей XVIII в. о сибирских городах и городской жизни.
2. Назовите основные направления дореволюционной историографии сибирского города.

3. В чем выразился новый подход к истории сибирского города у П. А. Словцова?
4. Проблемы городского развития Сибири в публицистике идеологов сибирского областничества.
5. Изучение городской среды Иркутска в историографии конца XIX – начала XX в.
6. Особенности становления сибирской советской историографии 1920-х гг.
7. Проблемы экономического развития Сибири в работах С. В. Бахрушина.
8. Ф. А. Кудрявцев как историк сибирского города.
9. История Русской Америки в современной российской литературе.
10. Дайте характеристику англоязычной литературе по истории российского освоения Американского Севера.
11. Вклад Д. Я. Резуна в изучение сибирского города.
12. Охарактеризуйте основные центры изучения сибирских городов.
13. Современное состояние изучения сибирского предпринимательства.
14. Дж. Гибсон о роли экономического фактора в истории Русской Америки.
15. Основная проблематика современных исследований по истории сибирского города.
16. Основные проблемы регионального изучения сибирского купечества.
17. Изучение купеческих родов и династий в современной сибирской историографии.
18. Изучение культуры городов в современной сибирской историографии.
19. Городская застройка и архитектура Сибири в современной урбанистике.
20. Малоисследованные и нерешенные проблемы современного сибирского городоведения.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Д. А. История Сибири конца XVI–XIX вв. в англо- и германоязычной историографии / Д. А. Ананьев. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. – 289 с.
2. Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII в. в современной русской историографии // Историографии городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1984.

3. Гончаров Ю. М. Города Сибири второй половины XIX – начала XX в. в новейшей историографии // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII – XX вв. Новосибирск, 2005. – С. 276–284.

4. Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1984. – 315 с.

5. Манассеин В. С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия : библиогр. указ. / В. С. Манассеин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1927. – 37 с.

6. Скубневский В. А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. – Томск, 1985. – С. 84–97.

7. Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. : сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул : Аз Бука, 2005. – 380 с.

8. Шахеров В. П. Сибирский позднефеодальный город в современной исторической литературе // Сибирский город XVIII – начала XX вв. – Иркутск : Отгиск, 1998. – Вып. 1. – С. 10–25.

9. Шахеров В. П. Экономическое развитие дореволюционного сибирского города в освещении новейшей историографии // Иркут. ист.-экон. ежегодник. 2014. – Иркутск : Из-во БГУЭП, 2014. – С. 549–558.

ОЧЕРК 4
Сибиряк А. П. Щапов:
демократическая концепция истории
России в историографии XIX –
начала XXI в.¹

Научные причины появления
демократической концепции
истории России

Изучение демократического направления в русской историографии второй половины XIX в.: структуры и эволюции концепции, специфики идеологии, которую исповедовали историки и публицисты этого толка, разновидностей течений исторической мысли в рамках демократической идеологии, а также взаимодействия демократов с другими научными направлениями – официальным, славянофильским, государственной школой, осуществлялось на протяжении ушедших полутора веков и продолжается сегодня.

В историографии темы, являющейся частью истории отечественной исторической науки, отразились искания славянофилов (К. С. Аксаков и др.), государственной школы (С. М. Соловьев и др.), демократического направления (Н. М. Ядринцев и др.), дореволюционной марксистской мысли (Г. В. Плеханов), а также советской исторической науки, наконец, историков новейшего времени. В процессе исследования менялись исторические концепции, вектор изучения структуры и эволюции демократической доктрины, и, в частности, оценка места в ней А. П. Щапова, углублялись представление об исследуемом предмете.

Русская историография второй половины XIX в. стремилась дать ответ на запросы своего времени: в литературе изучались роль самодержавия и официальной церкви в отечественной истории, значение государства и его институтов в этом процессе,

¹ Автор: А. С. Маджаров.

место народа в истории России и др. Единая наука, состояла из взаимосвязанных, но относительно самостоятельных направлений: официального и близкого ему клерикально-охранительного (церковного), либерального (славянофилы и государственная школа), демократического, марксистского. Каждое направление претендовало на роль полномасштабной исторической науки.

Под воздействием новых социальных запросов историография развивалась. Изменялась методология, расширялась источниковая база исследования, рождались новые концепции, развивались традиционные схемы.

Консервативный полюс отечественной историографии в преформенный период олицетворяли идеологи официальной народности М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, а также Д. И. Иловайский, Н. Ф. Дубровин, С. С. Татищев и др.

Тематика официального направления ограничивалась преимущественно историей самодержавия, внутренней и внешней политикой, правительственными актами.

Односторонняя охранительная концепция отечественной истории не удовлетворяла запросам времени, не могла выполнить роль «подлинной» истории.

Попытки преодолеть изъяны официальной схемы еще до реформы были предприняты славянофилами. Влияние их концепции ощущалось и позже. Недовольные официальной историографией, славянофилы отказались от трактовки истории России в духе казенной официальной народности, критиковали самодержавие. Они подходили к проблеме, опираясь на философию Шеллинга, развивали собственную концепцию, согласно которой русская история была самобытной. Базовой ценностью, предопределившей эту специфику, они считали православие. Славянофилы приблизились к постановке вопроса об истории России как особом культурно-историческом типе, которая была реализована в трудах «позднего» славянофила – Н. Я. Данилевского.

Идеализация прошлого, неоднозначное отношение к государству предопределили появление нового направления изучения истории России – государственной школы в отечественной историографии (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и др.). Провиденциализму, романтизму официальной и славянофильской историографии представитель направления противо-

поставили историзм Гегеля, идею «органического развития», рассматривали государство как базовую ценность русской истории. Государственная школа преодолела многие слабые стороны славянофильской и официальной концепций, внесла свой вклад в развитие отечественной историографии. Но ее историческая схема была односторонней: история отечества сводилась к истории государства. О деятельности народных масс упоминалось лишь как о подчиненном элементе исторического процесса, функции государства. Вопрос о значении народа в русской истории оставался открытым.

Задачу его решения взяло на себя демократическое направление в русской историографии.

***Изучение трудов А. П. Щапова
в либеральной, демократической
и марксистской литературе
XIX в. – 80-х гг. XX в.***

Либеральная доктрина (Н. Я. Аристов)

Развитие демократического направления в отечественной историографии 50–70-х гг. XIX в. связано с научной деятельностью ученого, профессионального историка А. П. Щапова. До революции 1917 г. наследие А. П. Щапова изучалось историками либерального, демократического и марксистского направлений. Личность и творчество историка-демократа привлекли внимание ученых России после издания его первых работ. Исследователи либеральной ориентации, разбирая труды А. П. Щапова, на основании отдельных внешних совпадений сближали и даже отождествляли историка со славянофилами. Почин трудам такого рода положили исследования Н. Я. Аристова, Г. А. Лучинского.

Среди первых работ об А. П. Щапове выделялась книга профессионального историка Н. Я. Аристова «Афанасий Прокопьевич Щапов»¹, ранее опубликованная в журнале. Издание включало биографию историка, а также обзор его творчества. Созданная Аристовым работа сочетала в себе элементы исследования и мемуаров.

¹ Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. СПб., 1883. 192 с.

Биограф Щапова первым поставил проблему соотношения творчества сибиряка и славянофилов, сближал с ними. Аристов не увидел его деятельности и трудов в их реальном демократическом контексте, не заметил критики Щаповым официальной церкви, что уже выводило его за пределы славянофильства, не понял, что базовой ценностью его исторической концепции был народ. По словам Аристова, «славянофильские сочинения установили окончательно его взгляд на русскую историю, в которой должны играть роль не одни формы жизни и учреждений государственных, но сам народ, как творец своего быта... с его отличительными духовными чертами и особенным складом характера»¹.

Аристов не заметил того обстоятельства, что видение «народа», его миссии, специфики русской истории у А. П. Щапова и славянофилов было различным. Выводы Аристова опирались на его оценку исторической концепции А. П. Щапова. По словам биографа, не лишённым основания, «Русский раскол старообрядства» «представлял из себя двойственное сочетание идей старозаветных церковных и земских народных»².

Лучшие работы, по мнению Аристова, А. П. Щапов создал в период с 1858 по 1861 г. Он «поставил вопрос о колонизации России», «областном порядке», «земском общинном устройстве», которое определило «юридический и политический быт России». В 1863 г. А. П. Щапов, по словам Аристова, увлекся западноевропейским образованием и начал вырабатывать «отрицательное направление».

Аристов первым и из исследователей творчества сибиряка поставил проблему соотношения взглядов Чернышевского, Герцена с воззрениями А. П. Щапова. Он рассказал о встрече А. П. Щапова и Чернышевского, о ее результате: они не смогли договориться друг с другом («Щапов ни на шаг не отступил от своих выработанных убеждений»). Вопрос о содержании разногласий мыслителей остался открытым. Касаясь взаимоотношений А. П. Щапова и Герцена, Аристов также привел ряд фактов мемуарного плана, в частности упомянул о получении А. П. Щаповым «любезного письма» от Герцена и, в свою очередь, о поддержке автором «Русского раскола» Герцена.

¹ Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Щапов. С. 43.

² Там же. С. 30.

Демократическая концепция (Н. М. Ядринцев)

Небольшой очерк, посвященный жизни и трудам А. П. Щапова, в 1883 г. опубликовал известный теоретик сибирского областничества, демократ Н. М. Ядринцев. Позднее, в 1919 г., очерк вышел отдельной брошюрой. Ядринцев, в частности, оспаривал тезис Аристова о «болезненности» А. П. Щапова, справедливо считая, что не такие подробности определяли характер «этой замечательной личности»¹.

Характерно, что Ядринцев, в отличие от Аристова, не сближал А. П. Щапова со славянофилами, а подчеркивал «сибирский демократизм» историка, который, по мнению автора, был виден во всех проявлениях его жизни и творчества. Не пытаясь представить «земскую» теорию А. П. Щапова «системно», Ядринцев тем не менее отмечал ее новизну и необходимость ее глубокой оценки. Он подчеркивал, что труды А. П. Щапова создали «новую школу, идеи которой имеют большое будущее в русской жизни»².

В Петербурге, по словам Ядринцева, историк «отдал дань Западу», увлекся Боклем и в конечном счете «потерял настоящую дорогу»³. Критикуя физико-антропологическую теорию А. П. Щапова, Ядринцев делал это с областнической точки зрения.

Марксистская концепция (Г. В. Плеханов)

Книга Н. Я. Аристова удостоилась рецензии Г. В. Плеханова, которая была опубликована в «Вестнике народной воли», а позже в собрании сочинений теоретика марксизма. Плеханов, в отличие от большинства исследователей, писавших об историке в дореволюционный период, сразу поставил проблему в ее реальный исторический контекст. «Труды Щапова, – заметил он, – оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии. Если они и не легли в основу, то, по крайней мере, были весьма значительным вкладом в теорию народничества»⁴. Плеханов справедливо

¹ Ядринцев Н. М. Жизнь и труды А. П. Щапова. Красноярск, 1919. С. 2.

² Там же. С. 6.

³ Там же.

⁴ Плеханов Г. В. Соч. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 10.

назвал А. П. Щапова одним из «родоначальников русского народничества»¹.

Вопрос о специфике демократической концепции А. П. Щапова Плеханов решал путем раскрытия ее внутренних особенностей и сравнения с взглядами Чернышевского. Отталкиваясь от упомянутого факта встречи А. П. Щапова с Чернышевским, он на основании книги Аристова и собственных теоретических заключений пытался по-своему раскрыть содержание противоречий, имевших место между ними. Плеханов подчеркивал, что их разногласия возникли потому, что Щапов идеализировал особно-областной период отечественной истории.

Суть земско-областной теории А. П. Щапова Плеханов видел в противопоставлении «двух опытов земского строения», а истоки ненависти историка к централизации – в «сильном сочувствии Щапова к народным массам» и в «реакции против односторонности предшествовавших историков»².

Плеханов первым высказал соображения относительно существа разногласий А. П. Щапова и Н. Г. Чернышевского. «Один, – писал Плеханов, имея в виду А. П. Щапова, – желает свободного личного и общественного развития и считает уменьшение государственного вмешательства в экономическую жизнь общества самым главным и чуть ли не единственным условием этого развития... Другой (Чернышевский. – А. М.) понимает уже, что это пользование “землями и лесами” требует не только “свободы”, но и целесообразной организации... в истории народов он видит не только борьбу двух абстрактных принципов – федерализма и централизма, но и те экономические условия, которые создали федералистические и централистические государства»³.

В своей рецензии Плеханов поставил также вопрос о влиянии воззрений А. П. Щапова на общественно-политическую мысль. По его словам, точка зрения А. П. Щапова на историческую роль государства «совпала в умах наших народников с анархическим учением Прудона и Бакунина и послужила как бы их историческим объяснением. Взгляды А. П. Щапова на раскол и на революционные движения «сельской России» подтвержда-

¹ Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 17.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 19.

ли, казалось, убеждение русских анархистов в том, что народ наш обладает «прирожденными» антигосударственными и коммунистическими стремлениями.

Наконец, обращаясь к А. П. Щапову и его исторической теории в контексте актуального политического процесса, Плеханов заключал: «Мы убеждены, что пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества. Между этими элементами взгляды Щапова на взаимное отношение народа и государства, на раскол и общину – занимают... очень видное место и уже по одному этому заслуживают полного внимания наших социалистических писателей»¹.

Из работы Плеханова ясно видно, что он рассматривал А. П. Щапова как демократа, народника. Однако эта важная мысль Георгия Валентиновича практически не была воспринята и долгое время не получила развития в историографии.

Необходимо отметить, что сам Плеханов не касался многих вопросов творчества историка, ибо последнее не входило в задачу его рецензии. В частности, он обошел вниманием его физико-антропологическую теорию и ее отношение к народничеству. Поэтому вопрос о соотношении взглядов А. П. Щапова и народничества в его исторической концепции остался до конца не раскрытым.

Развитие либеральной доктрины наследия А. П. Щапова в литературе начала XX в.

Николай Николаевич Козьмин (1872–1938) – историк, в советское время профессор Иркутского государственного университета, получивший образование в Петербурге, был, наряду с Ядринцевым, одним из первых сибиряков, обратившихся к творчеству А. П. Щапова. 4 марта 1901 г. в связи с 25-летием со дня смерти ученого Н. Н. Козьмин выступил с речью памяти А. П. Щапова на общем собрании Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. В 1902 г. текст выступления был опубликован отдельной брошюрой в Иркутске. Речь Н. Н. Козьмина основывалась как на известных работах об А. П. Щапове, в частности Н. Я. Аристова, так и на тру-

¹ Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 20.

дах самого А. П. Шапова, которые в то время были «рассыпаны» по журналам (собрания сочинений историка появилось лишь в 1906–1908 гг. в Петербурге). Речь была творческой. Ряд важных черт научного наследия А. П. Шапова, отмеченных Н. Н. Козьминым, хотя и не все, соответствуют современным представлениям, что свидетельствует о высоком уровне исследовательской культуры биографа.

Н. Н. Козьмин обратился к творчеству А. П. Шапова в условиях очень слабой конкретно-исторической и теоретической работанности историографии русской истории, концепции историка-демократа, что не помешало ему высоко оценить его как историка России. Он назвал А. П. Шапова «великим сибирским писателем», подчеркнул, что «природа наделила его крупным, мощным, исключительным талантом, какие только бывают у людей, становящихся во главе больших общественных и научных переворотов или оставляющих в духовной жизни общества неизгладимую борозду»¹. Историк выделил действительно главное «начало» «исторической теории» ученого – народ². Он отметил глубину воплощенного в «Истории» А. П. Шапова начала «областности», идеи «значения историко-географической основы расселения русского народа и образования областных единиц» и первым обратил внимание на развитие ее В. О. Ключевским, а также поставил вопрос о соотношении федералистских концепций А. П. Шапова и Н. И. Костомарова.

По словам Н. Н. Козьмина, которые он относил ко всему творчеству «русского Бокля», в том числе к заключительному его этапу, «Шапов старался проникнуть в сокровенные тайники народно-исторической жизни, уловить естественные процессы народного развития»³.

О характере и глубине понимания Н. Н. Козьминым существенных черт доктрины А. П. Шапова свидетельствовало и название, которое он ей дал, – «колониционно-географическая

¹ Козьмин Н. Н. Афанасий Прокопьевич Шапов, его жизнь и деятельность: По поводу 25-летия со дня смерти. Речь, сказанная на Общем Собрании Отдела, посвященном памяти А. Г. Шапова, 4 марта 1901 г. Иркутск, 1902. С. 1.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 52.

или естественно-федеративная»¹. Н. Н. Козьмин справедливо заметил, что «новая» «История России», как ее пытался открыть А. П. Щапов, – это «колониционно-поступательное движение русского народа», «распространение русской земледельческой культуры», а идея колонизации – его «основная идея»².

Достоинства речи Н. Н. Козьмина о А. П. Щапове вытекали из существа и направления предпринятой им попытки уяснить «кардинальные пункты исторической теории» ученого, а ее недостатки были обусловлены общим уровнем развития истории и теории русской исторической мысли.

Обращение Н. Н. Козьмина к творчеству А. П. Щапова имело внутренние мотивы. Их сближала привязанность к Петербургу и Иркутску, принадлежность к Географическому обществу, род занятий – история, общие знакомые. Н. Н. Козьмин не только был в курсе идей А. П. Щапова, но и в какой-то степени испытал их влияние. Однако главное заключалось в том, что профессиональный уровень Козьмина позволил ему увидеть значение темы – новой концепции истории России XVII–XIX вв., которая уже становилась историографической традицией, и вписать ее в контекст исторической науки начала XX в.

Традиция исследования, намеченная Аристовым и Козьминым, была лишь отчасти продолжена Г. А. Лучинским. В 1908 г. вышел в свет третий том Собрания сочинений А. П. Щапова, который включал очерк, принадлежавший перу Г. А. Лучинского, посвященный А. П. Щапову. Он содержал биографические сведения и обзор творчества историка. Биография была изучена более подробно, чем соответствующие разделы предшествующих исследований. В частности, автор, опираясь на новые источники, в том числе воспоминания и делопроизводственные материалы, подробнее изложил историю студенческих лет А. П. Щапова, события в Бездне, перипетии Куртинской панихиды и др.

Лучинский, знакомый с книгой Аристова и статьей Козьмина, далеко не во всем пошел по их стопам. Обращаясь к оценке начального этапа творчества историка – периоду становления его взглядов, Лучинский вопреки фактам сближал А. П. Щапова с клерикально-охранительным направлением, ориентированным

¹ Козьмин Н. Н. Афанасий Прокопьевич Щапов ... С. 28.

² Там же. С. 27.

на иные, не демократические ценности. Он с оговоркой солидаризировался с оценкой «Русского раскола» «Современником» (правда, полагая, что рецензия принадлежит Добролюбову) и, в частности, считал справедливым мнение, согласно которому в мировоззрении А. П. Щапова, проявившемся в «Русском расколе», царил «полный хаос»¹.

Лучинский подошел к «Расколу» статически, не понял сути противоречия, лежавшего в основе работы историка. Он не учитывал наличия в ней демократической тенденции, усиление которой в дальнейшем и привело к созданию демократической земско-областной теории. Лучинский увидел в А. П. Щапове «монархиста... защитника православия и духовной иерархии», что не соответствовало действительности².

В «Расколе» А. П. Щапова встречалась риторика, которая давала основание для упомянутых обвинений. Но эта риторика не определяла существа и направления развития книги, противоречила ее демократической ориентации, перспективной тенденции творчества ученого. Не замечая этого, Лучинский, хотя и с оговоркой, сближал Щапова с охранительной историографией, считал, что «взгляды А[фанасия] Прокопьевича] недалеко ушли от официального направления, созданного в 30-х гг., – самодержавия, православия, народности»³. Такую оценку раннего этапа творчества А. П. Щапова, его монографии о «Расколе» опровергает уже известная положительная рецензия на нее С. М. Соловьева.

Одновременно Лучинский признал наличие «крупных достоинств» «Русского раскола старообрядства». В частности, исследователь, вопреки собственной квалификации, приведенной выше, отмечал, что в этой книге были предпосылки, проявившиеся в его последующих работах, а именно имело место стремление изучать не формы государственного строя, а народную жизнь. Лучинский подчеркнул также действительное достоинство «Русского раскола старообрядства» А. П. Щапова – постановку изучения проблемы «на новую почву», в исторический контекст! Впрочем, последний тезис еще в 1859 г. в рецензии на упомянутую работу А. П. Щапова высказал К. Н. Бестужев-

¹ Лучинский Г. А. А. П. Щапов // Щапов А. П. Соч. СПб., 1908. Т. 3. С. XXV.

² Там же.

³ Там же. С. XXVI.

Рюмин. Лучинский обратил внимание на выявление А. П. Щаповым в расколе «гражданского, противогосударственного, демократического основания». Он заметил, что если бы наличие такого начала было А. П. Щаповым доказано, то это означало бы «революцию во взглядах на раскол». Но, по словам автора, попытка Щапова была неубедительной.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что дальнейшее развитие науки подтвердило перспективность подхода А. П. Щапова, наличие в расколе «социальных», «гражданских» оснований. Лучинский, видимо, понимая шаткость своей позиции, отмечал: «Сейчас мы бы не решались категорически утверждать, что мнение Щапова безусловно ошибочно»¹.

Автор, анализируя «Русский раскол старообрядства» и другие работы историка по этой теме, подчеркивал факт создания А. П. Щаповым, наряду с Костомаровым, «нового течения» в историографии старообрядчества. И хотя сближение историков в данном случае вряд ли оправданно, сама постановка проблемы «школы Щапова» в изучении раскола плодотворна.

От квалификации ранних воззрений историка Лучинский перешел к его «земской федеративной или областной теории». В исследовании «областной теории» он пошел дальше Аристова, Козьмина. Лучинский поставил вопросы, в том числе новые: о содержании земской теории и ее отношении к «историко-философским» воззрениям времени – славянофильству, западничеству, «материализму», о ее «значении для современности».

Характеризуя процесс становления взглядов А. П. Щапова, автор, противореча собственным суждениям, справедливо подчеркивал, что после колебаний историк «стал на сторону угнетенных... Он искал народа, чтобы противопоставить его государству, он стремился доказать, что народ не нуждается в централистических формах общежития»² [22, с. 24]. Однако Лучинский не понял демократизма, народофильства А. П. Щапова, сближал историка со славянофильством. Он не увидел глубокого различия системы воззрений славянофилов и А. П. Щапова, игнорировал и то обстоятельство, что сам А. П. Щапов не считал себя славянофилом.

¹ Лучинский Г. А. Указ. соч. С. XXIV.

² Там же.

Обратившись далее к физико-антропологической теории, Лучинский утверждал, что эта концепция «стоит вне всякой связи с предыдущими и последующими течениями в нашей историографии». Однако справедливо заметил, что схема появилась под непосредственным влиянием Писарева.

Наконец, затронув проблему влияния А. П. Щапова на современную мысль, Лучинский вслед за Плехановым, вопреки логике собственного исследования, аргументам в пользу славянофильства историка, определил А. П. Щапова как «одного из главных творцов народничества 60-х гг.»¹.

***Изучение демократической концепции
русской истории XIX в. в советской
историографии 1917 – середины 1930-х гг.***

Опубликованная в 1922 г. книга В. И. Пичеты примыкала к дореволюционной историографии. В работе ученого «Введение в русскую историю. Источники и историография»² А. П. Щапову посвящался сравнительно небольшой раздел с характерным, не лишённым основания названием – «Естественноисторическая школа».

Пичета справедливо обратил внимание на обилие идей, высказанных А. П. Щаповым. Он подчеркнул, что к ним обращаются и будут не раз возвращаться исследователи. В частности, Пичета выделил действительно важные тезисы А. П. Щапова: о «русской народности» как предмете его истории, «о преобладании хищнического хозяйства над промышленным», о влиянии византийских идей на русскую культуру³.

После революции 1917 г. историческая концепция А. П. Щапова изучалась в марксистском ключе. Новые работы внешне продолжали традицию, заложенную Плехановым, но заметно отличались от его трудов более низким уровнем.

Марксистская историография интересовалась философской позицией исследователя (материалист – идеалист), «классовыми корнями» доктрины А. П. Щапова, развиваемой демократами идеологией, народническими и просветительскими ее особенно-

¹ Лучинский Г. А. Указ. соч. С. XXXIV.

² Пичета В. И. Введение в русскую историю. Источники и историография М., 1922.

³ Там же. С. 139–140.

стями и главное – степенью революционности и отношением к марксизму.

В 1923 г. с лекциями в Коммунистическом университете им. Зиновьева выступил М. Н. Покровский. Он надеялся, что в скором времени в стране будет написана история России с марксистских позиций. А пока существовали другие взгляды, студентов, по мнению лектора, поджидала опасность. Покровский считал, что в трудах Карамзина, Чичерина, Ключевского, Платонова и других читатель имел дело не с фактами, а с идеологией, т. е., по его мысли, отражением действительности в умах людей сквозь призму их классовых интересов.

Заметим к слову, что идеология является неотъемлемым компонентом любой исторической концепции. В контексте классовой борьбы Покровский оценивал русскую историографию и творчество А. П. Щапова.

Новый подход к анализу трудов А. П. Щапова, а также историографическая форма исследования позволили Покровскому сказать новое слово в изучении проблемы. Он предпринял попытку раскрыть особенности концепции А. П. Щапова в контексте историографического процесса (сопоставляя ее с концепцией Чичерина). Покровский наметил перспективный путь изучения творчества историка и сделал на этом пути первые шаги. Важно отметить, что в дальнейшем этот сравнительный метод исследования был надолго отложен, не применялся.

Покровский обратил особое внимание на философскую позицию А. П. Щапова, считал его материалистом. Данный тезис Покровского получил распространение в советской литературе. При этом исследователи не замечали позитивизма методологии А. П. Щапова. Однако обнаружение Покровским склонности А. П. Щапова к реализму позволило ему сделать интересные сравнительно-исторические наблюдения. «В основу образования громадной Российской империи, – писал Покровский, – Щапов кладет стремление русского народа разбежаться по возможно большей территории. Он мастерски определяет физические условия, создавшие границы Российской империи. Чем определяется северная граница? Карамзин отвечает: успехами русских великих князей, а Щапов говорит: это гораздо проще; где кончается возможность земледелия по климатическим условиям? На

такой-то широте. А где кончаются русские поселения? На такой-то широте. Люди со своим экстенсивным хозяйством двигались к северу до тех пор, пока позволяли климатические условия»¹.

Увлекаясь выявлением «реалистических» корней воззрений историка, Покровский скатывался к вульгарной трактовке философской позиции А. П. Щапова как следствия его происхождения. «Это был почти мужик по происхождению... – писал он. – Это был мелкобуржуазный интеллигент крестьянского происхождения, и не случайно, что помещик Чичерин создал барскую теорию истории, а мужик Щапов – мелкобуржуазную теорию русской истории. Класс трудящихся, в том числе и мелкая буржуазия, по своему мировоззрению почти всегда материалистичен»².

Исходя из философских и социальных корней творчества А. П. Щапова Покровский определял его место в отечественной историографии. Он считал, что на смену славянофилам как противникам государственников пришло мелкобуржуазное течение, представителями которого были А. П. Щапов и Костомаров. Щапова он определял как «мелкобуржуазного народника»³.

Материалистом считал А. П. Щапова и А. Сидоров. В 1927 г. в сборнике «Русская историческая литература в классовом освещении» он опубликовал статью «Мелкобуржуазная теория русского исторического процесса. А. П. Щапов». Сидоров вслед за предшественниками писал о трех этапах в развитии воззрений историка. Он критиковал «Русский раскол» за «двойственность позиции» А. П. Щапова, подчеркивал революционный характер его речи на панихиде, упрекал историков XIX в., в частности Щапова, в незнании марксизма.

Одновременно он, следуя за Плехановым и Покровским, справедливо отмечал, что земско-областная теория А. П. Щапова являлась историческим обоснованием русского народничества или крестьянского социализма, а также указывал, что взгляды А. П. Щапова на общину приближались к точке зрения Герцена и Чернышевского⁴.

¹ Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. С. 47.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 115.

⁴ Сидоров А. Мелкобуржуазная теория русского исторического процесса. А. П. Щапов // Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1927. С. 280.

Основанную на марксистской терминологии, но вульгарную схему создал Е. И. Чернышев. В «Известиях Общества археологии, истории и этнографии», которые издавались при Казанском университете, он опубликовал две лекции А. П. Щапова: «Общий взгляд на историю великорусского народа» и «О конституции» (1926). Текст лекций предваряло предисловие, где излагались взгляды Чернышева на исторический процесс вообще и на деятельность и творчество А. П. Щапова в частности.

Автор пытался обрисовать «классовые взаимоотношения эпохи» и определить место А. П. Щапова. Не касаясь всего спектра «классовых группировок», начертанного Чернышевым, остановимся на двух, но весьма показательных примерах – характеристиках Герцена и Чернышевского.

Социальной опорой взглядов Герцена Чернышев считал «мелкое захудалое дворянство», «умеренных либералов-монархистов», а Чернышевского – «мелкобуржуазную интеллигенцию». В намеченном контексте Чернышев и рассматривал теорию А. П. Щапова. По словам исследователя, А. П. Щапов «был мелкобуржуазный интеллигент крестьянского происхождения», автор «мелкобуржуазной теории русской истории»¹. Затем, ссылаясь на речь историка на панихиде, Чернышев впервые в историографии назвал А. П. Щапова революционным демократом и в дальнейшем отстаивал этот тезис.

***Изучение демократической концепции
русской истории XIX в. в советской историографии
конца 1930-х гг. – середины 1950-х гг.***

В России 1930–1950-х гг. условия изучения освободительного движения, исторической и общественно-политической мысли изменились.

В советской исторической науке 20–30-х гг., согласно историографической оценке более позднего времени, шла «борьба за утверждение марксистско-ленинской методологии». Она вела к безраздельному господству в историографии одной концепции, догматизму. Последнее предопределило содержание и направление исторических исследований.

¹ Чернышев Е. И. Предисловие. Щапов А. П. Неизданные сочинения // Изв. общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2–3. С. 6.

В конце 1920-х гг. исполнилось 100 лет со дня рождения Н. Г. Чернышевского (1928) и 50 лет со дня образования «Народной воли» (1929). Юбилеи вызвали интерес к проблеме соотношения марксизма и народничества, пролетарской и мелкобуржуазной революционности.

В 1929–1930 гг. прошла дискуссия о «Народной воле». Ее итоги были подведены в тезисах Отдела культуры и пропаганды ЦК ВКП(б). В документе, в частности, критиковалась попытка Теодоровича сгладить различие между научным и утопическим социализмом, «приукрасить народничество». После таких выводов ЦК писать о народничестве «по-старому», т. е. выявлять народнические основы доктрины, стало невозможно. Последнее сказалось на историографии вообще и на изучении творчества А. П. Щапова в частности.

Новая тенденция проявилась в статье М. А. Гудошникова «А. П. Щапов», опубликованной в дополнительном томе собрания сочинений историка в 1937 г. Автор впервые в историографии квалифицировал историка как шестидесятника-просветителя, что в принципе не противоречило истине, но не исчерпывало идеологии Щапова. Он сделал это, в частности, под воздействием идеи об ущербности народничества. Гудошников сослался на Ленина, который отмечал значение революционных идей просветительства, стоявших выше народничества Михайловского, Южакова и др., и заключил, что в трудах Щапова-историка преломлялись идеи просветительства. В действительности идеи просветителя и основоположника народничества Щапова, особенно в физико-антропологической теории, как раз и оплодотворяли идеи мирного народничества.

Приступая к анализу наследия А. П. Щапова, Гудошников вслед за Покровским определил его как «крестьянского историка», демократа. При этом автор подчеркивал, что данное определение нуждается в разъяснении, конкретизации. Характеризуя земско-областную теорию, он отмечал, что, «в сущности, по Щапову народ в правильных формах жил только в это время»¹.

Понятие «просветительство», введенное Гудошниковым для характеристики творчества А. П. Щапова, раскрывало его веру в

¹ Гудошников М. А. П. Щапов // Щапов А. П. Собр. соч. Доп. том, Иркутск, 1937. С. VII.

науку как способ улучшить жизнь народа. В этом заключалось новое слово Гудошникова. Однако облик трудов А. П. Щапова был сложнее «просветительского наследства», не укладывался в его рамки. Об этом писал еще Г. В. Плеханов.

Гудошников в силу обстоятельств в этом вопросе не был последовательным. Отделяя Щапова от народничества в целом, он в деталях сближал его с этим течением мысли. В частности, он отмечал, что в концепции Щапов отводил определенную роль артели, общине. Но к русскому социализму в целом он, по мнению Гудошникова, был непричастен. Упомянутый вывод Гудошников распространял только на заключительный этап творчества ученого. Но он не ставил естественного вопроса, который возникал в связи с этим заключением, – об отношении к народничеству раннего А. П. Щапова.

Переходя к идейному перелому во взглядах историка начала 1860-х гг., Гудошников приписал несвойственную Щапову резко отрицательную оценку славянофильства и одновременно излишне тесно сближал его с «Современником». Основываясь на выдержке из статьи А. П. Щапова «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий», он сделал вывод о резком отрицании А. П. Щаповым славянофильства. Между тем в данной работе А. П. Щапов лишь подчеркивал, что славянофильство, как и западничество, в равной мере имеют сильные и слабые стороны. Гудошников утверждал, что А. П. Щапов в работе «Новая эра. На рубеже двух тысячелетий» порвал с «народническим мистицизмом».

В действительности «зрелый» А. П. Щапов никогда не изменял народническим основам своей доктрины, и в так называемой физико-антропологической теории развивал иную, нежели прежде, разновидность народничества – естественно-научную.

Увлечение А. П. Щапова естествознанием Гудошников вслед за другими исследователями справедливо связывал с влиянием Писарева и Бокля (хотя и не рассматривал его содержания). Обращаясь к философским воззрениям, присущим историку в это время, он справедливо заметил, что взгляды Щапова являлись «идеализмом контовского склада»¹.

¹ Гудошников М. А. Указ. соч. С. XII.

Б. П. Козьмин в статье «А. П. Шапов и Сибирь», предваряющей сборник материалов «А. П. Шапов в Иркутске»¹, не стал касаться проблемы отношения автора к народничеству, характеризовал взгляды А. П. Шапова как демократические, но иные, чем у Чернышевского. Он подчеркивал демократическую направленность земско-областной теории А. П. Шапова, не затрагивая ее народофильства. Характеризуя период увлечения историка естествознанием, автор отмечал влияние на него Писарева, Бокля, хотя, как и предшественники, не раскрывал конкретного содержания этого воздействия. Одновременно Козьмин сближал его с просветительством, подчеркивал, что А. П. Шапов «видит в распространении просвещения движущую силу исторического процесса»².

Проницательным исследователем творчества Шапова явился Н. Л. Рубинштейн, который посвятил историку ряд разделов в главе «Великие русские просветители Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. А. П. Шапов и начало народничества» солидного учебника «Русская историография», увидевшего свет в 1941 г. Он верно подчеркнул, что жизнь народа, его история были основным предметом исследований Шапова³. Анализируя эволюцию концепции историка, Рубинштейн заметил, что за внешней разорванностью его взглядов была глубокая внутренняя связь⁴. Историограф понял суть отличия позиции Шапова от государственной школы – «не государство организует народ... а в самом росте народных связей корень второго этапа русской истории», заметил специфику демократической оценки роли в русской истории земских соборов⁵.

Однако в духе времени Рубинштейн писал о материализме Шапова, о том, что историку «недоставало марксистской теории», о его связи с народничеством, а не о народничестве как коренной черте воззрений историка⁶.

¹ Козьмин Б. А. П. Шапов и Сибирь // А. П. Шапов в Иркутске. Неизданные материалы. Иркутск. 1938.

² Козьмин Б. А. П. Шапов и Сибирь. С. V.

³ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 432.

⁴ Покровский М. Н. Историческая наука ... С. 433.

⁵ Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 437.

⁶ Там же. С. 439, 443.

В 1951 г. М. Е. Киреевой была защищена кандидатская диссертация, посвященная одному из аспектов творчества А. П. Щапова – его общественно-политическим взглядам. Ее позиция в отношении народнической идеологии как основы взглядов Щапова была противоречива.

Киреева, следуя за Чернышевым и Гудошниковым, определила существо воззрений А. П. Щапова как «революционно-просветительское»¹. Она утверждала, что Плеханов «без достаточного основания считал его (Щапова. – *А. М.*) одним из родоначальников народничества». Однако, обращаясь к отдельным аспектам его теории – взглядам А. П. Щапова на общину, она вынуждена была констатировать, что его теория общины «близка к народнической»².

В диссертации Киреевой проявилась тенденция, заложенная в советской историографии предшествующего периода. Суть метода, реализованного в работе, заключалась в том, чтобы оценивать взгляды историка, расчлняя его схему на составные части другой доктрины, анализировать ее в несвойственных ему понятиях марксистской концепции. Логика конкретно-исторического развития мысли историка и соответствующего ее изучения, о которой как об очевидной уже для XIX в. писал не только С. М. Соловьев, но и Н. М. Карамзин, при этом игнорировалась.

Киреева разложила «Историю» А. П. Щапова на темы (дворянство, купечество, буржуазия), понятия (классы, классовая борьба), хотя историк такими категориями не оперировал. Не увидев ожидаемых ею выводов, она заключала, что Щапов не понимал истинных законов общественного развития³.

В 1954 г. увидела свет работа П. Кабанова «Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова». Она была выполнена в русле наметившейся в 1930-е гг. традиции. Кабанов впервые после Аристов и Лучинского сравнительно подробно остановился на биографии и воззрениях А. П. Щапова. Автор перечислил оценки своих предшественников, которые они давали трудам историка (Аристов, Лучинский, Плеханов, Покров-

¹ Киреева М. Е. Общественно-политические взгляды А. П. Щапова : дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. I.

² Там же. С. 203.

³ С. 203.

ский, Рубинштейн, Чернышев, Гудошников), и пришел к заключению, что место А. П. Щапова в общественно-политическом движении и в развитии русской общественно-политической мысли до последнего времени пока не определено.

Для того чтобы ликвидировать этот пробел, исследователь пошел по пути ознакомления с взглядами А. П. Щапова, предварительно разложив их на категории, присущие марксистской доктрине. Он рассмотрел отношение А. П. Щапова к крестьянству, дворянству, буржуазии, рабочему классу, интеллигенции. Кабанов, с одной стороны, подтягивал его воззрения к этим понятиям, а с другой – критиковал историка за то, что его взгляды не соответствовали марксистским. Например, разбирая отношение А. П. Щапова к пролетариату, автор заметил, что Щапов не понял исторической роли пролетариата как революционной силы, которая способна уничтожить эксплуататорское общество, установить социализм.

Исследователь сближал А. П. Щапова с революционными демократами, но, ссылаясь на выявленные В. И. Лениным черты русского просветительства, характеризовал историка как просветителя, позиция которого была не столь определенной и последовательной, как позиция Чернышевского и Добролюбова. Приписав А. П. Щапову материалистическую философскую позицию, автор ни словом не обмолвился о его реальном увлечении Контом и Спенсером. Он проигнорировал уже сформулированный, хотя и не развитый тезис о влиянии на А. П. Щапова Писарева, Бокля, опустил этот аспект влияния и идейной эволюции историка¹.

Развивая линию на сближение демократических, но разных воззрений А. П. Щапова и Чернышевского, Кабанов в то же время справедливо отделял Щапова от государственной школы и славянофилов. Реальное отличие А. П. Щапова от славянофилов автор стремился подчеркнуть особенно. Это давало ему основание провести грань, отделяющую историка и от народников. Оторвав А. П. Щапова от народничества, Кабанов противопоставлял его народникам семидесятых, разрывая процесс эволюции демократического направления в отечественной историо-

¹ Кабанов П. Общественно-политические и исторические взгляды А. П. Щапова. М., 1954. С. 62.

графии, реальные идейные взаимосвязи, процесс идейного развития исторической и общественно-политической мысли. Увидев лишь просветительское начало в творчестве А. П. Щапова, действительно присущее историку, и одновременно игнорируя народническое, он искажил логику его идейного развития и характер влияния на отечественную историографию.

В стиле развиваемой традиции была выполнена и кандидатская диссертация Н. Н. Комова «А. П. Щапов о важнейших проблемах общественной жизни Сибири»¹. Автор, как и его предшественники 1930-х – начала 1950-х гг., не пытался раскрыть конкретно-исторический процесс развития воззрений А. П. Щапова, выявить причины его эволюции, своеобразие его взглядов. Не учитывая системы воззрений историка, Комов разрывал целостные этапы его творчества по-своему, в духе историографии начала 1950-х гг., и подчеркивал несоответствие схемы А. П. Щапова марксистским понятиям и выводам. К примеру, писал о том, что Щапов не понимал роли пролетариата в деле социалистического преобразования общественного строя.

Автор вслед за Кабановым сближал А. П. Щапова с Чернышевским, однако отождествлял не с просветительством, а с революционным демократизмом, хотя от произведений Щапова, взятых в совокупности, не веяло духом классовой борьбы, революции. Напротив, в них, в частности в физико-антропологической теории, господствовали идеи мирного развития.

Комов не заметил просветительства А. П. Щапова, а его народничество отрицал². Тем самым автор упрощал реальную суть исторической концепции Щапова, идеологии, которую он исповедовал.

***Изучение демократической концепции
русской истории XIX в. в советской историографии
конца 1950-х – конца 1980-х гг.***

В историографии второй половины 1950-х – середины 1980-х гг. преимущественно разрабатывались идеи, заложенные ранее. Односторонний подход к творчеству А. П. Щапова не был изжит

¹ Комов Н. Н. А. П. Щапов о важнейших проблемах общественной жизни Сибири. М., 1955.

² Комов Н. Н. Указ. соч. С. 102, 103.

и даже развивался, однако стала набирать силу и тенденция возвращения к более глубоким оценкам.

В 1958 г. в Иркутске была опубликована брошюра М. В. Научителя «Жизнь и деятельность Афанасия Прокопьевича Щапова», а год спустя автор защитил кандидатскую диссертацию, посвященную социально-экономическим взглядам ученого.

В первой работе Научитель отказался от присущего предшественникам стремления к «социологизирующему» расчленению творчества историка, а вернулся к традиции конкретно-исторического изучения историографии. Он возвратился к наметившейся еще в дореволюционной литературе тенденции рассмотрения творчества А. П. Щапова согласно этапам, соответствующим особенностям его идейной эволюции.

Первый этап эволюции историка, по словам Научителя, продолжался до начала 1860 г. и характеризовался преобладанием в мировоззрении А. П. Щапова «церковного идеализма». Этот тезис опровергает (давно опровергла) положительная рецензия С. М. Соловьева на «Раскол» Щапова. Соловьев справедливо увидел в «Расколе» близкую ему тенденцию государственной школы – положительно оценивать реформы Петра I, стремление уяснить внутренние причины явления и поэтому похвалил Щапова. Что касается «церковного идеализма», то он в «Расколе» имел место, но был идеологией уходящей. Идеологией перспективной, начала которой тоже были в «Расколе» и вскоре восторжествовали, вытеснив «идеализм», являлся демократизм.

Второй этап деятельности историка охватывал его жизнь в Казани и Петербурге. В это время «социальные воззрения А. П. Щапова, по мнению Научителя, развивались в направлении революционного демократизма. Реально, в направлении демократизма взгляды Щапова развивались уже в «Расколе»¹.

Наконец, третий этап начался в 1863 г. и сопровождался «переходом историка на позиции просветительства». Последнее не совсем верно, ибо просветителем Щапов был на всех этапах своего творчества, а в физико-антропологической теории лишь

¹ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в первой половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.

возложил на эту идеологию, а именно, на естественно-научное просвещение народа, особые надежды.

Характеризуя место историка в общественной жизни России в период развития земско-областной теории, автор определял его как «одного из деятелей революционного движения этого периода» и отмечал непоследовательность А. П. Шапова, присущие ему проявления либерализма¹.

М. В. Научитель справедливо указывал на то обстоятельство, что А. П. Шапов придавал большое значение общине как идеалу будущего устройства общества, но при этом не соотносил его взгляды с народничеством. Одновременно он отвергал тезис либеральной и ранней марксистской историографии о близости А. П. Шапова к славянофилам.

Спад общественной активности, по словам автора, привел А. П. Шапова к отказу от «идеи демократической революции», побудил обратиться к просветительской деятельности. Шапов, как считал Научитель, пошел по пути просветителей-шестидесятников. В действительности «идея демократической революции» никогда не являлась темой его исследований, задачей общественного развития, как он себе его представлял. Историк предупреждал о возможности революции, но даже в годы общественного подъема не считал такой вариант развития событий лучшим.

В диссертации Научителя, написанной в это же время, приведенные оценки повторяются и дополняются. Его работа была посвящена одному из аспектов наследия историка – социально-экономическим взглядам. Поэтому в творчестве А. П. Шапова автор специально выделил проблему общины, едва затронутую прежде. Он не считал историка народником, но определял «общинную теорию Шапова» «как один из источников народнической общинной концепции»².

Это была компромиссная, непоследовательная позиция: один из основоположников народничества выводился за пределы этой идеологии. С народничеством сближалось не творчество

¹ Научитель М. В. Жизнь и деятельность Афанасия Прокопьевича Шапова. Иркутск, 1958. С. 32.

² Научитель М. В. Социально-экономические взгляды А. П. Шапова : дис. ... канд. ист. наук. М., 1959. С. 176.

А. П. Шапова в целом, а один из его аспектов; автор излагал «общинную теорию» историка вне процесса развития его исторических взглядов и тем самым снимал вопрос о специфике народничества А. П. Шапова на разных этапах его общественной эволюции.

Стремление уйти от односторонности в оценке трудов А. П. Шапова наметилось в кандидатской диссертации Н. П. Болтухина «А. П. Шапов как историк Сибири»¹. Однако позиция автора была непоследовательной. Он считал историка «демократом-просветителем», творчеству которого были присущи «элементы народничества»². Непоследовательность автора проявилась и в том, что он, признавая отчасти связь историка с народничеством, одновременно старался отделить его от народнической историографии.

В действительности все наследие «зрелого» историка было народническим.

Заметной вехой в исследовании творчества историка-демократа явилась статья М. В. Нечкиной «А. П. Шапов в годы революционной ситуации (Письмо А. П. Шапова к кн. П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г.)», впервые увидевшая свет в 1959 г.³ В этой работе маститого историографа, в отличие от большинства работ других авторов, особенно подчеркивалась необходимость исторического подхода к исследованию темы. Однако сама Нечкина, пытаясь обосновать на конкретном материале известное положение В. И. Ленина о революционной ситуации, задала тон исследованиям, которые модернизировали прошлое, видели революцию, последовательную, сознательную революционность там, где ее не было.

Обращаясь к определению «политического мировоззрения» А. П. Шапова, Нечкина отмечала важность изучения всего корпуса источников, на основе которых должно выноситься суждение об эволюции мировоззрения ученого.

Статья Нечкиной полемична. «У Шапова, – писала она, – были расхождения с кругом “Современника”. Он идеализировал

¹ Болтухин. Н. П. А. П. Шапов как историк Сибири : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1958. 299 с.

² Там же. С. 77.

³ Нечкина М. В. А. П. Шапов в годы революционной ситуации (Письмо А. П. Шапова к кн. П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г.) // Встреча двух поколений. М., 1980.

формы старорусской земской жизни, рассматривал церковь как защитницу простого народа от угнетения, но сходилась в основных вопросах социально-политической программы»¹. Вместе с тем Нечкина поддерживала точку зрения Е. И. Чернышева о революционном демократизме историка и развила ряд доводов в пользу этого утверждения. Она считала, что колебания А. П. Щапова в политических вопросах объяснялись «наивным монархизмом крестьянина», и доказывала, что письмо Вяземскому свидетельствовало о победе революционно-демократических взглядов «над наивно-монархическими колебаниями крестьянства»².

Справедливо указывая на необходимость исторического подхода к исследованию наследия А. П. Щапова и обращая внимание на присущие историку колебания, Нечкина вместе с тем вывела за скобки общую эволюцию взглядов А. П. Щапова, в частности этап, последовавший вскоре после написания письма. А именно: суть физико-антропологической теории Щапова, которая была пронизана духом мирного естественно-научного просвещения. Опустив эту тему, она тем самым сняла вопрос об особенностях «мирного» демократизма А. П. Щапова, его этапах, специфике раннего и позднего просветительства, его соотношении с народничеством.

Работа Нечкиной дала толчок усилению тенденции исследования А. П. Щапова как «чистого» революционного демократа. Отдельные историки продолжали игнорировать тот основной факт, что от сочинений А. П. Щапова в целом отнюдь не «веяло духом классовой борьбы», что его отношение к народу как к базовой ценности, составляющее суть демократизма, далеко не тождественно революционаризму, что народными началами истории он считал начала созидательные – колонизацию, областность, общину, земские соборы, а не революцию.

Этапом в развитии исследований демократической концепции в отечественной историографии явилась работа Б. П. Козьмина, помещенная во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР»³. Автор вернулся в русло традиции Плеха-

¹ Нечкина М. В. А. П. Щапов в годы революционной ситуации. С. 364.

² Там же. С. 356.

³ Козьмин Б. П. А. П. Щапов – историк-демократ // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.

нова. Он вслед за предшественниками выделил и охарактеризовал основные этапы творчества и деятельности А. П. Щапова, поставил вопрос об отношении А. П. Щапова «к основным направлениям русской мысли».

Б. П. Козьмина считал А. П. Щапова демократом, отделял от славянофилов. Он соглашался с Г. В. Плехановым в том, что А. П. Щапов в 1860–1862 гг. развивал идеи, которые явились «значительным вкладом в теорию народничества»¹. Следуя за Плехановым, историк справедливо подчеркивал, что народники заимствовали у А. П. Щапова взгляд на соотношение народа и государства, роль раскола в отечественной истории, значение крестьянской общины. Эти идеи историка-демократа, по словам Козьмина, сближали его с Бакуниным и Лавровым. Однако, по мнению автора, Плеханов был не прав, квалифицируя творчество А. П. Щапова как народническое, ибо он, как считал Козьмин, не заметил перелома во взглядах ученого. Козьмин доказывал, что в работах А. П. Щапова, созданных после 1863 г., «уже нет элементов, сближающих его с народниками. Лавристы и бакунисты считали русскую капиталистическую промышленность явлением случайным, а Щапов вслед за Писаревым приветствовал развитие промышленности в стране»².

В действительности и в физико-антропологической теории А. П. Щапов оставался народником. В этот период он развивал одну из разновидностей народничества – естественно-научную, и глубокие основания считать историка народником были. Народ у А. П. Щапова по-прежнему оставался базовой ценностью истории. «Народные начала» русской истории (колонизация, областность, община, земские соборы) оставались прежними. А новый фактор – естествознание, который он соотносил с «народными началами», призванный придать динамику русской истории, – не менял народнической сути его доктрины. Естествознание не снимало демократизма его воззрений, ибо было призвано не отвергнуть народ как ценность за его непросвещенность, а помочь ему выйти из этого непросвещенного состояния.

Настойчиво превращал А. П. Щапова в последовательного революционного демократа Г. Н. Вульфсон – автор книг «Из ис-

¹ Козьмин Б. П. А. П. Щапов – историк-демократ. С. 80.

² Там же.

тории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале»¹ и «Глашатай свободы»² – исследование о казанском периоде жизни историка. Уже в первой работе Вульфсон стремился представить А. П. Щапова революционером, цель жизни которого заключалась в организации вооруженного восстания. Данная квалификация полностью противоречила как совокупности взглядов А. П. Щапова, высказанных в его работах, так и образу жизни историка. Автор свел воедино сведения, которые хоть как-то могли служить основанием для доказательства оппозиционных настроений историка, подчас имевших место, но придал им последовательный революционный колорит, сконструировал надуманную схему, не относящуюся к оригиналу.

Случайно оброненное слово трактовалось им как очевидный революционаризм историка, а его просветительская деятельность – как подпольная, революционная и т. п. Подмена осуществлялась просто: то, что было в зачатке, объявлялось зрелым. «Кружок» студентов становился тайной революционной организацией со своей «организационной структурой», президентом, идейным руководителем. Эта модернизация прошлого использовалась с одной целью: показать развитую и бурную деятельность «Кружка» по организации крестьянской революции. В этом контексте подавалась и деятельность А. П. Щапова.

Поскольку Вульфсон пытался представить «Кружок» как нелегальную ячейку профессиональных революционеров, созданную для руководства практической работой в народе, постольку ему казалось естественным, что известная речь А. П. Щапова на панихиде должна была быть заранее обсуждена на «Кружке». В соответствии с этим автор писал: «Трудно допустить, что руководящий центр Кружка – инициатор и организатор панихиды-демонстрации, не знал бы накануне панихиды главного содержания речи – программного документа политической демонстрации»³.

Заемствованная из другой эпохи терминология, примененная автором («руководящий центр», «инициатор» и «организа-

¹ Вульфсон Г. Н. Из истории разночинно-демократического движения в Поволжье и на Урале. Казань, 1963.

² Вульфсон Г. Н. Глашатай свободы. Казань, 1984.

³ Вульфсон Г. Н. Из истории разночинно-демократического движения ... С. 51.

тор», «демонстрация», «программный документ» и пр.), свидетельствовала о модернизации процесса, не соответствовала предмету исследования. Она была бы уместна, если бы речь шла о деятельности профессиональных революционеров начала XX в., но не годилась в исследовании о разночинцах середины XIX в.

Данная тенденция сохранена Вульфсоном и в его работе, посвященной казанскому периоду жизни и деятельности историка. Автор привлек в книге новые материалы, что позволило ему, в частности, более подробно осветить вопрос об исследовании А. П. Щаповым истории декабристов. В новой работе он вновь продолжал доказывать тезис о революционном демократизме А. П. Щапова. Автор опирался на упомянутую статью Нечкиной, считал, что Плеханов в своей рецензии на книгу Аристовва ошибся, не понял (!) сути доктрины Щапова.

Односторонними были рассуждения автора о вере А. П. Щапова в сельскую общину, они не сопровождались анализом народнических основ мировоззрения историка. В обосновании революционной позиции историка Вульфсон шел дальше Нечкиной, которая писала о колебаниях А. П. Щапова, порожденных «наивным крестьянским монархизмом». Вульфсон отрицал наличие у него «наивного крестьянского монархизма»¹. Он считал, что А. П. Щапов в своей деятельности следовал строго продуманной тактике. В действительности такой, продуманной наперед, строгой, тем более революционной, тактики у Щапова никогда не было.

В определенном отношении противоположный отмеченному выше подход к творчеству А. П. Щапова в ряде исследований развил В. Е. Иллерицкий. Если Вульфсон считал А. П. Щапова последовательным революционным демократом, то Иллерицкий – историком, лишь примыкавшим к демократическому лагерю. В главе 18 «А. П. Щапов – историк-демократ» учебного пособия для вузов «Историография истории СССР»² он определял А. П. Щапова как историка-демократа, но не рассматривал во-

¹ Вульфсон Г. Н. Глашатай свободы. С. 18.

² Историография истории СССР / под ред. В. Е. Иллерицкого, И. А. Кудрявцева. М., 1961. 511 с.

проса о специфике его демократизма, отрицал народничество историка, опустил вопрос о его просветительстве.

Иллерицкий отметил достоинства, которые были присущи творчеству А. П. Щапова, а именно изучение им деятельности масс, участия народа в органах самоуправления и пр. И одновременно писал о непоследовательности демократических убеждений Щапова, имея в виду отсутствие у него революционных взглядов¹. А физико-антропологическую теорию автор критиковал, отрицал в ней наличие каких-либо достоинств. Такая трактовка концепции А. П. Щапова – вне просветительских, а также народнических основ его взглядов, в то время как народ являлся базовой ценностью его доктрины, – лишала историка присущего ему своеобразия, искажала действительную историю исторической науки.

Иллерицкий обращался к творчеству А. П. Щапова и позже. В частности, в монографии «История России в освещении революционеров-демократов»² он писал о его роли в обосновании демократической исторической концепции. В этой работе автор подчеркнул влияние, которое оказали на историка Чернышевский и Добролюбов, и отметил близость его к Герцену и Огареву.

В монографии «Революционная историческая мысль в России»³ Иллерицкий отделил революционную историческую мысль 50–70-х гг. XIX в. от демократической мысли. Революционную мысль он поставил выше демократической как идеологию более принципиальную, последовательную, как идеал. Квалификация историка как деятеля и писателя, лишённого революционных намерений (что соответствовало действительности, но не соответствовало революционному идеалу, выставленному Иллерицким), позволила автору определить А. П. Щапова как человека, лишь «примыкавшего» к демократическому лагерю, а не как одну из его ключевых фигур, что противоречило действительности⁴.

Вульфсон и Иллерицкий развивали взаимоисключающие точки зрения на специфику идеологии, доктрины А. П. Щапова.

¹ Историография истории СССР . С. 262.

² Иллерицкий В. Е. История России в освещении революционеров-демократов : монография. М., 1963. 439 с.

³ Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России : монография. М., 1974. 350 с.

⁴ Там же. С. 204.

Если один считал его последовательным революционным демократом, то другой, напротив, практически выводил его за пределы демократического лагеря. При этом авторы применяли общий методический прием, а именно соотносили творчество А. П. Щапова с «революционным идеалом», революцией как ценностью. Уведенные этим постулатом в сторону от обсуждения реальной сути доктрины Щапова, историки не обратили внимания на специфику его идеологии, особенности исторической концепции, которые не только принципиально отличали его от славянофилов, но и определяли особенности его места среди демократов.

Одновременно в отечественной историографии развивалось реалистическое направление исследования демократической концепции (Б. П. Козьмин, А. Н. Цамутали и др.). Ряд работ о роли А. П. Щапова в развитии демократического направления в русской историографии принадлежит перу А. Н. Цамутали. Автор подчеркнул вклад Г. В. Плеханова в изучение творчества А. П. Щапова и обратил внимание на то упущенное многими обстоятельство, что Плеханов считал Щапова представителем не славянофильского, а народнического направления.

Цамутали писал, что точка зрения Плеханова была поддержана М. Н. Покровским и А. Л. Сидоровым, но позже стала отвергаться¹. Одновременно он отметил, что Г. В. Плеханов не показал его перехода на позиции естественно-научного материализма. Этот переход, по мнению Цамутали, означал разрыв Щапова с народничеством.

Критикуя Е. И. Чернышева и П. И. Кабанова за односторонность оценки А. П. Щапова, Цамутали справедливо замечал, что они никак не связывали земско-областную теорию, господствовавшую в работах Щапова в первый период его деятельности, с народнической концепцией истории России².

Тезис о разрыве А. П. Щапова с народничеством в период развития физико-антропологической теории спорен. А. П. Щапов действительно порвал с прежними взглядами, но остался народником, правда, несколько иного толка. Он стал развивать взгляды, которые уже приходилось определять как естественно-

¹ Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в. Л., 1971. С. 98.

² Там же. С. 100.

научное народничество. При переходе от земско-областной концепции к физико-антропологической доктрине в воззрениях Щапова не поменялось главное, то, что и делало его демократом, народником, – базовые ценности отечественной истории (народ, свобода, территория) и главная ценность – народ.

Оценивая земско-областную теорию, Цамутали соглашался с Покровским, который называл А. П. Щапова классиком этой концепции. Однако сам Цамутали не считал историка ее автором, полагал, что не Щапов ввел в историческую литературу эту концепцию, ибо ее элементы содержались в сочинениях А. И. Герцена¹. Отдельные элементы, из которых сложилась теория А. П. Щапова, встречались у Герцена и даже у славянофилов. Однако автором земско-областной теории как системы взглядов, причем системы, которая впервые была применена к отечественной истории, бесспорно, был А. П. Щапов.

Вопрос о земско-областной теории и ее последователях автор разворачивал в проблему «течений» мысли в демократическом направлении. «К демократическому направлению в широком смысле слова, – со знанием дела писал Цамутали, – следует отнести всех историков и публицистов, выступавших со статьями с демократических позиций. К ним в 60-е гг. относились и Чернышевский, и Елисеев, и Шелгунов, и Щапов. К наиболее радикальному революционному крылу принадлежали Чернышевский и Добролюбов. Одновременно существовало течение, во многом общее с ними по своим взглядам, но... содержащее и существенные отличия. Его представляли Елисеев и Щапов, придерживавшиеся земско-областной теории, впоследствии ставшей составной частью народнической концепции истории России»². Более глубоко этот тезис остался, однако, неразработанным. В частности, так и не были прояснены особенности «земско-областной» разновидности мысли.

Работы А. П. Щапова, выполненные в духе естественно-научного подхода, Цамутали в целом оценивал отрицательно, подчеркивая, что эти исследования не нашли применения в работах историков демократического направления. Последнее замечание неточно. Упомянутые идеи, в частности, проявились в

¹ Цамутали А. Н. Очерки демократического направления ... С. 102.

² Там же. С. 103.

творчестве сибирских областников, народнических публицистов 70-х гг. XIX в.

Позже, в монографии «Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в.»¹, Цамутали повторил прежние оценки, но, пожалуй, в несколько смягченном виде. При этом роль А. П. Шапова, на наш взгляд, несколько принижалась, а также стиралось своеобразие идей, которые он развивал.

Так, характеризуя процесс движения исторической науки в переходный (1860–1870-е гг.) период, автор упоминал о воззрениях историков-демократов этого времени. По его словам, «в исторических работах Г. З. Елисеева, И. А. Худякова и И. Г. Прыжова переплетались идеи, которые восходили к концепциям Чернышевского и Добролюбова, и попытки отстаивать мысль о „самобытном развитии» России, ставшую затем составной частью народнической доктрины. Черты народнических воззрений были присущи и А. П. Шапову, особенно в период, когда он выдвигал земско-областную теорию»².

На наш взгляд, как уже говорилось, А. П. Шапову были присущи не «черты народнических воззрений». Вся совокупность его взглядов (включающая обе концепции) составляла фундамент, на котором развилось позднейшее народничество в узком смысле. В земско-областной теории А. П. Шапов был родоначальником народнического (народофильского) направления в демократизме. Воззрения А. П. Шапова и его последователей явились прямым теоретическим источником народничества 70-х гг. XIX в.

Что же касается взглядов историка, присущих ему во второй половине 1860–1870-е гг., то они остались народническими, но иного, отличного от прежнего направления – естественно-научного народничества. Его важной чертой было усиление просветительского начала. Влияние А. П. Шапова сказалось на творчестве не только революционных народников, но и на взглядах их либеральных коллег.

К упомянутой выше исследовательской традиции примыкала работа В. Г. Мирзоева «Историография Сибири»³, в которой,

¹ Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии. Л., 1977. 256 с.

² Там же. С. 202–203.

³ Мирзоев В. Г. Историография Сибири. М., 1970. 392 с.

в частности, рассматривался сибирский период творчества А. П. Шапова. Внимание Мирзоева было сосредоточено на сибирской проблематике, поэтому он не касался общих вопросов творчества историка специально, однако подчеркнул мощное влияние А. П. Шапова на народническую историографию¹. Основное внимание автор сконцентрировал на деятельности А. П. Шапова в Сибири, особенностях его исторической концепции на завершающем этапе творчества. Мирзоев справедливо отметил, что А. П. Шапов в Сибири остался на демократических позициях.

Автор впервые осветил некоторые источниковедческие особенности метода А. П. Шапова, раскрыл его роль в деятельности отдела Географического общества, обратил внимание на то влияние, которое А. П. Шапов оказал на сибирских областников, справедливо подчеркнув при этом, что сам историк областником не был².

Склонностью к преувеличению революционного начала в творчестве и деятельности А. П. Шапова, но вместе с тем и стремлением учесть положительный опыт историографии отличалась работа В. Ф. Семенова «А. П. Шапов»³. Автор возвратился к оценке А. П. Шапова как основоположника народничества. Однако характеризуя его воззрения на общину, он игнорировал эволюцию взглядов историка, специфику его земско-областной и физико-антропологической теории.

Изучение демократической концепции русской истории XIX в. в зарубежной историографии

Одному из аспектов творчества А. П. Шапова – анализу земско-областной теории – была посвящена работа немецкого историка Йозефа Вахендорфа⁴. Автор обратил внимание на демократизм и регионализм А. П. Шапова как характерные черты творчества историка. По справедливому замечанию Вахендорфа,

¹ Мирзоев В. Г. Историография Сибири. С. 284.

² Там же. С. 267.

³ Семенов В. Ф. А. П. Шапов. Казань, 1983.

⁴ Wachendorf I. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptproblem der Russischen Geschichte bei A. P. Scapov. Köln, 1964.

«ни одна другая историческая работа не была так сильно опосредована идеей народа»¹. Историк верно заметил, что А. П. Шапов возражал против государственного принципа в русской историографии своего времени².

Анализируя взгляды А. П. Шапова, высказанные в земско-областной теории, Вахендорф квалифицировал их как народнические. Вместе с тем он полагал, что источником, в частности по истории общины, для А. П. Шапова послужили взгляды славянофилов, Константина Аксакова³. Историк справедливо считал идею областности центральной, пронизывающей исторические исследования А. П. Шапова периода земско-областной теории. Он показал, как она проявилась в событиях истории Новгорода, в смуте, земских соборах. Отдельную главу Вахендорф посвятил рассмотрению проблемы «раскола» как русского регионализма и при этом поставил вопрос о школе Шапова в историографии старообрядчества.

Новую грань трудов А. П. Шапова раскрыл исследователь из Венгрии Шандор Сили. Он показал, какие мысли историка, заложенные в основание его физико-антропологической концепции, повлияли на облик евразийской идеи. Вместе с тем автор справедливо отметил, что «существенное различие между евразийцами и А. П. Шаповым в методологии... и диаметрально противоположность их ценностных суждений о западноевропейской... культуре сделали невозможным включение А. П. Шапова в ряд предшественников евразийской идеи»⁴.

Действительно, историк-демократ оказал влияние на развитие евразийской идеи, но прямым предтечей их доктрины не был. Дух, идеология евразийской концепции, сформировавшейся отчасти и под влиянием концепции А. П. Шапова, были иными, отличными от его народнической, просветительской доктрины.

¹ Wachendorf I. Regionalismus, Raskol ... С. 11.

² Ibid. С. 1.

³ Ibid. С. 112.

⁴ Сили Ш. К вопросу об истоках евразийской идеи. Влияние «физико-антропологической теории» А. П. Шапова на формирование взглядов евразийцев // Место России в Европе: материалы Междунар. конф. (The Place of Russia in Europe: Materials of International Conference). Будапешт, 1999. С. 268.

*Изучение трудов А. П. Щапова в литературе
конца XX – начала XXI в. Концепция религиозного
раскола Русской православной церкви*

Произошедшая смена общественного строя в России породила новые и актуализировала вечные вопросы, в том числе о мнимых и подлинных ценностях, а с ними интерес к опыту истории, истории классической исторической мысли. Об этом свидетельствует продолжающееся переиздание трудов ведущих историков XIX–XX вв., а также внимание к истории изучения этих трудов, ибо освоение классического наследия не может идти в отрыве от учета уже сделанного, вне, упрощенно говоря, принятия или отрицания вклада предшественников, созданной прежде концепции.

В 90-х гг. минувшего XX в. и начался новый, текущий виток исследований, посвященных классической русской историографии, демократической концепции, творчеству А. П. Щапова. За полтора века, прошедших с момента появления первых научных работ русского историка XIX в. Афанасия Прокопьевича Щапова, интерес к его личности и творчеству изменялся вместе с переменами во времени, возрастал или уменьшался, но не иссякал никогда. Его труды выявлялись, изучались, издавались в России и за рубежом.

Литература последних лет пытается выработать новые подходы к историографии, учитывает достижения ушедшей эпохи. В новой литературе, в том числе учебной¹, более успешно в первом случае (А. Л. Шапиро) и неудачно во втором (М. Ю. Лачаева) (конкретно-исторические и теоретические ошибки, опечатки) были продолжены исследования сущности исторической концепции А. П. Щапова, ее эволюции, места и значения его исторического наследия в историографии. Компилятивная работа «Афанасий Прокопьевич Щапов» вышла из-под пера Д. А. Аманжоловой².

¹ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. 761 с.; Историография истории России до 1917 г. В 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003.

² Аманжолова Д. А. Афанасий Прокопьевич Щапов // Историки России XVIII–XX вв. М., 1997. Вып. 4. С. 35–42 и др.

Как и прежде, специалистов интересовала земско-областная теория А. П. Щапова и ее место в отечественной историографии.

Исследователь Ю. В. Кривошеев в статье «Земская государственность на Руси: Иван Дмитриевич Беляев, его современники и наследники», посвященной «Истории русского законодательства» И. Д. Беляева, рассматривал земско-областную теорию А. П. Щапова в контексте изучения истории самоуправления на Руси, в ряду с концепциями историков других направлений, занимавшихся вопросами самоуправления, – В. Н. Пешкова, И. Д. Беляева, А. А. Кизеветтера и др., историков советского и постсоветского времени Н. Е. Носова, И. Я. Фроянова, А. Ю. Дворниченко, Л. В. Даниловой, писавших о «земских традициях средневекового русского общества». Ю. В. Кривошеев подчеркивал действительно важнейшую черту творческого наследия А. П. Щапова, который определил и описал в своих трудах «народные начала» русской истории. Соответствует духу времени и общий вывод автора о необходимости возрождения традиции изучения «земского строя» в России, заложенной в XIX в.¹

О влиянии земско-областной теории А. П. Щапова, идеи областности на киевскую школу российской историографии писал С. И. Михальченко².

Тезис о значении «областного начала» в русской истории получил развитие применительно к иному времени, иному историческому материалу в статье А. А. Севастьяновой³.

***Концепция религиозного раскола
Русской православной церкви А. П. Щапова
в литературе XX – начала XXI в.***

Творчество А. П. Щапова, одного из крупнейших отечественных исследователей старообрядчества, продолжает привлекать внимание специалистов, изучающих это явление, этот про-

¹ Кривошеев Ю. В. Земская государственность на Руси: Иван Дмитриевич Беляев, его современники и наследники // Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 637.

² Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии: некоторые итоги изучения // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 401.

³ Севастьянова А. А. Провинциальный райцентр в 50–60-е гг.: уклад и культура выживания // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 288.

цесс. Работы А. П. Щапова по расколу исследователи продолжают использовать в собственных сочинениях как литературу, источник.

О влиянии концепции А. П. Щапова на труды П. И. Мельникова-Печерского по старообрядчеству писала В. Ф. Соколова¹. О роли трудов А. П. Щапова по староверию на формирование интереса к изучению этой проблемы у В. О. Ключевского упоминал А. В. Антощенко². Об изучении А. С. Пругавиным этого массового народного движения и о созвучии его взгляда воззрениям А. П. Щапова, которого автор публикации характеризует как «видного народника», писал А. М. Пашков³.

Значительное внимание творчеству А. П. Щапова уделялось в работах по историографии старообрядчества В. В. Молзинского. Автор в разделе «Научная новизна» автореферата докторской диссертации обещал по-новому раскрыть «позиции школы» А. П. Щапова. В истории идей не последнюю роль играет то обстоятельство, кто и когда высказал ту или иную идею. В. В. Молзинский, реализуя задачи своего исследования («научная новизна»), стремился показать, что в рамках клерикально-охранительного направления раскола «зреют ростки нового, нацеленного на всесторонность анализа первооснов конфликта». В качестве примера он ссылаясь на статью В. Огнева, опубликованную в 1861 г. на страницах «Православного обозрения». Новое в интерпретации раскола Огневым, по словам В. В. Молзинского, заключается в том, что В. Огнев «пытался обосновать свое понимание раскола как следствия идейных разногласий, предопределивших неприятие староверами реформы, как измены православию в пользу латинства»⁴.

Однако эта идея в 1861 г. была уже не нова, и не В. Огнев первым ввел ее в научный оборот. Во всяком случае, А. П. Щапов раскрыл ее еще в 1859 г. – в «Русском расколе старообряд-

¹ Соколова В. Ф. Старообрядцы и старообрядчество в оценке П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество. История, культура, современность. М., 1996. С. 71.

² Антощенко А. В. Церковный раскол в оценках В. О. Ключевского // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. № 8. С. 8.

³ Пашков А. М. Старообрядчество русского севера в трудах А. С. Пругавина 1879–1880 гг. // Старообрядчество. История, культура, современность. М., 2000. С. 171–172.

⁴ Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII в. и общественная мысль России : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 23.

ства». Вот его размышления: «...предубеждение против всяких церковных исправлений еще более усиливалось тем, что после смут Унии и самозванства у нас особенно опасались отпадения от древнецерковного православия и вторжения в церковь русскую латинства, папства». И далее: народ, по словам А. П. Щапова, «взволновался и восстал» против церковного порядка, введенного Никоном, ибо был убежден, что «реформа Никона есть начало давно ожидаемого отпадения великороссийской церкви, вслед за Малороссию и древним Римом, от православия к латинству»¹.

Но если важна конкретно-историческая привязка идей, то не менее важны их правильная интерпретация и соответствующее замыслу автора прочтение. По мнению В. В. Молзинского, А. П. Щапов считал старообрядчество лишь одним из проявлений общественно-политической жизни – противогосударственным выступлением, мятежом, и поэтому классик историографии был не прав: «Видение в нем (расколе. – *А. М.*) лишь мятежно-противогосударственного начала в прошлом в ряду значимых явлений социально-политической истории в трудах А. П. Щапова и его последователей и составляет... тот непреодолимый водораздел, что отражает объективное существо *содержательной не идентичности*» (выделено мной. – *А. М.*) его концепции².

Это утверждение В. В. Молзинского строится на недоразумении, на попытке сведения концепции историка-демократа к отдельным сюжетам, темам при игнорировании других. Ведь то обстоятельство, что А. П. Щапов в 60-е гг. XIX в. пытался выяснить и подчеркнуть в расколе его для того времени новую, неизвестную общественно-политическую сторону, вовсе не говорит о том, что историк не понимал его обрядовой, религиозной сути и многих других особенностей. Стоит напомнить о факте, красноречиво характеризующем подход А. П. Щапова к расколу. Историк смотрел на это движение очень широко – как на жизнь народа, которую он не сводил к чему бы то ни было одному, например к мятежу, а, напротив, считал ее разнообразной, развивающейся. Вчера она могла быть «мятежной», а завтра – стать «ком-

¹ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства ... С. 57.

² Молзинский В. В. Старообрядческое движение второй половины XVII в. и общественная мысль России : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1997. С. 10.

мерческой» и т. д. Хорошо известно, что А. П. Шапов неоднократно писал о религиозной, обрядовой стороне старообрядчества. В интересующем нас контексте неважно, насколько соответствовали достижениям его или нашего времени разделы его работ, посвященные этой теме. Важно, что они были, обогащали концепцию историка. Достаточно упомянуть первую главу его «Русского раскола старообрядства», в которой эта проблематика, явно выходящая за рамки «мятежно-противогосударственной», подробно исследуется.

Конечно, и сегодня степень «идентичности» концепции А. П. Шапова требует изучения. Однако поставим вопрос об историческом наследии А. П. Шапова в иной плоскости, а именно – внес ли историк-демократ свой вклад в изучение старообрядчества? В этом случае утвердительный ответ очевиден. Он решался (решается) не по отдельным признакам доктрины и не вообще, а конкретно-исторически, в контексте задач всей отечественной историографии второй половины XIX в., ее методологических тупиков и перспектив, в политическом контексте эпохи, предопределившем интерес к вопросу о роли народа в истории и т. д.

Ответ и лежит в плоскости адекватного прочтения концепции историка во всей ее полноте и выявления степени теоретико-методологической и конкретно-исторической новизны его трудов по расколу, реального продвижения по пути более глубокого понимания причин и сущности старообрядчества.

Следует подчеркнуть, что В. В. Молзинский, настаивая в автореферате на своей оценке концепции раскола А. П. Шапова как «содержательно не идентичной», одновременно отказывал в признании вклада в изучение старообрядчества едва ли не всему демократическому направлению русской историографии, по крайней мере его весомой части.

В работе о расколе, представленной в сборнике «“История России” А. П. Шапова и история России» (2001), В. В. Молзинский косвенно отказывается от своего тезиса о том, что А. П. Шапов видел в расколе «лишь мятежно-противогосударственное начало» в «ряду значимых явлений социально-политической истории». Пытаясь идти указанным выше перспективным путем, автор называет А. П. Шапова «видным историком-демократом», гово-

рит об «огромной роли последнего как основоположника» «народнической» школы¹. Но рассуждая о месте историка в отечественной историографии, он продолжает однобоко, не учитывая внутренних, не бросающихся в глаза сразу оснований доктрины А. П. Шапова, раскрывать суть демократического направления, одним из теоретиков которого он был.

В. В. Молзинский квалифицирует вслед за И. А. Кирилловым труды А. П. Шапова по старообрядчеству как принадлежащие к социально-политической школе. Автор, опираясь сегодня в своих заключениях на мнение историка начала прошлого века И. А. Кириллова, свидетельствует тем самым о том, что не вполне владеет историографической ситуацией в науке до и после И. А. Кириллова. Определяя демократическую концепцию А. П. Шапова как «социально-политическую», он сужает ее, искажает представление о специфике ее демократизма, федерализма.

Вспомним тезис А. П. Шапова о том, что в русской истории существовала объективная «географическая основа», которая весомо влияла на политику, форму государства, а к «политике» не сводилась. Это не случайно подчеркивали Н. Н. Козьмин, В. И. Пичета и другие историки XIX–XX вв.

В автореферате В. В. Молзинский хочет подойти к вопросу (опишем его, используя свою терминологию. – А. М.) о базовых структурах, которые определяли специфику доктрины раскола классика русской историографии. По его словам, социально-политическая сторона в учении А. П. Шапова была мировоззренческой основой его трудов о расколе. Этот тезис Молзинский повторяет и позже. Однако «мировоззренческая основа» трудов историка не исчерпывается «социально-политической стороной», так же как вклад А. П. Шапова в изучение старообрядчества «общественно-политической» составляющей вообще и «мятежно-противогосударственным началом» в частности. Доказательства этого тезиса заключены прежде всего в трудах самого историка, но их можно найти также и в их интерпретации в соответствующих разделах книг по историографии.

¹ Молзинский В. В. Взгляды А. П. Шапова на церковный раскол XVII в. // «История России» А. П. Шапова и история России: Первые Шаповские чтения. Иркутск, 2001. С. 22.

Еще раз напомним о том, что А. П. Щапов писал уже во введении к своей книге «Русский раскол старообрядства»: «Основная мысль нашего опыта – раскрыть историческую основу раскола старообрядства, этого многосложного явления в русской истории, показать те элементы в исторической жизни народа, из которых он сложился». «Раскол старообрядства составляет характеристическое явление в историческом развитии русского народа... В нем... выразилась русская народность XVII века... проявилась преимущественно *своеобразная историческая жизнь массы народа*, жизнь религиозная и гражданская, жизнь умственная и нравственная»¹ (выделено мной. – А. М.). Это размышление Щапова, бесспорно, свидетельствует о широте подхода классика историографии к расколу уже в ранних работах, но он ведет и дальше, в глубину его доктрины. Почему жизнь народа (в том числе религиозная жизнь) сложилась так своеобразно? В политике ли только здесь было дело?

Демократическая концепция А. П. Щапова и, в частности, доктрина раскола, как уже говорилось, строилась на системе базовых ценностей, таких как народ, свобода, территория. Опираясь на них, он разработал демократическую концепцию русской истории, представление о ее «народных началах», о демократическом «механизме» развития и об объективных, выходящих за рамки политики факторах, влияющих на него. Система этих ценностей, начал воплотилась в демократической земско-областной теории. Упомянутые базовые ценности конкретизировались, «работали» в узловых понятиях земско-областной теории, таких как «колонизация», «областность» (не путать с областничеством), «община», «вече», «земские соборы», которые во взаимосвязи составили структуру исторической концепции А. П. Щапова, отличающую ее от взглядов теоретиков иных течений общественной мысли.

Концепция раскола не являлась, разумеется, изолированной от его взглядов на русскую историю вообще, была частным случаем применения земско-областной теории к конкретному историческому вопросу.

Причем именно влияние объективного «географического» фактора (территория. – А. М.) на процесс формирования государ-

¹ Щапов А. П. Русский раскол старообрядства ... С. 1, 3.

ства, области, народа, экономики и культуры, на их специфику особенно подчеркивалось А. П. Щаповым, на что неоднократно указывалось в литературе.

А. П. Щапов считал, что областность имеет «органическое» географическое, пространственное основание. Структура пространства в структуре областного начала у А. П. Щапова являлась определяющей. По словам историка, которые уже приводились выше, «областность – коренное, непреходящее, только внутренне-видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения и местно-общинного саморазвития». «Все великорусские области первоначально образовались путем славяно-русской колонизации преимущественно по речным системам, волокам... *Эта колонизационная, географическая и этнографическая основа областей* была первоначальной, естественноисторической основой, закладкою всего областного строя Великой России. Славяно-русские колонии уселись, распределялись в такие территориальные округа, какие обуславливало географическое очертание, водное разграничение и этнографическая связь» (выделено мной. – А. М.). «Обширность местной территории, отдельность, особенность речной системы, чересполосность и другие топографические причины» и характеризовали специфику областного подпространства, которая, в свою очередь, предопределяла появление и других областных особенностей¹.

Приведенные факты – слова и мысли самого А. П. Щапова – свидетельствуют о том, что, помимо «политики», в концепции историка вообще и в концепции раскола в частности важную роль играло объективное, «географическое» начало («естественно-историческая основа»), которое в определенном смысле предопределяло ее сущность. Этого обстоятельства не заметил В. В. Молзинский. Поэтому попытку определить направление А. П. Щапова как «социально-политическое» нельзя признать удачной.

Демократическая концепция русской истории А. П. Щапова, а в ее рамках и концепция старообрядчества развивались. В процессе развития мысли базовые ценности (в том числе «неполити-

¹ Щапов А. П. Великорусские области и смутное время (1606–1613) // Соч. Т. 1. СПб., 1906. С. 650, 654, 659.

ческие»), будучи однажды выверенными (земско-областная, физико-антропологическая концепции), не менялись, менялась опиравшаяся на них историческая концепция, представления об элементах, их взаимосвязях, о сути «механизма» движения народа к цели.

Соответственно развивалась и концепция раскола, о чем уже доводилось писать. Но все, что было опубликовано А. П. Щаповым, вошло в научный оборот, в данном случае по истории старообрядчества, является вкладом в осмысление этого явления, процесса и поэтому должно учитываться историком исторической мысли.

В литературе об А. П. Щапове имеет место и плагиат. А. Костров в статье «К вопросу о научной новизне в исследовании творчества А. П. Щапова», посвященной анализу автореферата кандидатской диссертации Р. С. Смищенко «Историческая концепция А. П. Щапова», показал, что подавляющее большинство теоретических положений автореферата, претендующего на новизну, его автор почти буквально, дословно списал, выдавая за свои, без кавычек и ссылок, с изданных и хорошо известных работ последних лет¹.

В 2003 г. вышел в свет двухтомник «Историография истории России до 1917 г.»² под редакцией профессора М. Ю. Лачаевой, рекомендованный Министерством образования РФ «в качестве учебника для студентов высших учебных заведений». Потребность в издании учебной литературы такого профиля велика, ибо новых учебников по досоветской историографии недостаточно, а тираж изданных не покрывает потребностей.

Отвечает ли двухтомник современным требованиям к изданиям такого рода? Ведь речь идет об освоении классики русской историографии, о подготовке профессиональных историков.

Обратим внимание на один из разделов учебника, посвященный демократической историографии конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в., исторической концепции А. П. Щапова. Трудно сказать, кому из демократов «повезло» больше – Радищеву, Бе-

¹ Костров А. В. К вопросу о научной новизне в исследовании творчества А. П. Щапова // «История России» А. П. Щапова ... С. 40–45.

² Историография истории России до 1917 г. В 2 т. : учебник / под ред. М. Ю. Лачаевой. М., 2003.

линскому, Добролюбову, которые в учебник не попали, или Герцену, Чернышевскому, Щапову, которые в учебник вошли?

Сибиряку А. П. Щапову, одному из крупнейших русских историков второй половины XIX в., явно не повезло. Удивляет количество фактических ошибок в учебнике, заметных даже при беглом просмотре раздела «Исторические концепции А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и А. П. Щапова». Однако указанные и другие фактические ошибки – лишь внешние признаки ошибок более глубоких, теоретических. Речь идет о сути демократического направления, воззрений А. П. Щапова, этапах его творчества, месте историка в русской историографии, об уровне историографической культуры учебника.

Упомянутая тема достаточно хорошо освещена в литературе, в том числе в работах последних лет. Но историографическая традиция, на которую опирается М. Ю. Лачаева, фактически ограничивается работами первой половины XX в. У М. Ю. Лачаевой отсутствует собственная концепция развития исторической науки, исторической мысли, специфики развития отдельных направлений мысли, в частности демократического направления. Точнее «концепция» есть – устаревшее еще в середине XIX в. представление об историографии как о «сумме биографий отдельных историков с аннотированным перечнем их трудов». В разделе учебника, посвященном демократам, особенно наглядно показано, как не следует проводить историографическое исследование и писать учебники.

В учебнике суть, этапы творчества А. П. Щапова искажены. Стремление уйти от оценок прошлых лет при отсутствии собственной доктрины ведет М. Ю. Лачаеву к частичному отказу от рассмотрения концепций Герцена, Чернышевского, Щапова в единой системе ключевых понятий, которые давно вошли в литературу: «демократ», «просветитель», «народник». Она не пытается осмыслить эти понятия по-новому, вне марксизма, в рамках иной доктрины или заменить другими, такого же масштаба, которые, по ее мнению, описывали бы процесс более адекватно. Результат – эклектика, сочетание несовместимых взглядов, которое отражается как в общей структуре учебника, так и в структуре данного раздела.

Одна из причин вопиющей недостоверности работы заключается в том, что автор раздела и редактор учебника М. Ю. Лачаева опирается для доказательства своих постулатов на источниковую базу, которая не годится ни для поставленной цели, ни вообще для исторического исследования. Такой подход удивителен, а для учебника по историографии – истории исторической мысли – удивителен вдвойне: привлечены источники, которые не относятся к теме, периоду; замалчивается суть источника и одновременно ему приписывается содержание, которое в нем отсутствует; называется один источник, а цитируется другой; упоминается в тексте важнейшая работа, но приводится не ее название, а подзаголовок и т. д.

Концепция учебника подробно освещена в работе автора этих строк¹, поэтому нет необходимости повторять ее вновь.

Историческая концепция А. П. Щапова в работах А. С. Маджарова

Упомянутые и новые идеи получили развитие в ряде работ автора этих строк: «Афанасий Щапов»²; «Эволюция демократического направления в русской историографии 50–70-х гг. XIX в.»³, «Изучение творчества А. П. Щапова в отечественной историографии XIX–XX вв.»⁴; «Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876)»⁵; «Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь истории»⁶; в том числе изданных под его редакцией в рамках Щаповских чтений: «Щапов А. П. Избранное»⁷; «История России» А. П. Щапова и история России. Пер-

¹ Маджаров А. С. В поисках мысли. Об учебнике «Историография истории России до 1917 г.». Т. 1–2. Под ред. проф. М. Ю. Лачаевой. М., 2003 : учеб. пособие по курсу «Историография истории России» для студентов высших учебных заведений. Иркутск, 2006. 52 с.

² Маджаров А. С. Афанасий Щапов. Иркутск, 1992. 272 с.

³ Маджаров А. С. Эволюция демократического направления в русской историографии 50–70-х гг. XIX в. Иркутск, 1994. 223 с.

⁴ Маджаров А. С. Изучение творчества А. П. Щапова в отечественной историографии XIX–XX вв. Иркутск, 1994. 60 с.

⁵ Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876) / ИГУ, науч.-исслед. центр гуманитар. регионоведения, Гос. архив Иркут. обл. Иркутск, 1996. 30 с.

⁶ Маджаров А. С. Афанасий Прокопьевич Щапов: История жизни (1831–1876) и жизнь «Истории». Иркутск, 2005. 528 с.

⁷ Щапов А. П. Избранное / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2001. 364 с.

вые Щаповские чтения»¹; «Человек и природа в истории России XVII–XXI вв. Вторые Щаповские чтения»²; «Сословное (народное) представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в. Третьи Щаповские чтения»³; «Друзья А. П. Щапова об истории и историке. Пятые Щаповские чтения»⁴; «Христианское начало в культуре России XIX–XXI в. Седьмые Щаповские чтения»⁵; «Женщина в истории России XVIII–XXI. Восьмые Щаповские чтения»⁶.

Более подробная библиография работ, посвященных А. П. Щапову, дана в статье Г. Ф. Ямщиковой «Труды А. С. Маджарова»⁷. Концепция А. П. Щапова была рассмотрена в контексте науки XIX–XXI вв. в развитии, в сравнении с доктринами Н. М. Карамзина, славянофилов (К. С. Аксаков), государственной школы (С. М. Соловьев), Н. И. Костомарова, сибирских областников, клерикально-охранительной (церковной) историографии.

Был поставлен вопрос о православной основе его мировоззрения, структуре исторической концепции, об эволюции его доктрины, специфике историографического направления второй половины XIX в. и демократического направления в частности как носителя базовых ценностей, о специфике демократизма, народничества, просветительства в идеологии историка, о месте А. П. Щапова в демократической школе русской историографии⁸. А. П. Щапов на всех этапах своего зрелого творчества (1860–1876) был демократом, основоположником народничества, просветителем. Специфику русской истории историк видел в

¹ «История России» А. П. Щапова и история России. Первые Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2001. 217 с.

² Человек и природа в истории России XVII–XXI вв. Вторые Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2002. 327 с.

³ Сословное (народное) представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в. Третьи Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2003. 318 с.

⁴ Друзья А. П. Щапова об истории и историке. Пятые Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2006. 240 с.

⁵ Христианское начало в культуре России XIX–XXI в. Седьмые Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2008. 348 с.

⁶ Женщина в истории России XVIII–XXI. Восьмые Щаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. Иркутск, 2010. 296 с.

⁷ Ямщикова Г. Ф. Труды А. С. Маджарова // Александр Станиславович Маджаров: к 60-летию со дня рождения : сб. ст., посвящ. 60-летию проф., д-ра ист. наук А. С. Маджарова / под ред. С. О. Шмидта, Л. М. Дамешека, Е. И. Лиштованного. Иркутск, 2009.

⁸ Маджаров А. С. Эволюция демократического направления ... 223 с.

наличии важного областного начала (не путать с областничеством; будучи теоретиком областности, областником в узком смысле Щапов не был), в характере взаимодействия человека и природы.

Базовыми ценностями исторической концепции Щапова, которые определяли содержание и вектор его идеологии (демократизм, народничество, просветительство), были народ, свобода, территория. Это обстоятельство сближало историка с Герценом, Чернышевским. Но, в отличие от последних, он как мыслитель сформировал свою историческую концепцию. Ее структуру составляли замеченные историком народные начала – формы, опираясь на которые, народ обустроивал землю: колонизация, областность, община, земские соборы. В совокупности они образовывали выявленный Щаповым народный «механизм» русской истории.

Опора в исследовании русской истории на этот народный исторический «механизм» отличали его доктрину от взглядов других демократов, в частности Н. Г. Чернышевского. Концепцию народных начал русской истории, которые обеспечивали ее динамику, достижения, он противопоставлял системе взглядов государственной школы С. М. Соловьева. Историк не являлся славянофилом, ибо система ценностей его идеологии, а также структура исторической концепции принципиально отличались от славянофильской. На место православия – центральной позиции славянофильской доктрины – он ставил народ – базовую ценность своей доктрины.

Методология «Истории России» Щапова как истории народной колонизации страны покоилась не только на специфике «духа». Зрелые работы историка периода земско-областной и физико-антропологической теорий строились на признании неотъемлемых объективных оснований исторического процесса. Концепция совокупности народных начал русской истории (колонизация, областность, община, земские соборы), а не только общины, определила его значение как одного из основоположников народничества.

Понятия, скрепляющие «механизм» русской истории, Щапов рассматривал во взаимодействии, как динамические, как движение вширь (колонизация) и вглубь (областность, община, земские соборы), как работающие на основе базовых ценностей – объективных (народ, территория) и духовных (свобода).

Каждое народное начало отечественной истории (колонизация, областность, община, земские соборы) несло в себе базовые ценности (народ, свобода, территория), «работало» на их основе.

Опираясь на эти народные начала, народ, по мысли А. П. Щапова, в процессе освоения территории – колонизации и реализовывал свою роль хозяина земли, обустроивал землю и развивался сам. А базовые ценности являлись созидательной, духовной и естественно-исторической (объективной) основой этой динамики русской истории и основой исторической концепции А. П. Щапова.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Оценка Г. В. Плехановым исторической концепции А. П. Щапова.
2. М. В. Нечкина об идеологии А. П. Щапова и эволюции его доктрины.
3. Интерпретация трудов А. П. Щапова В. Е. Иллерицким.
4. А. Н. Цамутали о месте А. П. Щапова в демократическом направлении.
5. Базовые ценности и структура концепции А. П. Щапова как основа для определения места историка в отечественной историографии.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов Н. Я. Афанасий Прокопьевич Щапов / Н. Я. Аристов. – СПб. : Тип. Балашева, 1883. – 192 с.
2. Вульфсон Г. Н. Глашатай свободы / Г. Н. Вульфсон. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 1984. – 143 с.
3. Гудошников М. А. П. Щапов // Щапов А. П. Собр. соч. Доп. том. – Иркутск : Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. – С. V–XXXI.
4. Женщина в истории России XVIII–XXI вв. Восьмые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч. конф. / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2010. – 296 с.
5. «История России» А. П. Щапова и история России. Первые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2001. – 217 с.
6. Маджаров А. С. В поисках мысли. Об учебнике «Историография истории России до 1917 г. (Т. 1–2 / под ред. проф. М. Ю. Лачаевой. М., 2003) : учеб. пособие по курсу «Историография истории России» для студентов высших учебных заведений / А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2006. – 52 с.
7. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В. Г. Мирзоев. – М. : Мысль, 1970. – 392 с.

8. Научитель М. В. Жизнь и деятельность Афанасия Прокопьевича Щапова / М. В. Научитель. – Иркутск : Кн. изд-во, 1958. – 60 с.
9. Нечкина М. В. А. П. Щапов в годы революционной ситуации. (Письмо А. П. Щапова к кн. П. П. Вяземскому от 8 октября 1861 г.) // Встреча двух поколений : сб. ст. – М. : Наука, 1980. – С. 355–367.
10. Сословное (народное) представительство и самоуправление в России XVI – начала XXI в. Третьи Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 318 с.
11. Христианское начало в культуре России XIX–XXI в. Седьмые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 348 с.
12. Цамутали А. Н. Очерки демократического направления в русской историографии 60–70-х гг. XIX в. / А. Н. Цамутали. – Л. : Наука, 1971. – 252 с.
13. Человек и природа в истории России XVII–XXI вв. Вторые Щаповские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2002. – 326 с.
14. Щапов А. П. Избранное / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск : Оттиск, 2001. – 363 с.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Демократизм, просветительство, народничество – идеология, которую исповедовали историки и общественные деятели в России XIX в.

Славянофильство – школа в русской историографии XIX в.

Колонизация – одно из центральных понятий исторической концепции А. П. Щапова; освоение территории страны.

Областность – одно из центральных понятий земско-областной концепции А. П. Щапова; природные и духовные региональные особенности локальной территории, возникшей в процессе колонизации.

Историческая концепция – теоретическое объяснение автором исследуемого явления, процесса.

ОЧЕРК 5

Сибирские реформы 1822 г. в отечественной и зарубежной историографии¹

За 195 лет, которые отделяют нас от изучаемой эпохи, накопилось немало документальных публикаций и исследований. Историки, публицисты, мемуаристы неоднократно обращались к событиям 1819–1822 гг. Вокруг сибирской деятельности и реформ М. М. Сперанского шла, а отчасти и до сих пор идет оживленная дискуссия, даются различные оценки, сталкиваются идеи и мнения. Сибирская реформа 1822 г. стала, таким образом, заметной историографической темой, заслуживающей специального рассмотрения.

Сибирские преобразования 1822 г. стали объектом изучения еще в рамках дворянской историографии. Произошло это в переломные моменты отечественной истории, когда падение крепостного права поставило перед всеми течениями русской общественной мысли вопрос о соотношении революции и реформ. В этих условиях интерес к личности и делам признанного реформатора Сперанского был вполне понятен. Вокруг имени Сперанского развернулась полемика, поводом к которой послужило двухтомное сочинение М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», изданное в 1861 г.

Барон Корф был представителем высшей бюрократии николаевского царствования. Он лично знал Сперанского и служил под его началом во Втором отделении императорской канцелярии.

Ревизия и реформы Сперанского в Сибири рассматривались Корфом как эпизод из жизни этого деятеля, тем не менее книга Корфа давала значительный по тому времени фактический материал, довольно обстоятельное внешнее описание людей, дел, событий. Корф писал биографию Сперанского в условиях большо-

¹ Автор: Л. М. Дамешек.

го общественного подъема. И поскольку он повествовал о событиях сорокалетней давности, то мог позволить себе строго дозированной критичности. Это относится, в частности, к обрисованному им состоянию сибирской администрации до ревизии 1819 г. Из сочинения Корфа широкая публика узнала о «деятельности» нижеудинского исправника Лоскутова, железной рукой зажавшего целый уезд; о том, как енисейский городничий прокатился по городу на чиновниках, осмелившихся просить начальство о его замене, и других подобных вещах¹.

Корф не без укоризны отметил заигрывания Сперанского с Аракчеевым, признал, что «Сибирское учреждение» готовилось торопливо, и т. д. «Смелость» Корфа отнюдь не противоречит, однако, его монархической концепции. Это составная часть его общего замысла. Злоупотребления сибирской администрации выступают у него как аномалия, как местное искривление, устранить которое и был послан Сперанский. Инициатива преобразования идет от императора, и задача Сперанского – обеспечить управление по «правде монаршей». Поэтому и оценка деятельности Сперанского как «поворотного столба» в сибирской истории² приобрела политическое звучание: власть сама осуществит реформы, когда в них назреет необходимость.

Н. Г. Чернышевский откликнулся на книгу Корфа статьей-рецензией «Русский реформатор». Хотя статья Чернышевского рассматривает деятельность Сперанского во всероссийском масштабе, она имеет значение и для сибирского периода. Для Корфа политическая программа Сперанского казалась радикальной, а для Чернышевского – более чем умеренной. Но и эти умеренные проекты преобразований Сперанский не мог осуществить. «Он совершенно забыл о характере и размере сил, какие были бы нужны для задуманных им преобразований, – подчеркнул Чернышевский, – поэтому он не успел исполнить ровно ничего и оказался «мечтателем»³. Для сравнения приведем еще высказывание А. И. Герцена, хотя оно и не связано прямо с книгой Корфа. «Чиновничество, – писал Герцен, – царит в северо-восточных губерниях Руси и Сибири; тут оно раскинулось бес-

¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. В 2 т. СПб., 1861. Ч. 1, 2. С. 201, 235.

² Там же. С. 192, 237.

³ Там же.

препятственно, без оглядки: Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто дело зависело от того, кто как крадет – поодиночке или шайками. Он сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых. Года через три чиновники наживались по новым формам не хуже, как по старым»¹.

В последующие годы интерес к деятельности Сперанского не угас. Это объяснялось тем, что буржуазные реформы 60-х гг. мало коснулись Сибири. Сибирь продолжала жить по учреждениям и уставам 1822 г. В связи с этим перед прогрессивными кругами сибирской общественности встал вопрос об оценке преобразований Сперанского как в историческом, так и в современном политическом аспекте. Ответом на эту потребность явился изданный в 1872 г., к 100-летию реформатора, капитальный труд В. И. Вагина «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.».

В. И. Вагин – уроженец и житель Сибири, сотрудничал в сибирской и столичной печати, был активным членом Сибирского, а затем Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, редактировал некоторое время газету «Сибирь».

Труд Вагина основан на изучении обширного круга источников, большую часть которых он впервые ввел в научный оборот. Наряду с традиционными источниками (отчет Сперанского в «Обзрении Сибири», законодательные акты 1822 г., «Обозрение главных оснований местного управления Сибири» и пр.) Вагин использовал некоторые материалы первого Сибирского комитета и многочисленные дела Главного управления Восточной Сибири, которые почти полностью были утрачены в результате иркутского пожара 1879 г. С фактической стороны сочинение Вагина до сих пор остается самым полным сводом данных о ревизии и реформах Сперанского в Сибири. Не случайно «Исторические сведения» указаны не только во всех российских, но и в зарубежных библиографических справочниках как одно из основных пособий при изучении вопроса. Практически нет ни одного автора, который, занимаясь данной проблемой, не опирался бы впоследствии на исследование Вагина.

¹ Герцен А. И. Былое и думы. М., 1969. С. 219.

В предисловии к книге В. И. Вагин скромно оценил свой труд как «материалы для истории, и при том далеко не полные». Авторская скромность, конечно, имела под собой некоторые основания. Однако «Исторические сведения» нельзя рассматривать только как материал для будущей истории. Это одно из самых крупных явлений в отечественной историографии вопроса.

Наряду с массой конкретных сведений монография Вагина дает анализ и оценку реформы 1822 г., ее предпосылок и значения. Вагин, в отличие от Корфа, гораздо шире поставил вопрос о предпосылках реформы 1822 г. Корф, по существу, свел его к злоупотреблению «неблагонамеренных» чиновников в отдаленном крае и попечением «высшей власти» о «благе» сибирского населения. Вагин же рисует подробную картину общего положения Сибири и вводит в литературу популярный впоследствии сюжет борьбы двух партий – чиновничьей и местного купечества.

Он значительно детальнее своих предшественников раскрывает ход ревизии Сперанского, его распорядительную деятельность в качестве генерал-губернатора края. Вагин рассматривает подготовку реформы, хотя из-за недоступности ему ряда важных источников эта сторона показана у него слабее.

Вагин дал довольно подробный анализ «Сибирского учреждения» и уставов 1822 г. Стоит отметить, что Вагин был знаком с ними не только как историк, но и как практик-администратор, знавший их в действии. Прослеживает Вагин и дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского. «Исторические сведения» написаны не только большим знатоком прошлого Сибири, но и ее горячим патриотом. Поэтому угол зрения Вагина заметно отличается от подхода Корфа. Вагин увидел многие слабые стороны преобразований 1822 г. Он указал, в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности. Вагин отметил нежизненность отдельных положений 1822 г. («Устав об устройстве сухопутных сообщений»). Но в целом историк дал деятельности Сперанского в Сибири положительную оценку и признал реформы 1822 г. одним из выдающихся событий сибирской истории. Он высоко оценил нравственное влияние личности Сперанского на сибирское общество. В то же время труд Вагина объективно ставил перед читателями вопрос о

необходимости новых реформ, появления, так сказать, «второго Сперанского». Не случайно поэтому труд Вагина привлек внимание сибирской общественности и вызвал оживленный обмен мнениями¹. Особый интерес представляет в этой связи сочинение А. П. Щапова «Сибирское общество до Сперанского». По форме это рецензия, на деле же – большая и оригинальная статья, для которой труд Вагина явился частью источником, а частью – предметом полемики. Работа Щапова создавалась на последнем этапе его творческого пути и отражала хотя и противоречивый, но в целом, безусловно, демократический подход к оценке исторического процесса. Щапов поставил две главные проблемы: состояние сибирского общества накануне реформ Сперанского и оценка этих реформ. Он дал хотя эскизно, но яркими мазками панораму сибирской жизни конца XVIII – начала XIX в. Исходя из своих общих представлений об особенностях Сибири, Щапов полагал, что характерной чертой сибирского населения было хищническое стремление к наживе, «эгоистические инстинкты», как назвал их историк. Общий колорит сибирской жизни и нравов он изобразил довольно мрачными красками.

Носителями «эгоистических инстинктов» Щапов признавал, в первую очередь, сибирское купечество, хотя находил их и в других сословиях. В соответствии с этим он гораздо резче, чем Вагин, ставит вопрос о борьбе местной администрации и купечества и решает его с иных позиций. Вагин квалифицировал их борьбу как конфликт местной власти с «народной партией» в широком смысле. Щапов отказался признать за сибирским, точнее иркутским, купечеством роль выразителя народных интересов. Он утверждал, что в иркутском обществе в конце XVIII и начале XIX столетия главной действующей силой «была вовсе не демократическая сила массы городского населения, а буржуазная олигархия довольно могущественной купеческой партии»². Подоплеку борьбы купечества с чиновничеством А. П. Щапов видел в экономике, связывал ее с «торговыми интересами». Они боролись за то, кому торговать с иностранцами, «за преимущественное право эксплуатировать народ». Отметив, что сибирская

¹ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб., 1872. 801 с.

² Щапов А. П. Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 154.

администрация широко занималась торговлей с инородцами, Щапов указал, что интересы в этой сфере должны были столкнуться с купеческими, чиновничество или должно было действовать с купцами заодно, вступить с ними в союз, или же встретить оппозицию со стороны купеческой монополии и вести с ней борьбу»¹. Щапов подчеркивал эксплуататорскую сущность буржуазии. Косвенно возражая Вагину, он писал: «Капиталистическое буржуазное сословие по самому существу своему не может допустить общественной равноправности и экономического равновесия низших, рабочих и промышленных сословий, составляющих источник обогащения, предмет эксплуатации, основание капиталистической общественной пирамиды»².

Щапову была, разумеется, совершенно чужда всякая идеализация сибирского чиновничества. Но он, однако, полагал, что из чиновника может, хотя и редко, выйти «филантроп и просветитель Сперанский», «друг колодников и черни», своекорыстная же буржуазия в состоянии только угнетать народ. Исходя из этого, историк дал в общем положительную оценку преобразованиям Сперанского в Сибири и нравственному влиянию его личности на местное общество. Щапов отметил, что Сперанский обнаружил в Сибири «полнейшее господство чиновничьего самовластия и деспотизма». «Чтобы в корне пресечь развитие всего этого зла, Сперанский, как реформатор по призванию, ввел так называемые «сибирские учреждения», с некоторым ограничением произвола администрации»³. Щапов высказал одновременно сожаление, что Сперанский ограничился тем, что ввел «новые лучшие административные учреждения в Сибири», но даже не намечал социально-экономической реформы. Исследователь не ставит вопроса о первоначальном замысле преобразований и их законодательной реализации в 1822 г. Он рассматривает реформы Сперанского в их окончательном виде и считает, что сибирское общество того времени было не в состоянии воспринять их. Он убежден, что «общеευропейская идея этих реформ, их гуманно-филантропическое направление до такой степени еще чужды были азиатскому умунастроению и буржуазно-эгоистическим

¹ Щапов А. П. Соч. Т. 3. С. 663.

² Там же. С. 670.

³ Там же. С. 677.

наклонностям сибирского общества, что почти большинство современников Сперанского не поняли его и не умели надлежащим образом оценить его значение и влияние на Сибирь»¹. Историко-графическое место статьи Шапова весьма значительно. Для него характерно стремление оценивать реформы 1822 г. с точки зрения интересов трудящихся масс и защиты этих интересов.

Тема преобразований 1822 г. должна была, естественно, привлечь внимание областнической историографии и публицистики. Следует сказать, что областники также отталкивались от книги Вагина. Одним из первых откликнулся на нее крупнейший представитель общественной мысли Сибири Н. М. Ядринцев. Его статья «Сперанский и его реформы в Сибири» была опубликована в «Вестнике Европы», а затем с некоторыми вариациями вошла в знаменитую книгу «Сибирь как колония».

У Ядринцева нет принципиальных расхождений с Вагиным в оценке реформы, хотя общий тон Ядринцева более критичен. В целом совпадают структура работ и поставленные в них вопросы. В то же время следует сказать, что Ядринцев подошел к своей задаче в теоретическом плане глубже, чем Вагин.

Если у Вагина превалирует фактическая сторона дела, а оценка дается, как правило, одной-двумя фразами, то Ядринцев, опираясь на материалы Вагина, старается полнее подойти к теме с разных сторон. В качестве примера можно указать, в частности, постановку вопроса о произволе сибирской администрации, которую Н. М. Ядринцев наряду с другими причинами объяснил колониальным положением Сибири. Ядринцев подчеркивал, что местное общество даже в тяжелую пору правления Пестеля и Трескина «пыталось вести подземную борьбу». С легкой руки Екатерины II в правительственных сферах за сибиряками утвердилась репутация ябедников. Ядринцев вслед за Вагиным показал, что «донос» был своеобразной формой «борьбы против произвола, когда отняты были все средства гласности»². Итоги ревизии Сперанского в Сибири Ядринцев оценивал более чем скромно, «Причины злоупотреблений лежали не в людях, а в целой системе». «Ревизия осталась почти без последствий». Примерно так же оценивает Ядринцев и деятельность М. М. Сперанского

¹ Шапов А. П. Соч. Т. 3. С. 674–677.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 319–320.

на посту генерал-губернатора в Сибири. Он не соглашается с теми биографами Сперанского, которые, «увлекаясь личными качествами и достоинствами этого администратора», предполагали, «что одно пребывание Сперанского в Сибири уже могло изменить порядок дел». Так же как и Щапов, Ядринцев считал, что Сперанский не смог воздействовать на социально-экономическую жизнь Сибири. «Торговая кабала над инородцем и крестьянином до последнего времени составляет язву страны. Реформа Сперанского ничего здесь не сделала»¹.

Систему управления Сибири до Сперанского Ядринцев характеризует следующим образом: «Централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимой власти начальникам на месте – к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории»².

Задача Сперанского состояла в том, чтобы рассечь гордиев узел 200-летнего сибирского управления и навсегда прекратить злоупотребления. Только «ревизия Сперанского, хотя и лучшего человека своего времени», не помогла, поэтому, считает Ядринцев, нужно было устранить «причины зла» и «создать новые основания управления». Изложив разработанную Сперанским программу реформ управления, Ядринцев признает ее цели достойными уважения, но подчеркивает, что «при всех благих намерениях важнее всего их выполнение». Так он подходит к вопросу о путях, какими Сперанский стремился достичь цели. План преобразования Сперанского «основывался на введении коллегиального управления во всех частях вместо единоличного и опирался на взаимный контроль одних учреждений над другими». Ядринцев вполне согласился с Вагиным, что создание совещательных советов в системе местного управления «нисколько не ослабило исполнительной власти». Ядринцев справедливо отметил, что эти советы очень незначительно отличались от прочих присутственных мест в России, «принципиального же различия между ними не было». Замысел Сперанского он рассматривал как попытку защитить Сибирь от злоупотреблений путем «обыкновенной комбинации: при помощи зависимости одних чиновников от других». «В общем, – говорит Ядринцев, – изменения Сперан-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 328–337.

² Там же. С. 342.

ского были столь скромны и столь ответственны обыкновенному канцелярскому порядку, что прошли чрезвычайно легко». Исключение составлял только проект об освобождении заводских крестьян, отклоненный Сибирским комитетом. Поэтому вслед за Вагиным Ядринцев поставил вопрос: «Вышли ли проекты Сперанского в том виде, в каком они были представлены, или были значительно изменены?» Вагин, основываясь на рассказах старожилов, полагал, что «изданное учреждение о Сибири значительно разнится от первоначального проекта». По преданиям, проект предполагал «дать простор выборному началу» и устройству управления, гораздо более свободного от централизации, «учредить особый департамент Сената» для Сибири и т. д. Поэтому Вагин предполагал, что Сперанский увез из Сибири только черновой вариант проекта и уже в Петербурге, видя невозможность провести их целиком, решился на переделку. Однако Ядринцев, исходя из имевшихся в его время материалов, биографий, сведений и писем Сперанского, пришел к выводу, что нет оснований предполагать, что его проекты были изменены. Он предложил более простое объяснение. Сперанский, по его мнению, опасался, что «вследствие потери его влияния и вследствие оппозиции ему в Петербурге Аракчеева даже самые незначительные его проекты будут отвергнуты»¹. Ядринцев отмечает, что изданное Сперанским «новое учреждение Сибирского управления не удовлетворило ожидания», оно сразу же подверглось обвинению как из лагеря консерваторов, так и со стороны людей, ожидавших от Сперанского большей реформаторской инициативы. Вместе с Вагиным Ядринцев указал на очевидные противоречия между целями Сперанского и предложенными им средствами. Программа Сперанского провозглашала «гласность и публичность действия власти, что никогда не было осуществлено». Аналогичное положение сложилось и с правом протеста со стороны советов управлений, которые на практике зависели от генерал-губернатора и чиновников.

Важнейшим недостатком реформы Ядринцев, как и Вагин, считал отказ от идеи ввести «выборный элемент в высшее сибирское управление». Ядринцев пришел к заключению, что стремления Сперанского «ограничивались устранением произ-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 343–345.

вола и взяточничества в администрации», поэтому он признал эти стремления до известной степени прогрессивными. Сперанский стремился к введению законности вместо прежнего произвола, хотя обстоятельства и не оправдали его ожиданий.

В заключение Ядринцев дает оценку административному учреждению Сперанского, основываясь на 50-летнем опыте его практического применения. «Мы не ошибемся, – замечает историк, – если скажем, что сибирские законы Сперанского никогда не действовали в полной силе. Некоторые части их даже не были приведены в исполнение». Он имеет в виду особые законы для суда над инородцами и особое сельское положение для суда крестьян, которые никогда не были изданы; показывает, что степные думы на практике подчинялись земским судам и сделались чем-то вроде волостных правлений. «Вмешательство земской полиции в дела инородцев, устраняемое Сперанским, явилось прежнее». «Устав об управлении инородцев» был, по мысли Ядринцева, «гуманным» и «замечательно доброжелательным по духу». «Однако он не мог осуществиться и повел только к недоразумениям». «Заселение ссыльными Сибири и приучение их к оседлости вовсе не удалось». «Сибирские генерал-губернаторы приобрели прежнюю силу и независимость, проявлялись отпрыски прежнего произвола и злоупотреблений». «Таким образом, даже те слабые предположения облегчения, к которым стремился Сперанский, не оправдались»¹.

Однако Ядринцев отнюдь не склонен возложить за это на Сперанского единоличную ответственность. В этой связи он делает следующее глубокое замечание: «Невозможно было также, чтобы положение дел вдруг изменилось, потому только, что Сибири даны новые законы, тогда как все другие условия сибирской жизни остались по-старому». Следует подчеркнуть, что в оценке преобразований Сперанского Ядринцев исходил из общей концепции раннего областничества. Он смотрел на них глазами не только беспристрастного историка, но и общественного деятеля, убежденного в том, что учреждения 1822 г. «отжили свое время». Ядринцев был убежден, что Сперанский не достиг своих целей, так как «ошибки были допущены в принципе», он «слишком положился на одни официальные коллегиальные учрежде-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 107–108, 349–351.

ния». Исходя из этого, Ядринцев развертывал не только критику этих учреждений, но и намечал областническую программу реформ в современной ему Сибири. Его воззрения в той или иной степени разделяли и другие представители областнического движения¹.

Взгляды Ядринцева оказали влияние и на С. Прутченко, труд которого «Сибирские окраины» увидел свет в 1899 г. Вместе с тем на автора этой книги воздействовали и идеи «государственно-юридической школы». Это определило как сильные, так и слабые стороны исследования. Там, где речь идет о конкретном анализе законодательных актов, историк делает ценные наблюдения, тонко подмечает связи и преемственность между старыми и новыми учреждениями. Однако в общем представлении об эволюции управления Сибирью ощущается эклектический подход. Для историка-идеалиста было характерно преувеличение роли государственных учреждений и правовых установлений. С. Прутченко собрал большой материал по истории управления Сибирью с момента ее включения в состав России. Неурядицы сибирского управления до Сперанского он связывал с неспособностью центральной и краевой администрации учитывать своеобразие местных условий и потребностей. Проводя ревизию и расследуя многочисленные злоупотребления, Сперанский сблизился с неизвестной ему ранее жизнью Сибири, извлек «поучения из непосредственно полученного опыта»². По мысли С. Прутченко, Сперанский пришел к выводу, что Сибирь нуждается в такой организации, которая «в себе самой находила бы достаточно энергии, знания, освоенности с местными условиями и силы для удовлетворения своеобразных нужд и потребностей края». «Сибирское учреждение» Сперанского вносило в русское законодательство признание необходимости областной организации внутри Российской империи³. Но практическое разрешение этого вопроса оказалось малоудачным. По разным причинам «Сибирское учреждение» было развернуто по схеме бюрократи-

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 350, 355–369.

² Прутченко С. Сибирские окраины : в 2 т. СПб., 1899. Т. 1. С. 100.

³ Там же. С. 279.

ческого управления. Суд остался в зависимости от администрации, органы самоуправления так и не были созданы¹.

Подводя итоги изучения вопроса в дооктябрьский период, необходимо отметить, что он привлек внимание авторов различных идейных течений. Тема сибирских реформ 1822 г. входит в историческую литературу в связи с личностью Сперанского и трактуется Корфом в биографическом плане. Сибирь выступает у него полем для приложения реформаторских усилий Сперанского, а сам Сперанский изображается как исполнитель «воли монаршей». Труд Вагина смещает акценты, превращает вопрос о реформах 1822 г. в предмет собственно сибирской историографии. Этот подход углубляется и закрепляется Ядринцевым. Деятельность Сперанского в Сибири оценивается областнической мыслью с точки зрения нужд и потребностей края, интересов ее демократических слоев. Апологетика реформ сменяется их трезвой оценкой, показом противоречий между словом и делом, целями и результатами. Критика преобразований Сперанского в Сибири увязывается с программой областничества, выступает как одно из ее исторических обоснований. Этим определялись как достижения, так и слабости областнической историографии сибирских реформ 1822 г.

После октябрьского переворота, в 20–30-е гг., советская историческая наука основное внимание сосредоточила на изучении истории народов Сибири как области, мало затронутой серьезными исследователями. В 40–50-х гг. усилия исследователей направлялись, главным образом, на разработку проблем социально-экономической истории. Поэтому вопросы внутренней политики, текущего управления и реформ затрагивались в этот период или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов Сибири. Этим и объясняется то обстоятельство, что теме реформ 1822 г. до начала 50-х гг. не было посвящено ни одного специального исследования.

Отсутствие специальных работ не означает, однако, что изучение вопроса вообще стояло на месте. Уже в 20-е гг. были сделаны попытки дать новую оценку некоторых проблем, связанных с реформами 1822 г. Наиболее интересным опытом в этом отношении были работы С. В. Бахрушина по истории рус-

¹ Прутченко С. Сибирские окраины. С. 231–235.

ской колонизации Сибири. Большая часть их хронологически относится к XVII в., но в статье «Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. «он рассматривает одну из важнейших составных частей реформы 1822 г. – «Устав об управлении инородцев». Бахрушин, показывая колониальный характер правительственной политики в отношении коренного населения Сибири, сделал для этого документа определенные исключения и дал ему в целом высокую оценку: «Устав остается важным памятником, свидетельствующим о добросовестной попытке урегулировать жизнь туземных масс в Сибири и их отношение с русскими колонизаторами». «С начала до конца, – писал С. В. Бахрушин, – «Устав» проникнут стремлением охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй туземцев. Автор «Устава», знаменитый Сперанский, повидимому, понимал опасность административного вмешательства в жизнь туземных обществ и стремился оградить их от такового». Историк отметил и оборотную сторону «Устава» – стремление русского правительства «властвовать над туземцами посредством наследственных родовых князцов и старшин». В этом плане реформы Сперанского не меняли сути дела по существу. Продолжая традиции, унаследованные от XVII в., «Устав об управлении инородцев» охранял «привилегии туземной родовой знати различных племен»¹. Для С. В. Бахрушина характерно некоторое преувеличение позитивных элементов «Устава». Однако в советской историографии он первым указал на внутреннюю противоречивость памятника, на сплетение в нем прогрессивных и консервативных начал. Этот подход оказался плодотворным и был воспринят советской наукой.

Вопросы, связанные с реформами 1822 г., нашли отражение и в работе Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа». Автор рассматривает историю бурят не изолированно от русского и других народов Сибири, освещая попутно и общие проблемы сибирской истории. Это относится и к реформам Сперанского. Ф. А. Кудрявцев дал обзор положения Восточной Сибири накануне реформ, показал причины ревизии 1819 г. и вскрытые ею злоупотребления сибирской администрации. В свя-

¹ Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. // Сов. Север. 1929. № 1. С. 87–89, 91, 92.

зи с основной темой книги исследователь особое внимание уделил «инородческому уставу». Как отмечает Ф. А. Кудрявцев, «Устав» 1822 г. обобщил и систематизировал то, что сложилось в процессе административной практики. К новым элементам, содержавшимся в нем, автор относит введение самоуправления и некоторых выборных должностей «инородческих родоначальников». Исследователь указывает, что составители «Устава» исходили из таких положительных принципов, как ограничение административного вмешательства, упорядочение взимания сборов и податей и «ограничение личной власти инородческих родоначальников».

Оценивая нововведения Сперанского, Ф. А. Кудрявцев замечает, что «отдельные мероприятия против злоупотребления» сибирских сатрапов «частично и временно разряжали напряженную атмосферу административного произвола, но не затрагивали самой системы управления, создавшей почву для подобных злоупотреблений. Эта система определялась классовым характером крепостнического государства»¹.

Первой послевоенной работой по нашей теме явилась опубликованная в 1950 г. статья А. И. Мурзиной «Реформы Сперанского в Западной Сибири». Автор сосредоточивает свое внимание на «Уставе об управлении инородцев». Другие вопросы, связанные с преобразованиями 1822 г., освещаются эскизно. На первый план А. И. Мурзина выдвигает не анализ «Устава» как законодательного памятника, а вопрос о его проведении в жизнь на территории Западной Сибири². Историк признает «Устав» «наиболее значительным из памятников законодательной деятельности Сперанского в Сибири и напоминает об участии в его составлении будущего декабриста Батенькова. А. И. Мурзина отмечает «известную двойственность» «Устава». «С одной стороны, царизм оформил в этом законе свою политику опоры на местную полуфеодалную и родовую знать, в этом была сущность устава. С другой стороны, нельзя пройти мимо прогрессивных элементов в уставе». Автор видит эти элементы в охране земельных и промысловых угодий, в обеспечении свобо-

¹ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940. С. 198.

² Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1950. № 115. Вып. 1. С. 101.

ды вероисповедания и богослужения. Однако «Устав» 1822 г., по мнению А. И. Мурзиной, «не вносил существенных изменений во внутреннее устройство народов Сибири. Он скорее стремился сохранить самобытный строй народов Севера»¹. Таким образом, в общей оценке памятника А. И. Мурзина близка к С. В. Бахрушину. Обращаясь к проведению в жизнь «Устава» 1822 г., историк констатирует, что оно «вызвало большие трудности» и недовольство населения. Разделение коренных жителей на разряды было проведено местной администрацией неправильно, перевод части их в крестьянский оклад сопровождался усилением налогового гнета и ростом недоимок. Ясачная комиссия, посланная для изучения дел на месте, признала, что «в Западной Сибири племена инородцев разделены на разряды вопреки указаниям в «Уставе», неосновательно и неверно, многие из сих племен в крестьянский оклад «вносились» без отбора состоятельных и несостоятельных»². Задержалось на долгое время и введение предусмотренной «Уставом» системы управления. А. И. Мурзина объясняет это различием в уровнях общественного развития народов Западной Сибири. У племен, сохранивших прочные родовые отношения «введение управления в соответствии с Уставом особых трудностей не вызвало». Напротив, «разложение родового строя было основной причиной, в силу которой так медленно у обских угров создавались родовые управления и инородные управы»³.

Стремление проследить реализацию положений 1822 г., выяснить их практическое воздействие на жизнь населения Сибири – положительная сторона работы А. И. Мурзиной. В то же время статья несвободна от некоторых упрощений и неточностей. Автор склонен подчас принимать временную последовательность явлений за их причинно-следственную связь. А. И. Мурзина считает, например, что «земские повинности, установленные Сперанским, являлись одним из тяжелых видов податей в XIX в. Не случайно поэтому появляется ежегодная недоимка по земским повинностям»⁴. Но Сперанский отнюдь не устанавливал в Сиби-

¹ Мурзина А. И. Реформа Сперанского в Западной Сибири ... С. 104–105.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 114.

ри этих повинностей, они существовали задолго до него и всегда были обременительны. «Положение» 1822 г. прямо не касалось и размеров земского обложения. Сперанский стремился только к четкой регламентации земских повинностей и способов их отнесения – личным трудом или денежным сбором. Предполагалось, что перевод части натуральных обязательств в денежные сузит сферу административных злоупотреблений и облегчит положение населения. Связь между «Положением» Сперанского и ростом земских повинностей в 20–40-х гг. XIX в. гораздо сложнее, чем это представлялось А. И. Мурзиной.

В 50-х гг. реформы Сперанского рассматривались в работах Л. И. Светличной. Ее кандидатская диссертация не опубликована¹, но основные положения изложены в отдельных статьях, на которые мы и будем ссылаться.

Л. И. Светличная исходит из признания Сибири колонией Центральной России. Под влиянием хозяйственных связей с Европейской Россией в экономике Сибири складывались капиталистические тенденции. Однако благоприятные для буржуазного развития предпосылки (отсутствие крепостного права, богатые природные условия) сочетались здесь с военно-феодальными методами эксплуатации.

Коренную причину преобразований 1822 г. Л. И. Светличная ищет в экономической сфере, в сокращении государственных доходов от Сибири. Необходимо было изыскивать новые, более эффективные методы эксплуатации сибирской колонии. Все это требовало от правительства проведения общей ревизии Сибири и реформ во всех областях сибирской жизни. Сперанский, по мнению исследователя, заметил в Сибири тенденцию к капиталистическому развитию и, не меняя основ колониальной политики царизма, попытался приспособить эту тенденцию для более эффективной эксплуатации сибирской колонии².

«Если А. Н. Радищев и декабристы, – пишет Светличная, – стремились революционным путем поставить Россию на путь буржуазного развития, то либералы предлагали постепенное ре-

¹ Светличная Л. И. Преобразовательные планы и административная деятельность Сперанского в Сибири (1819–1822 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

² Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. С. 55–56.

формирование феодальной России в буржуазном направлении». Историк считает, что в первой четверти XIX в. выявились «симптомы колебаний в политике верхов». Боязнь революции обусловила оформление либеральной идеологии. Одним из представителей раннего либерализма и был Сперанский. Поскольку «либерализм в первой половине XIX в. был прогрессивным общественным течением, то и законопроекты М. М. Сперанского являются объективно-прогрессивными проектами». Л. И. Светличная отмечает «ограниченность буржуазных начал в преобразовательных планах Сперанского» 1809 г. и еще большую осторожность его сибирских проектов. Вместе с тем историк полагает, что и в Сибири Сперанский «оставался деятелем объективно-буржуазного направления»¹.

Подтверждение этой мысли Л. И. Светличная ищет в «Уставе об инородцах». Как считает исследователь, «Устав» должен был, в первую очередь, поднять платежеспособность инородцев. «Но добиться этого Сперанский попытался путем реформирования всех сторон жизни коренных народов, почему «Устав» касался не только экономической стороны, но и административной, судебной, культурно-бытовой». Сперанский стремился ослабить патриархально-феодальные основы хозяйственного быта инородцев через поощрение товарно-денежных отношений. «Устав» подтвердил замену натурального ясака денежным налогом и вводил деление коренных народов Сибири на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. Основным критерием для определения хозяйственной состоятельности инородцев становились земледелие и скотоводство, дававшее постоянный доход. «Конечной целью «Устава» был перевод кочевых и охотничьих народов в разряд оседлых, т. е. приравнение инородцев к русскому населению Сибири»².

Историк отмечает, что «поразрядная система преследовала защиту финансовых интересов казны, так как кочевые народы вводились в более высокий оклад государственных крестьян». Она преследовала и ассимиляторные цели. «Но приравнение коренных народов к русскому населению Сибири имело объективно-прогрессивное значение. Этот принцип положительным

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... С. 53–55.

² Там же. С. 62–63.

образом отличал «Устав» Сперанского от законодательства западноевропейских государств и США в отношении колониальных народов, которые подвергались национальной дискриминации». Сперанский стремился учесть национальные особенности инородцев, что и отразилось в статьях об управлении, торговле, религии, образовании¹. Но Л. И. Светличная не согласна с утверждением С. В. Бахрушина о стремлении «Устава» к сохранению самобытности народов Сибири. По ее мнению, мероприятия Сперанского объективно должны были ослабить их родовое устройство, поощрить элементы нового, приравнять их к русскому населению². Л. И. Светличная указывала на противоречивость «Устава», которая «обрекала на неудачу и его слабо выраженные прогрессивные элементы». Поразрядная система не всегда соответствовала уровню и типам хозяйственного развития народов Сибири, а местное чиновничество, распределяя инородцев по разрядам, не смогло справиться со своей задачей. «Поэтому введение «Устава» отрицательно отразилось на положении инородцев. Возросло налоговое обложение каждой группы». Но в целом хозяйственное развитие сибирских народов после 1822 г. «подтвердило правильность направления, взятого «Уставом»³.

Стремление рассматривать законодательство 1822 г. сквозь толщу социально-экономических процессов, в связи с ростом товарно-денежных отношений и формированием буржуазного уклада в Сибири – сильная сторона исследования Л. И. Светличной. Однако не все выдвинутые автором положения достаточно убедительны. Неправоммерно сводить причины ревизии и реформ 1819–1822 гг. только к фискальным потребностям казны, хотя значение этого фактора и было, видимо, немаловажным. Автор склонен переоценивать уровень развития капиталистических отношений в Сибири начала XIX в. Поэтому утверждение о союзе царизма с «обуржуазившейся верхушкой оседлых инородцев», будто бы закрепленном «Уставом» 1822 г., представляется по меньшей мере спорным. Л. И. Светличная не учитывает особенностей колониального положения Сибири. Поэтому тезис о «военно-феодальной эксплуатации» и «ограблении колониальных

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... С. 64–65.

² Там же. С. 71–72.

³ Там же. С. 72–73.

народов» не получает мотивировки¹. Ссылка на рост налогов малоубедительна. Из материалов, приведенных самим автором, явствует, что податное обложение русского населения было выше инородческого. Несмотря на недостаточную аргументированность положений, работы Л. И. Светличной отличаются нешаблонным подходом и заслуживают внимания исследователей.

В 60-е гг. интересующий нас вопрос рассматривался в большой статье А. И. Парусова «Ревизия и реформа аппарата управления Сибири в 1819–1822 гг.». Статья примыкает к другим публикациям этого автора о местном управлении в России при Александре I. Работа основана на традиционных источниках и новых сведениях фактического порядка не дает.

Обратившись к содержанию статьи, обнаружим противоречивость авторской позиции. Начав с утверждения, что ревизия и реформы 1819–1822 гг. «явились значительным событием в истории местного управления в России», историк посвятил всю работу доказательству обратного. В конечном счете он пришел к выводу, что «ревизия Сперанского и последовавшая за ней реформа аппарата Сибири не произвели каких-либо радикальных изменений в крепостническом аппарате управления этой части Российской империи, но он был в какой-то степени усовершенствован и укреплен»².

Автор абстрагировался от социально-экономической обстановки в Сибири, и в этом, на наш взгляд, основной просчет историка. Предпосылки и содержание реформы рассматриваются А. И. Парусовым в чисто административной плоскости, хотя в работах советских исследователей уже были заложены основы более широкого подхода к проблеме. Что представляла собой Сибирь времен Сперанского? Как выглядел классовый и сословный состав сибирского населения? Каковы были главные тенденции экономического развития края? В каких переменах объективно нуждалась Сибирь? Осознавалась ли потребность изменений? В какой степени проведенные преобразования отвечали назревшим потребностям? Без ответа на эти и некоторые другие

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма ... С. 72–73.

² Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1986. С. 41, 92.

вопросы нельзя правильно понять место реформ 1822 г. в истории Сибири.

В построениях А. И. Парусова важную роль играет определение классового характера идеологии Сперанского. Историк не согласен с теми, кто видит в Сперанском представителя буржуазно-либерального течения. По его мнению, Сперанский в Сибири, как и в другие периоды своей деятельности, был только «выразителем интересов господствующего класса помещиков-крепостников и его политической диктатуры – царского самодержавия»¹. Обсуждение вопроса о характере общественно-политических взглядов Сперанского выходит за рамки наших задач. Но если и согласиться с утверждением А. И. Парусова, это мало подвинет нас вперед. Ведь историк не делал даже попытки выяснить, в чем конкретно заключались интересы крепостников в Сибири, где не было ни помещичьего землевладения, ни крепостного права, где в административном аппарате дворяне составляли весьма немногочисленную прослойку. А. И. Парусов не учитывает и относительной самостоятельности самодержавия, его способности к социальному лавированию, к определенным уступкам в сторону буржуазного развития, к экономическому и политическому маневру. Конечно, Сперанский действовал в Сибири как агент царского правительства. Но ведь такими же агентами были и его предшественники, знаменитые «сибирские сатрапы».

Важным фактом историографии реформ 1822 г. является «История Сибири», которая представляет итог развития советского сибиреведения за полувековой период советской власти. Мы коснемся здесь только интересующих нас параграфов второго тома, автором которых является В. Г. Карцов².

Здесь следует оговориться, что освещение отдельной проблемы в рамках обобщающего труда имеет обычно свои плюсы и минусы, определенные характером такого издания. Данный случай не является исключением. Говоря о преимуществах, мы имели в виду, что впервые в нашей литературе реформы 1822 г. получили освещение как часть целостной концепции истории Сибири, показаны на широком фоне всей жизни восточной окраи-

¹ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... С. 91–92.

² Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 453–465.

ны. С другой стороны, автор и редакция стояли перед необходимостью тщательного отбора и ограничения конкретного материала, подачи его в оценочном плане. Требовать полноты и всесторонности изложения в этом случае, разумеется, нельзя. Наш разбор поэтому должен относиться к постановке и принципиальному решению проблемы.

«История Сибири» значительно шире, чем вся предшествующая литература по данному вопросу, вскрывает предпосылки реформ 1822 г. Дореволюционные исследователи сосредотачивали свое внимание на борьбе местных сил против административного произвола. Л. И. Светличная связывает преобразования Сперанского непосредственно с социально-экономическим развитием Сибири, укреплением товарно-денежных отношений и ростками капитализма в крае. В методологическом отношении «История Сибири» стоит на более точных позициях, связывая предпосылки реформ не непосредственно с экономикой, а с обострившейся на ее почве классовый борьбой в целом по стране и в Сибири в частности. Влияние на Сибирь войн России с наполеоновской Францией, волнения в Ишимском округе в 1812 г., на Кольванских заводах в 1813 г., заговор в Томске в 1814 г. и другие проявления социального протеста в Сибири следует, бесспорно, рассматривать как важные причины, заставившие Петербург назначить ревизию сибирского управления и начать подготовку реформ. Следует, однако, отметить, что, стремясь избежать узкотрадиционной трактовки вопроса, В. Г. Карцов допустил, на наш взгляд, определенное упрощение. Он отказался от характеристики борьбы купечества и администрации, вследствие чего ближайшая причина ревизии не получила должного освещения. Автор совершенно правильно указывает на борьбу двух тенденций развития Сибири: феодально-охранительной и буржуазно-либеральной. Время управления Пестеля и Трескина ознаменовались победой первой тенденции. Но в этом случае возникает вопрос: были ли генерал-губернаторство Сперанского и реформы 1822 г. победой буржуазно-либеральной тенденции или хотя бы благоприятным для нее компромиссом?

Поскольку В. Г. Карцов отказался от оценки роли местной буржуазии в общественной борьбе, развернувшейся в Сибири, он лишил себя возможности проследить отражение этой борьбы в реформах 1822 г.

Давняя традиция представляла Сперанского чуть ли не единоличным автором всего законодательства 1822 г. Как в специальной работе о Батенькове, так и в «Истории Сибири» Карцов убедительно доказал, что Сперанский привлек к подготовке реформы «местные силы», широко использовал знания и опыт декабриста Г. С. Батенькова¹. Это, безусловно, важная заслуга исследователя. Вызывает, однако, удивление, что автор ограничился только упоминанием о расхождении между Батеньковым и Сперанским и отказался от раскрытия такого важного вопроса, как разница между первоначальными проектами преобразований и их законодательным оформлением в 1822 г. Это несколько умаляет сложность подготовки реформ. Думается, что автор имел возможность более широкого, чем это сделано в книге, сравнения проектов сибирских реформ с различными предложениями (в том числе декабристскими), относившимися к Сибири. Содержание проведенных реформ раскрыто автором с достаточной обстоятельностью, учитывая возможность издания. Как и большинство советских историков, Карцов особенно выделил из законодательства 1822 г. «Устав об управлении инородцев», разработанный в основном Г. С. Батеньковым. Он подчеркивает, что «Устав» решительно противостоит апартеистическим тенденциям Трескина и других представителей «феодално-охранительного направления». По характеристике автора, «Устав» «пресекал попытки местных властей изолировать коренное население Сибири от русского», способствовал развитию товарного ясака. «Устав» давал ясачным право отдавать своих детей в правительственные учебные заведения и открывать свои училища. Автор совершенно прав, когда утверждает, что это положение было глубоко прогрессивно для своего времени².

Существенное значение имеет и то обстоятельство, что Карцов довольно обстоятельно изложил историю издания степных законов, которые должны были представлять собой ряд прогрессивных продолжений «инородческого Устава». На других составных частях реформы автор останавливается меньше, отмечая только, что ее «собственно-административная сторона выглядит значительно консервативнее». Карцов показывает, что

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... С. 458.

² Там же. С. 459–461.

«Устав о ссыльных» был хоть и мизерной, но единственно возможной попыткой хоть чем-нибудь улучшить положение ссылаемых.

Отмечая слабые стороны административных реформ, Карцов в то же время указывает, что перед страной тогда стояла задача буржуазных преобразований и, «становясь на их путь, авторы реформы так или иначе содействовали социально-экономическому развитию Сибири». Не возражая в принципе против этого утверждения, считаем нужным отметить, что тезис о буржуазном характере реформ 1822 г. нуждается в более солидном фактическом обосновании.

Очерк реформы 1822 г., данный в «Истории Сибири», является по существу единственной сводной работой советских историков на эту тему. Он показывает достижения советской историографии и одновременно помогает понять, что тема на тот момент была далеко не исчерпана.

Следует отметить вклад в разработку проблемы реформ 1822 г. и авторов данного пособия. Они опубликовали ряд монографических исследований, в которых рассмотрели конкретные вопросы реформ Сперанского в Сибири¹.

Зарубежная литература, в которой рассматривается деятельность Сперанского в Сибири, представлена несколькими монографическими исследованиями. Два из них принадлежат перу М. Раева, известного американского ученого. Глава VIII «Michael Speransky» – об «управлении русскими провинциями» – посвящена в основном Сибири, а в следующей, IX главе рассматриваются «проекты реформирования провинциальной администрации». Именно эти разделы монографии потребовали от Раева дополнительного изучения Сибири, что вылилось в отдельную работу «Сибирь и реформы 1822 г.».

Оба исследования основаны на солидной источниковой базе. Автор хорошо знаком с российской литературой, свободно ориентируется в ней. Очевидно, это обстоятельство позволило ему с горечью заметить, что «поглощенные драматическими

¹ Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири ... 135 с. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма ... 165 с.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь ... С. 459–461; Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск, 2002. 208 с.

сюжетами революционного и идейного движения, историки перестали серьезно изучать государственно-политическую эволюцию» России XVIII–XIX вв. Именно данный вывод заставил Раева прежде всего поставить вопрос об эволюции системы управления русскими окраинами и России в целом.

Если в начальный период русской Сибири она интересовала правительство прежде всего как источник меха, то к началу XIX в. в связи с изменениями в экономике Сибири становилось совершенно очевидно, что она «может предложить нечто большее, чем некоторое количество дорогих мехов», и что она может стать «большим, чем принудительной резиденцией для преступников и нежелательных лиц»¹. Изменение взглядов на роль Сибири происходило наравне с изменением общегосударственной философии. Раев решительно подчеркивает свое несогласие с теми, кто считает, что в «1905 г. самодержавие было тем же самым, что и после Петра Великого в 1725 г.». Идеи Сперанского, по мнению Раева, оказали исключительное влияние на политическую эволюцию России. Не случайно именно ему, «одной из наиболее крупных фигур в истории России XIX в.», Александр I поручил на примере Сибири выявить все недостатки и трудности управления отдаленными регионами².

Основную причину ревизии Раев видит в упадке платежеспособности Сибири, прежде всего в сокращении ясачных поступлений пушнинаю. «До тех пор, пока местные правители ухитрялись доставлять пушнину в должном количестве, центральная власть оставляла их в покое», – отмечает он.

Однако «отсутствие четких инструкций и правил деятельности» превратило сибирских губернаторов в «подлинных сатрапов». Отдаленность окраины от центра, отсутствие надзора и контроля, «ясно очерченных законов, норм и установленных гарантий» оставляли губернаторам «полную свободу действий»³.

Итоги преобразовательной деятельности Сперанского в Сибири Раев оценивает очень высоко. О значении «Сибирского учреждения» американский историк говорит следующее: «Реформированная система управления, которая была введена в

¹ Raeff M. *Siberia and reforms of 1822*. Seattle, 1956. P. 244.

² Ibid. P. 252.

³ Ibid. P. 244.

1822 г., оставалась без серьезных перемен – базисом политической, социальной и экономической жизни Сибири вплоть до конца режима империи в 1917 г.»¹. С этим утверждением Раева трудно не согласиться.

В последней по времени появления монографии, принадлежащей перу Д. Стефана, вышедшей в Калифорнии в 1994 г., в комплексе рассматриваются основные вопросы истории Дальнего Востока от появления там первых русских землепроходцев до наших дней. Тем не менее в первых двух главах автор высказал некоторые суждения по интересующим нас вопросам.

Д. Стефан прежде всего отметил, что по мере расширения территории русского государства, вхождения в его состав новых окраинных земель перед московским правительством прежде всего встала задача организации системы управления и административного устройства на новых территориях. Уже с самого начала «Москва пыталась усилить контроль в Сибири» путем деления этой территории на маленькие остроги, сменой воевод и насаждением бюрократического принципа соподчиненности местных администраторов². Не имея перед собой задачи специального изучения истории административного устройства на востоке России, Д. Стефан тем не менее метко подмечает, что Пестель был на посту генерал-губернатора более 10 лет и, проводя большую часть этого времени в Петербурге, оставил по себе недобрую память. Сперанский же «в течение короткого периода управления Сибирью» «представил рациональные идеи просвещения в сибирскую администрацию»³. Цель этих «рациональных» идей Стефан видит прежде всего в четкой регламентации прав и обязанностей представителей местной администрации, в разделении функций и полномочий различных ветвей и ступеней властных органов⁴.

Таким образом, на сегодняшний день потребность в новой монографической разработке вопроса о реформах 1822 г. ощущается достаточно явственно. Проводившееся в последнее время углубленное изучение вопросов внутренней политики имперско-

¹ Raeff M. *Siberia and reforms of 1822*. P. 260.

² Stephan J. J. *The Russian Far East. A History*. Stanford, California, 1994. P. 21–22.

³ *Ibid.* P. 18–39.

⁴ *Ibid.* P. 39.

го правительства открывает возможность нового подхода к теме. Следует указать, что интерес к преобразованиям Сперанского объясняется не только значимостью их содержания, но и тем обстоятельством, что реформы 1822 г. так или иначе связаны с проблемой реформирования аппарата власти в современной России. Изучение исторического опыта организации взаимоотношений центра и периферии в области управления и административного устройства приобретает несомненную общественно-политическую актуальность и практическую значимость.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Перечислите законы, составившие «Сибирское учреждение» 1822 г.
2. Какой из этих законопроектов действовал до начала XX в.?
3. В чем суть областной концепции оценки реформ 1822 г. в Сибири?
4. Назовите и охарактеризуйте наиболее крупные зарубежные историографические явления проблемы.
5. Охарактеризуйте творческое наследие иркутских исследователей сибирской реформы 1822 г.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. История Сибири : учеб. пособие / В. П. Зиновьев [и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. – 470 с.
2. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 362 с.
3. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В. Г. Мирзоев. – М. : Мысль, 1970. – 392 с.
4. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.) : учеб. пособие / М. Б. Шейнфельд. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1973. – 398 с.
5. Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX в.) / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1984. – 315 с.
6. Дамешек Л. М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 1990. – 82 с.

ОЧЕРК 6

Иркутское декабристоведение: история, итоги и задачи изучения¹

Термин «иркутское декабристоведение» – достаточно условный. Он может пониматься как проблема изучения жизни и деятельности тех декабристов, кто оказался на поселении в пределах Иркутской губернии. В этом случае география исследователей весьма обширна, равно как доля и направленность их интереса к периоду «после восстания» и вписанности декабристов в местную жизнь со всеми ее закономерностями, противоречиями и особенностями. Это, безусловно, важный, но пока совершенно не исследованный историографический аспект в декабристоведении. Более привычное понимание этого термина – вклад иркутских историков в постановку и разработку проблемы «Декабристы в Сибири», что и станет предметом данного очерка.

Действительно, начиная с 20-х гг. прошлого века Иркутск стал своеобразным центром изучения пребывания «лучших людей из дворян» в сибирском крае. Нетрудно понять, почему это произошло. Во-первых, Восточная Сибирь еще со времен знаменитого протопопы Аввакума стала для властей идеальным местом изоляции от общества нежелательных, оппозиционных элементов. Среди тех, кто прошел через сибирскую ссылку, было немало людей известных, судьба которых интересовала и их современников, и потомков. Этот интерес особенно усилился после революции и утверждения в стране советской власти, когда широкие народные массы, разбуженные к активной жизни, строительству новых (и не всегда понятных им) отношений, нуждались в осознании корней происходящего. И в этом отношении борцы со старыми, отжившими порядками, ставшие к тому же, кто на время, а кто и навсегда, земляками сибиряков, должны

¹ Автор: Т. А. Перцева.

были привлечь особое внимание историков. А то обстоятельство, что Сибирь не перестала быть местом ссылки и в последующие годы, заставляло их не просто описывать условия жизни ссылных, но и попытаться определить соотношение позитивного и негативного влияния этого института карательной политики государства на развитие региона. Начало же серьезного влияния ссылных на местное общество было заложено, по общему, никем не оспариваемому (даже теми, кто видит в этом только отрицательную сторону) мнению, еще «первыми русскими революционерами» – декабристами.

Во-вторых, вокруг губернского города (хотя и не одновременно) находились на поселении более 50 декабристов, многие из которых оставили заметный след в экономической и культурной жизни региона, и благодарные иркутяне бережно хранили память об этом. Кроме того, именно здесь отложился огромный пласт официальных документов, касающихся всех сторон их ссылки, так как Иркутск был центром не только губернии, но и всей Восточной Сибири, т. е. была хорошая источниковая база для успешных исследований. В-третьих, наш город, в силу многих объективных и субъективных факторов, еще с XVIII в. считался городом, не чуждым образованию, науке и культуре, в котором постепенно сложился круг подлинной интеллигенции, готовой к творческой исследовательской работе. И, наконец, в открывшемся в 1918 г. университете одним из первых был создан исторический факультет, одной из важнейших задач которого было не только обучать студентов, но и повышать общий образовательный и культурный уровень местного населения. А этого легче всего было добиться через краеведение, изучение истории наиболее значимых и ценных в крае деятелей прошлого.

К этому времени усилиями самих декабристов, их детей (М. С. Волконского, Е. И. Якушкина), А. И. Герцена, историков М. В. Довнар-Запольского, С. Я. Штрайха и других увидели свет воспоминания М. Н. и С. Г. Волконских, И. Д. Якушкина, А. Е. Розена, С. П. Трубецкого. И хотя тиражи изданий были невелики, а некоторые выходили за границу, исследователи получили определенное представление о жизни дворянских революционеров в ссылке. Однако сибирские сюжеты пока не представляли для исследователей научного интереса. Чаще всего они

служили подтверждением жизненной стойкости и сохранения прежних убеждений (М. С. Лунин, И. Д. Якушкин) или культурного воздействия на местное население (Н. А. Бестужев, В. Ф. Раевский). На такое отношение к столь длительному периоду достаточно активной жизни декабристов (пусть и не очень героической), безусловно, повлияла скудость источниковой базы. Воспоминания участников событий и небольшой объем переписки, естественно, носили несколько односторонний характер, зачастую в них уделялось большое внимание фактам, важным для авторов, но ничего не прибавляющим к сведениям об их политической позиции, что в тот период было главным объектом внимания советских историков.

Для региональных же историков именно эти сюжеты – описания окружающей природы, обычаев местного населения, характеристики наиболее значимых для края людей – представляли большой интерес. Именно поэтому для первого этапа иркутского декабриствоведения (середина 1920 – середина 1950-х гг.) характерны попытки решения двух задач: расширение источниковой базы и по возможности более объективное описание условий пребывания декабристов в ссылке и их взаимоотношений с различными категориями здешних жителей. Это предопределило приоритет краеведческой направленности работ, вышедших в этот период.

Становление иркутского, как и сибирского, декабриствоведения в значительной мере связано со 100-летием со дня восстания 14 декабря 1825 г. Появившиеся в этот период работы¹ убедительно свидетельствовали о том, что «роль декабристов не закончилась на Сенатской площади. Как крупная культурная сила они занимают видное место в истории общественного движения в Сибири, занимают в тот момент, когда их теряет из поля своего зрения историк России»². Это принципиальное замечание, сделанное иркутским историком еще в 1925 г., определило два важ-

¹ Публикации в журналах «Каторга и ссылка», «Историк-марксист»; сборники «Декабристы на каторге и в ссылке. С. новых материалов и статей». М., 1925; «Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма». Иркутск, 1925; «Декабристы в Забайкалье». Чита, 1925; «Декабристы на поселении: Из архива Якушкиных». М., 1926; «Декабристы в Бурятии». Верхнеудинск, 1927 и др.

² Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Изд. Иркут. губ. архивбюро, 1925.

ных аспекта закономерности и необходимости сибирского декабристоведения: декабристы после приговора Верховного уголовного суда не выпали ни из времени, ни из пространства России. С одной стороны, Сибирь входила в состав империи, и то, что в ней происходило, хотя и имело свои особенности, являлось частью российской истории. С другой – миновав границу между Европой и Азией, невольные сибиряки не перестали быть самими собою, сохранив знания, нравственные качества, любовь к Отечеству и желание быть ему полезными. Игнорирование сибирского периода при изучении истории русского оппозиционного движения влекло за собой искажение реальной картины.

Зачинателем исследований в области сибирского декабристоведения в Иркутске можно считать Бориса Георгиевича Кубалова (1879–1966). Он был профессиональным историком, окончившим Новороссийский университет, автором учебника по русской истории для гимназии и самообразования, признанного одним из лучших и выдержавшего два издания. Как отмечал рецензент «Вестника воспитания», этот учебник был «свободен от фактических ошибок и проникнут стремлением ввести в обиход школы не фальсифицированную историю, а научные знания»¹. По-видимому, именно этим стремлением руководствовался Кубалов и в своей деятельности на историческом факультете Иркутского университета, преподавателем которого стал в 1922 г. Одновременно с этим он был назначен заведующим Губернским архивным бюро и вплотную занялся реорганизацией архивного дела в крае: было составлено описание фондов, проведена их научная классификация. Обилие декабристских материалов, о которых даже не было известно в то время столичным исследователям, приближающееся 100-летие со дня восстания на Сенатской площади и необходимость решения определенных педагогических задач во многом способствовали исследовательскому начинанию.

Среди историков-декабристоведов книга Б. Г. Кубалова «Декабристы в Восточной Сибири» давно и заслуженно пользуется авторитетом. Автор ввел в научный оборот большой пласт архивных материалов из фондов Главного управления Восточной Сибири, недоступных прежде исследователям. Им были по-

¹ Вестн. воспитания. 1909. Авг. С. 28–29.

ставлены, а частично и разрешены такие важные вопросы, как организация системы надзора за декабристами, декабристы и сибирское крестьянство, декабристы и местная администрация, эволюция взглядов дворянских революционеров в сибирский период и др.

Можно, конечно, говорить о недостаточной обоснованности некоторых выводов, определенной их прямолинейности и тенденциозности, однако эти слабости были присущи трудам многих историков начала 20-х гг. прошлого столетия. Советская историческая школа находилась в стадии становления, осваивая новую методологию и подыскивая соответствующие ей методы. Разумеется, приемы, характерные для предыдущего периода развития исторической науки, – описательность и иллюстративность использовались еще достаточно часто, особенно когда речь шла о проблемах региональных, зачастую относимых к разряду краеведческих и, следовательно, не имеющих самостоятельного значения.

Книгу Б. Г. Кубалова отличает своеобразное сочетание научного и краеведческого подходов в разработке избранной темы. Наверное, это объяснялось не только общим уровнем развития исторической науки того времени, но еще и тем, что она писалась в процессе создания учебного курса для студентов Иркутского университета. Решение просветительских задач также является одним из отличительных признаков краеведения. Наиболее явственно этот аспект в исследовании сибирского историка проявился в последней главе, названной им «У могил декабристов». Это, конечно, не означало, что в других разделах нет краеведческих сюжетов – даже если бы он захотел, не смог бы без них обойтись, раскрывая картину взаимоотношений «государственных преступников» и крестьян, причем не вообще, в теоретическом плане, а конкретно – в Малышевке, Урике, Оеке. Недосказанными и формальными были бы очерки, посвященные отдельным декабристам – М. С. Лунину, А. Н. Луцкому, членам «Общества военных друзей» А. И. Вегелину, К. Г. Игельstromу и М. И. Рукевичу. Но в них привлечение местного материала носило вспомогательный характер, подчеркивая и усиливая научные выводы.

В основу же последнего очерка легли данные полевых исследований членов губернской комиссии по празднованию де-

кабристского юбилея и студентов-историков. Они встречались с потомками декабристов В. А. Бечаснова и Ю. К. Люблинского, старожилami сел Малая Разводная, Смоленщина, Олонки, Урик, Малышевка и др., где в 30–50-е гг. XIX в. были поселены декабристы. Бесхитростные, порой не слишком складные воспоминания местных крестьян придавали дополнительные штрихи портретам «первенцев свободы». Вместе с тем в них не только отмечаются бытовые детали (дом Муравьева был «красивый, серый с колоннами и террасой на реку», или Бечаснов был «среднего роста, толстенький, нрава хорошего»), но и приводятся некоторые сведения об убеждениях ссыльных («Агафья Дмитриевна говорила своим детям, что их отец – Люблинский – недолюбливал Трубецкого С. П. и при встречах с ним всегда выговаривал ему по-французски, что тот, будучи выбран диктатором, не явился на площадь в день восстания»), указывается на активную позицию декабристов в период поселения (Бечаснов «вступался за крестьян перед начальством, в обиду не давал, здешних отстаивал, кого нужно, всегда просил за крестьян») ¹.

При этом автор вовсе не принимает все сказанное ему на веру. Привлекая для проверки официальные материалы, хранившиеся в ЦАВС (ныне ГАИО), опубликованную к тому времени часть переписки декабристов, он убеждается сам и убеждает читателя в правомерности доверия к памяти рассказчиков. Например, сведения, сообщенные К. Я. Пятидесятниковым о «бале», устроенном у М. К. Юшневской генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым, перекликаются с ее письмом к С. П. Юшневскому, рассказывающим о многолюдном прощальном обеде в ее доме ². Упоминание его же о том, что в памятник А. З. Муравьева «Ишневичиха положила беленького ангелочка» ³, подтвердилось находкой при вскрытии ниши памятника гипсового бюста одного из сыновей Артамона Захаровича (хранится ныне в Иркутском музее декабристов). Не приходится сомневаться и в правдивости его описания кончины А. И. Борисова, хотя в воспоминаниях декабристов и их современников этих подробностей нет ⁴.

¹ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 191, 198, 205.

² Там же. С. 191–192.

³ Там же. С. 194.

⁴ Там же. С. 195.

Другим направлением в работе Кубалова и его сотрудников было выявление местонахождения домов и усадеб декабристов, а также могил тех из них, кто умер в Сибири. За 70 лет, прошедших к тому времени со дня амнистии и отъезда оставшихся в живых на родину, многое изменилось в сибирских городах и селах. Дома переходили из рук в руки, перевозились на новые места, пожары и Гражданская война тоже способствовали исчезновению этих исторических памятников. Тем не менее историкам удалось достаточно точно определить, где они располагались прежде или куда были перенесены и как использовались к середине 1920-х гг. К сожалению, значительная часть с таким трудом найденного в течение следующих 90 лет по объективным и субъективным причинам была утрачена. Выявленные и атрибутированные Б. Г. Кубаловым могилы декабристов сохранились и находятся под охраной государства.

Однако книга иркутского историка, как ни велика была в ней краеведческая составляющая, имеет и большое научное значение. Прежде всего она ценна большим комплексом архивных материалов, которые автор впервые ввел в научный оборот. В том же году под его редакцией были издан сборник «Сибирь и декабристы», в котором значительное место занимали именно документальные материалы. В каждом очерке своей книги Кубалов приводит выдержки из переписки ссылных дворян с родными и друзьями, с местными властями, официальные документы, касавшиеся условий их пребывания на каторге и поселении, отзывы современников. В сочетании с уже известными к тому времени воспоминаниями декабристов эти публикации существенно расширяли источниковую базу, предоставляя историкам возможность по-новому взглянуть на историю декабристской ссылки. После этого, как справедливо, правда много позже, отмечала М. В. Нечкина, она уже не могла рассматриваться как «необязательный привесок к теме ... не имеющий научного интереса вообще» или как «беглая концовка о тяжелой участи тех, кто был членом тайного общества и участвовал в движении», но вписывалась в «рамки огромной проблемы – общественного движения и революционной борьбы России этих же лет»¹.

¹ Нечкина М. В. Несколько слов о сибирском трехтомнике: Вместо предисловия // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975. С. 7, 9.

В своей работе Б. Г. Кубалов наметил основные направления для будущих исследователей декабристской ссылки: «Декабристы и местная администрация», «Взаимоотношения декабристов с различными категориями местного населения», «Деятельность декабристов в экономической и культурной сферах», биографии отдельных декабристов. Бесспорно, во многом привлёкшие внимание исследователя вопросы представлены описательно, часто он пересказывает своими словами содержание найденных им документов, лишь вкрапляя собственные оценочные суждения, порой весьма эмоциональные. Таковы сюжеты о взаимоотношениях декабристов и сибирских крестьян. На основе писем, прошений, ежемесячных донесений о поведении «государственных преступников», воспоминаний старожилов автор показывает своеобразную просветительскую роль последних в крестьянской среде: обучение детей грамоте (В. Ф. Раевский, братья Беляевы), обучение односельчан новым методам хозяйствования (С. П. Трубецкой, М. К. Кюхельбекер). В очерке «Крестьяне Восточной Сибири и декабристы» он приводит немало примеров близких, доверительных отношений, сложившихся между невольными односельчанами¹. Вместе с тем следует отметить и определенную объективность историка: при всем уважении к первым русским революционерам (что для того времени было вполне естественно), он не закрывает глаза и не пытается скрыть и некоторые негативные моменты в их сибирском житье: «Большою ошибкой было бы, конечно, рисовать взаимоотношения крестьян Восточной Сибири и живших среди них декабристов в тонах мирной сельской идиллии, ошибочно было бы и утверждение, что в течение тридцатилетнего пребывания декабристов в деревенской глуши они имели столкновения лишь с представителями сельской старшины, притеснявшей крестьян, да с кулаками-мироедами. Были у декабристов столкновения и с рядовым крестьянством»². Кубалов раскрывает суть этих противоречий. Если в конфликте Д. П. Таптыкова в Малышевском селении причиной были «кулаки-мироеды, державшие в страхе общественников», Соколовы, самовольно захватившие те участ-

¹ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 78, 80, 83, 84.

² Там же. С. 97.

ки, что были предназначены для декабристов¹, то, по мнению автора, корень недовольства крестьян бывшим помещиком М. И. Рукевичем нужно искать в тех приемах ведения хозяйства, которые усвоены были им на родине и прямолинейно проводились в Приленской глуши. На первом плане ставилась эксплуатация крестьянского труда, рабочей силы. Высокомерное отношение Рукевича к крестьянам в условиях сибирской жизни было совершенно недопустимым и уж, конечно, не могло привлечь к нему симпатии крестьян, тем более что Рукевич, если верить словам генерал-губернатора Руперта, «не только притеснял, угрожал, но и бил крестьян»².

Попытка уйти от краеведческого описания условий жизни в сторону научного анализа мировоззрения декабристов была предпринята Б. Г. Кубаловым в очерке, посвященном М. С. Лунину. Здесь историк использует не только воспоминания и официальные документы, но и политические памфлеты и статьи декабриста, частично опубликованные к этому времени³. Вряд ли можно согласиться с автором в том, что «Лунин в годы каторги и ссылки прежде всего религиозный мыслитель» и его политическая позиция – своего рода ответ на призыв католической церкви «решать все жизненные вопросы»⁴. Достаточно наивной выглядит и аргументация того, что еще в Париже Лунин «принял не католичество, а скорее монашество или священнический сан». Вряд ли серьезной причиной для такого вывода могут служить «характерные для нее [сутаны] пуговицы»⁵, которые он разглядел на портрете декабриста. Тем не менее не просто приводятся цитаты из «Взгляда на русское тайное общество» или «Записной книжки» Лунина, но дается оценка суждениям их автора, рассматриваются условия, в которых были сделаны эти выводы. Впервые иркутский историк публикует сведения о круге иркутян, которых декабрист считал возможным ознакомить со своими сочинениями⁶.

Книга Б. Г. Кубалова имеет и еще одно несомненное достоинство – возможно, потому что выросла из его работы над спец-

¹ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 79.

² Там же. С. 98.

³ Лунин М. С. Сочинения и письма. Пг., 1923.

⁴ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 133.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 144–145.

курсом для студентов исторического факультета: некоторые фрагменты анализа им документов вполне можно использовать как пример работы с источником. Так, разбирая печально знаменитую инструкцию гражданскому губернатору о мерах, «какие необходимо принять к оставлению в Иркутске жен декабристов», он не довольствуется представлением только окончательных пунктов, но приводит пометки, сделанные лично Николаем I. Благодаря этому вывод о том, что император, «войдя в роль следователя и грозного судьи, не мог предоставить комитету полной свободы действий и ... входит во все мелочи, исправляет, редактирует»¹, выглядит обоснованным и убедительным.

Таким образом, работа Кубалова действительно определила основные направления исследований для иркутских историков. Однако на первом этапе превалировал научно-краеведческий аспект. Это было характерно и для других работ самого Кубалова². Исключение составляет его статья в «Сибирской советской энциклопедии»³, носящая в известном смысле обобщающий характер. Правда, скромный объем статьи, допустимый в такого рода изданиях, позволил лишь констатировать ставшие к этому времени известными факты без их серьезного анализа.

Большая часть работ, увидевших свет на первом этапе иркутского декабристоведения, посвящена отдельным сторонам жизни и деятельности декабристов в Сибири: условиям их пребывания на каторге и поселении, хозяйственным, литературным и научным занятиям, уточнению биографических сведений⁴. Не

¹ Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. С. 8–9.

² Кубалов Б. Г. Сибирское общество и декабристы // Каторга и ссылка. 1925. № 8. С. 139–171; Он же. В местах ссылки декабристов // Сибирь. 1926. № 2. С. 4 и др.

³ Кубалов Б. Г. Декабристы в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1029. Стб. 795–804.

⁴ Базилевич В. Областное деление Сибири в проектах декабристов // Сибирь и декабристы. Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 41–46; Дербина В. Декабрист А. Веденяпин в Сибири // Сибирь и декабристы; Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 47–64; Стож М. Е. Декабристы в Сибири // Стож М. Е. Летопись Сибири и предания старины. 1581–1925 гг. Вып. 1. Иркутск, 1925. С. 7–14; Одинцова М. К. Декабристы – солдаты // Сб. тр. ИГУ. Вып. 12. 1927. С. 31–50; Жеребцов Б. О сибирской литературной традиции: Наблюдения и заметки // Сиб. лит.-краевед. сб. Вып. 1. Иркутск, 1928. С. 23–50; Кунгуров Г. Ф. Пушкин и старая Сибирь. Иркутск, 1949. С. 4–11; Кудрявцев В. А., Вендрих Г. А. Декабристы и петрашевцы в Иркутске // Кудрявцев В. А., Вендрих Г. А. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 104–118; Богданова М. М. Декабрист-крестьянин П. Ф. Дунцов-Выгодовский. Иркутск, 1959 и др.

все из авторов были иркутянами, но то, что свои исследования они публиковали именно в нашем городе, свидетельствует о признании его своеобразным центром сибирского декабристоведения. За редким исключением, эти авторы не ставили своей задачей изучение мировоззрения декабристов в сибирский период, сосредоточивая свое внимание в большей степени на их просветительской деятельности.

Большое влияние на развитие данной проблематики в Иркутске, кроме Б. Г. Кубалова, оказали Федор Александрович Кудрявцев (1899–1976) и Марк Константинович Азадовский (1888–1954). Первый из них окончил Иркутский университет (1924 г.), работал в учебных заведениях и архивах Иркутска и Улан-Удэ, что определило сферу его дальнейших научных интересов: история Иркутска, бурятского народа. При изучении их невозможно было обойти вниманием деятельность ссыльных дворян, на тридцать лет ставших неотъемлемой частью этой истории. Кроме того, интерес, проявленный Ф. А. Кудрявцевым к теме «Декабристы в Сибири», поддерживался и гордостью за то, что один из этих необыкновенных людей – В. Ф. Раевский – провел более 40 лет в его родном селе Олонки. Рассказы его собственного деда – Егора Николаевича, племянницы жены Раевского П. Н. Ружицкой, хорошо помнившей декабриста, и других односельчан и легли в основу его первой декабристской публикации в газете «Власть труда»¹. В 1925 г. эта статья о «первом декабристе», дополненная материалами, сохранившимися в фондах Главного управления Восточной Сибири областного архива, вошла в сборник «Сибирь и декабристы», изданный в Иркутске. В эти же годы увидели свет и статьи, посвященные сибирским годам жизни В. К. и М. К. Кюхельбекеров и К. П. Торсона².

Работам Кудрявцева этого периода присущи некоторая описательность, обильное цитирование документальных источников. Впрочем, это было характерно для большинства сибирских историков на первом этапе советской исторической науки, так как главными задачами этого этапа были постановка вопросов,

¹ Кудрявцев Ф. «Первый декабрист» В. Ф. Раевский в селе Олонках // Власть труда. 1924. 4 нояб.

² Кудрявцев Ф. А. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении // Жизнь Бурятии. 1925. № 9. 12. С. 127–139; Он же. Декабрист К. П. Торсон в Забайкалье // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 79–87.

требующих исследования, обоснование актуальности выдвигаемых проблем, введение в научный оборот новых данных. В первых статьях молодого автора эти задачи, особенно последняя, решались с большим успехом. Многие исследователи, обращавшиеся позже к затронутым им проблемам (например, М. Ю. Барановская, М. К. Азадовский, С. Ф. Коваль, А. Б. Шешин, М. Н. Шмулевич), не могли обойти вниманием сделанное их предшественником, обязательно отмечали ценность выявленных им источников. В дальнейшем Ф. А. Кудрявцев проявлял большой интерес не отдельным декабристам (им была опубликована только одна статья, посвященная Н. А. Бестужеву¹), но влиянию их как некой интеллектуальной, прежде всего культурной, совокупности на Сибирский край².

Окончивший в 1913 г. историко-филологический факультет Петербургского университета М. К. Азадовский по своим научным интересам был литературоведом, фольклористом, этнографом. Заведуя с 1923 г. кафедрой русской литературы в Иркутском университете, он так же активно, как и Б. Г. Кубалов, включился в работу по подготовке к 100-летию со дня восстания декабристов, тем более интересную для него, что среди «первенцев русской свободы» было немало литераторов. К тому же некоторые из них интересовались фольклором, условиями жизни и обычаями коренных народов Сибири. Не случайно первые декабристоведческие работы Азадовского были посвящены именно этим сторонам деятельности ссыльных дворян³. Однако, сохра-

¹ Кудрявцев Ф. А. Декабрист Н. А. Бестужев о хозяйстве бурят Селенгинского района // Зап. Бур. НИИ культуры. Вып. 24. 1957. С. 270–275.

² Кудрявцев Ф. А. Пионеры культуры // Кудрявцев Ф. А. От казачьего зимовья до советского Иркутска (1652–1920). Иркутск, 1940. С. 48–58; Он же. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х гг. XIX в.): Очерк. М.; Л., 1940; Он же. Памятники пребывания декабристов в Сибири // Кудрявцев Ф. А. Исторические памятники Иркутской области XVII–XX вв. Иркутск, 1949. С. 20–33.

³ Азадовский М. К. Николай Бестужев – этнограф: (К столетию 14 декабря 1825 г.) // Сиб. живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 9–40; Он же. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири // Сибирь и декабристы: Статьи, материалы, неизвестные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 77–112; Он же. Поэма Шамиссо о декабристе А. Бестужеве // Сиб. огни. 1926. № 3. С. 148–157; Он же. Якутская поэма декабриста Чижова // Очерки по изучению Якутского края. Вып. 2. Иркутск, 1928. С. 122–127; Он же. Неосуществленный замысел побега декабристов из Читы (Неопубликованная глава из записок Завалишина) // Декабристы и их время. М., 1928. Т. 1. С. 216–228; Он же. К вопросу о сочинениях Лунина // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 98–103.

няя верность избранной тематике, историк уделял внимание и политическим воззрениям, общественной значимости поступков и дел декабристов: «Именно с декабристов начинается великая культурная роль политической ссылки в Сибири. ... В этой работе среди населения многим декабристам виделось продолжение той же работы, которая привела их на Сенатскую площадь и в сибирские казематы, – и вместе с тем в ней для многих был как бы выход в жизнь, средство сохранить свое «политическое существование за пределами политической смерти» (выражение Мих. Бестужева)»¹.

Стремление ввести в научный оборот неизвестные до того времени источники заставляло многих авторов не столько анализировать их, сколько пересказывать, снабжая лишь небольшими пояснениями и комментариями. Излишнее доверие к новому источнику, а порой и невозможность перепроверить указанные в нем сведения по другим, еще не открытым документам приводило отчасти к односторонности в освещении тех далеких событий и даже некоторому искажению реальной картины. Азадовский видел в этом определенную опасность для исследователей и почти век назад предостерегал коллег: «В том рисунке, который мы даем, есть существенный недостаток: он чересчур общ, и эта общность придает ему вдобавок некоторую иконописность (столь свойственную большинству работ о пребывании декабристов в Сибири). Но эта общность почти неизбежна при тех источниках, которыми мы пока располагаем»². Вероятно, именно поэтому в дальнейшем свою главную задачу ученый видел в подготовке к публикации декабристских материалов³.

Переезд в Ленинград и новые, требующие большого напряжения сил обязанности (возглавлял сектор фольклора в Институте русской литературы АН СССР и кафедру в университете), несколько отвлекли ученого от декабристской темы. Но после осуждения его в 1949 г. за «систему порочных, законченно кос-

¹ Азадовский М. К. Странички краеведческой деятельности декабристов ... С. 94.

² Там же. С. 93.

³ Бестужев Н. А. Дневник путешествия нашего из Читы. 1830 / прим. М. К. Азадовского // Атеней. 1926. № 3. С. 21–25, 32–34; Бестужевы М. и Н. Письма из Сибири. Вып. 1. Селенгинский период. 1839–1841 / ред. и прим. М. К. Азадовского, И. М. Троицкого. Иркутск, 1929; Воспоминания Бестужевых / ред., введ. ст. и прим. М. К. Азадовского, И. М. Троицкого. М., 1931.

мополитических взглядов» и увольнения из университета и Пушкинского дома он вновь возвращается к декабристам. В 1951 г. в серии «Литературные памятники» выходят «Воспоминания Бестужевых». Это издание стало своего рода эталонным для публикации источников в дальнейшем. И дело было не только в расширении круга документов по сравнению с предыдущими изданиями наследия Бестужевых. Здесь были исправлены недочеты и ошибки, допущенные прежде (например, уточнено авторство: автор «Дневника путешествия нашего из Читы. 1830» – не Николай, а Михаил Бестужев), вступительная статья содержала не только характеристику самих источников, но представляла собой исследование всех сторон личности их автора, условий создания публикуемых произведений, степени их достоверности. Принципиально новым был и подход к комментированию. Как правило, в то время было принято в комментариях указывать краткие сведения об упоминаемых в документе персонажах и событиях – по принципу «кто, что, где, когда». По мнению же Азадовского, комментатор «не имеет права ограничить себя ролью поставщика справочных и дополнительных материалов: он обязан явиться прежде всего исследователем, неизменно критически относящимся и к тексту комментируемого памятника, и к тем материалам, которые он привлекает в своих примечаниях. Кроме того, каждые материалы выдвигают перед комментатором свои специфические задачи, обусловленные их общим характером и главным образом сущностью политической позиции их автора»¹. Именно поэтому ответ на первый вопрос он перенес в аннотированный именной указатель, а примечания стали своеобразным продолжением исследовательской вступительной статьи, являясь «в сущности небольшими монографиями, восполнявшими существовавшие в то время пробелы в историографии»².

По тому же принципу выстроены и подготовленные им для серии «Литературное наследство» публикации материалов К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, В. Ф. Раевского и А. И. Яку-

¹ Азадовский М. К. Записки И. Д. Якушкина и комментарий к ним // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Кн. 1. С. 319–320.

² Житомирская С. М. К. Азадовский – историк декабризма // Там же. С. 29.

бовича¹, правда, первые две были напечатаны не под его именем. Но главным трудом М. К. Азадовского в декабристоведении стала работа «Затерянные и утраченные произведения декабристов»². Задуманный как обзор не дошедших до наших дней литературных, экономических, политических сочинений первых русских революционеров, замысел перерос свои рамки. На основе анализа нескольких сотен воспоминаний, писем, дневниковых записей, критических статей автор исследует условия создания произведений, задачи, которые решались при их написании, влияние на их содержание эстетических и политических взглядов творцов, воздействие на читателей, время и причины их утраты. Все это, безусловно, подтверждает итоговый вывод декабристоведа; «Перечень существовавших, но не дошедших до нас произведений, созданных декабристами в области политики, науки и литературы, значительно расширяет наши представления о богатстве и разнообразии вклада, внесенного декабристским движением в национальную культуру страны»³. Данный вывод, не декларируемый, а глубоко обоснованный, ставил перед историками новую задачу – рассматривать декабристов как поликультурное явление, оказавшее существенное влияние на развитие ментальных особенностей русского народа. И высокая оценка, сделанная известным декабристоведом Ю. Г. Оксманом («Я буквально потрясен вашим размахом, зрелостью и тонкостью конкретных наблюдений богатством материала, точностью приемов изучения, блестящим литературным оформлением, высотой теоретического уровня. ... Без этой работы не обойдется ни один исследователь декабризма, ни один специалист по вопросам истории рус<ской> культуры – лет 75, никак не меньше»⁴³⁴), не кажется преувеличением.

¹ Константинов М. К. О принадлежности Рылееву рецензии на «Мнемозину»; Литературная деятельность Кюхельбекера накануне 14 декабря (по неизданным письмам А. Е. Измайлова) // Лит. наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. М., 1954. С. 273–284, 531–540; Воспоминания В. Ф. Раевского / публ. и вступ. ст. М. К. Азадовского; Азадовский М. К. О литературной деятельности А. И. Якубовича // Лит. наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. Т. 2. М., 1956. Кн. 1. С. 47–128, 271–282.

² Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Там же. С. 601–777.

³ Азадовский М. К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Кн. 2. С. 202.

⁴ Цит. по: Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Кн. 1. С. 42.

Не следует удивляться тому, что в обзоре, посвященном иркутскому декабристоведению, такое внимание уделяется ленинградским трудам Азадовского. Отъезд из Иркутска не прервал его связей с нашим городом. Значительная часть материалов, использованных им в этих работах, была собрана здесь. Не прерывалась его связь с местными исследователями, например с писателем и литературоведом Г. Ф. Кунгуровым. Во время эвакуации, в 1941–1943 гг., он вновь преподавал в Иркутском университете. В Иркутске были опубликованы некоторые его работы, как и уехавшего в Москву Б. Г. Кубалова¹³⁵. И, разумеется, знакомство с их трудами способствовало формированию нового поколения иркутских декабристоведов.

Выход в свет в 1955 г. фундаментального труда М. В. Нечкиной, представившей в хронологическом порядке историю движения декабристов, казалось бы, подводил итог сделанному и закрывал тему. На определенную тенденциозность и некоторую прямолинейность в оценке событий и позиции деятелей движения, безусловно, присущие этой работе, в те времена не принято было обращать внимание. Однако сибирский период не нашел достойного отражения в литературе, что позволяло историкам из Сибири, не нарушая принятых тогда правил, продолжать свои исследования, постепенно перенося акцент с бытовых условий ссылки декабристов и их культурного влияния на развитие их мировоззрения.

Именно в этот период в иркутское декабристоведение пришел Семен Федорович Коваль (1926–2005). Первой его научной публикацией стала дипломная работа о В. Ф. Раевском, вышедшая в Иркутском областном издательстве в 1951 г.² Уже в ней можно увидеть некоторые черты, ставшие обязательными для всех последующих исследований ученого: тщательное изучение трудов предшественников; возможно более полное использование доступных в его положении источников; «вписывание» даже одного человека, данных его биографии в контекст эпохи и, наконец,

¹ Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск, 1947; Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862) («Полярная звезда», «Голоса из России», «Колокол» и «Под суд!» в Сибири). Иркутск, 1958.

² Коваль С. Ф. Декабрист В. Ф. Раевский. Иркутск, 1951. 132 с.

четкая личностная, авторская, позиция, хотя, как и положено было в то время, он никогда не пользовался местоимением «я».

Первые работы С. Ф. Ковалья были посвящены отдельным моментам сибирской жизни В. Ф. Раевского и М. и Н. Бестужевых¹, по-видимому, наиболее близких ему по деятельному характеру, верности идеалам, определенной бескомпромиссности, свойственным и ему самому. В этих статьях он полностью следовал за своими учителями М. К. Азадовским, Б. Г. Кубаловым и Ф. А. Кудрявцевым, вводя в научный оборот новые данные о пребывании декабристов в Сибири и доказывая весомость их вклада в развитие края. И хотя позже он сам утверждал, что проблема «Декабристы и Сибирь» получила научную направленность с середины 20-х гг. XX в., его собственные статьи 50–60-х гг. в значительной мере оставались краеведческими. Однако он уже ощущал «узость» этого аспекта проблемы. В предисловии к документальному сборнику «Дум высокое стремление» С. Ф. Коваль констатировал: «Краеведческие рамки для определенных тем и некоторых аспектов проблемы стали тесными, сдерживающими развитие сибирского декабристоведения и истории дворянского этапа освободительного движения в целом»². Но для окончательного перехода от краеведческого к научному подходу изучения данной проблемы требовалось расширение источниковой базы и обеспечение ее доступности для исследователей.

Начало решению этой задачи было положено в дни подготовки к 150-летию со дня восстания «первенцев свободы», когда в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышел «сибирский трехтомник»³. Первый из них – «Своей судьбой гордимся мы», куда вошли фрагменты уже хорошо известных воспомина-

¹ Коваль С. Ф. О некоторых публикациях из литературного наследия В. Ф. Раевского и новом его автографе // Новая Сибирь. 1957. № 36. С. 3–19; Он же. Декабрист-крестьянин П. Ф. Дунцов-Выгодский // Сиб. огни. 1960. № 1. С. 190–192; Он же. Страничка из жизни декабристов Михаила и Николая Бестужевых на поселении в Селенгинске // Тр. Бурят. комплекс. НИИ СО АН СССР. 1961. Вып. 6. Сер. Ист.-филол. С. 161–175.

² Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири / сост., предисл., послесл. и коммент. С. Ф. Ковалья. Иркутск, 1975. С. 6.

³ Своей судьбой гордимся мы: Декабристы в Сибири / сост. М. Сергеев. Иркутск, 1973. 342 с.; Дум высокое стремление: Декабристы в Сибири / сост. С. Коваль. Иркутск, 1975. 333 с.; В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975 / сост. и науч. ред. С. Ф. Коваль. Иркутск, 1975. 324 с.

ний декабристов и двух декабристок – П. Е. Анненковой и М. Н. Волконской – был подготовлен иркутским писателем М. Д. Сергеевым. Сборники «Дум высокое стремленье» и «В сердцах Отечества сынов» были подготовлены к печати С. Ф. Ковалем. Первый из них был составлен из публицистических произведений декабристов (В. Ф. Раевского, М. С. Лунина, В. И. Штейнгейля и др.) и воспоминаний их современников (Н. А. Белоголового, Б. В. Струве, М. Д. Францевой и др.). В сборник «В сердцах Отечества сынов» вошли как опубликованные исследования 1920–1930-х гг. М. К. Азадовского, В. Е. Дербиной, Н. М. Дружинина, так и не опубликованные по каким-то причинам статьи Б. Г. Кубалова, Ю. Г. Оксмана и не публиковавшиеся до того письма декабристов. Кроме того, в нем были представлены некоторые новые работы советских историков, в том числе и статья самого Семена Федоровича, посвященная влиянию декабристов на формирование общественного движения в Сибири. Привлечение воспоминаний и писем как единомышленников декабристов – петрашевца Ф. Н. Львова, иркутских литераторов и публицистов В. И. Вагина, М. В. Загоскина, М. П. Шестунова, так и их противников – М. А. Бакунина, чиновников Д. Н. Гурьева, М. С. Корсакова и др., сопоставление высказанных в них мнений и аргументов позволили автору убедительно доказать свою точку зрения. Одновременно он показал, что полноте и объективности исследования в значительной степени способствует применение разнообразного инструментария, в роли которого выступают разнотипные, порой противостоящие друг другу источники.

Не умаляя значения сделанного М. Д. Сергеевым в первом сборнике, следует все же обратить внимание на разность подхода к составительской и редакторской работе писателя и историка. Для Сергеева основополагающим было воздействие на эмоции читателя. Этим был продиктован и отбор фрагментов из достаточно объемных воспоминаний – зерентуйский заговор И. И. Сухинова (И. И. Горбачевский), быт и братство декабристов в Чите и Петровском Заводе (А. П. Беляев, И. Д. Якушкин), впечатления о природе и людях Сибири (Н. В. Басаргин), противостояние жен декабристов местной администрации на их пути к

мужьям (П. Е. Анненкова). Комментарии к этим отрывкам носили краткий, справочный характер, занимали всего две странички.

Иного свойства были отбор и комментирование в сборниках Коваля. В предисловии к сборнику «Дум высокое стремление» он объясняет причины объединения в нем «двух самостоятельных частей, разнородных по содержанию»: «В первой представлен лишь один вид литературной деятельности декабристов в Сибири, хотя и очень важный, если не самый важный, а во второй – воспоминания современников... воспроизводящие преимущественно морально-бытовую сторону жизни и деятельности декабристов в Сибири. Сборник скреплен единством цели – познакомить читателя с важнейшими первоисточниками, отражающими общественную среду, в которой развертывалась многообразная деятельность декабристов»¹. Этой же цели служат и сравнительно обширные примечания, где приводятся не только биографические справки об упоминаемых в публикациях лицах, но и даются дополнительные сведения об указанных событиях, объясняются причины той или иной авторской позиции, указывается на ошибки, допущенные мемуаристами, а также адреса мест хранения документов или предыдущих публикаций. Эти принципы стали в дальнейшем основополагающими в будущих иркутских сериях – «Полярная звезда» и «Сибирь и декабристы».

Продолжая эту традицию, десять лет спустя С. Ф. Коваль подготовил к изданию сборник воспоминаний современников о пребывании декабристов в Сибири. В него были включены и хорошо известные, хотя и труднодоступные мемуары Л. Ф. Львова, С. И. Черепанова, П. И. Першина-Караксарского, А. П. Созонович, Б. В. Струве, и практически неизвестные до того воспоминания вдовы олонского священника Сперанской, дьячка читинской церкви С. Н. Малкова, дочери начальника Петровского Завода Е. О. Дубровиной, морского офицера из эскадры адмирала Путятина А. М. Линдена². Собранные под одной обложкой и сгруппированные по географическому принципу (иркутская, забайкальская, западносибирская поселенческие колонии), эти воспоминания предоставляют исследователю возможность ис-

¹ Коваль С. Предисловие // Дум высокое стремление ... С. 8–9.

² Там же. С. 8–9.

пользовать их при изучении не только декабристской тематики, но и многих других аспектов истории Сибири.

Подготовка к 150-летию восстания декабристов поставила перед иркутскими историками ряд новых задач, которые объединили историков, литературоведов, музейных работников и представителей Общества охраны памятников истории и культуры. Был создан проблемный совет «Декабристы и Сибирь» при Иркутском государственном университете, подготовивший проведение всесоюзной конференции «Декабристы и русская культура» в сентябре 1975 г. Впоследствии в Иркутске состоялось еще пять встреч историков, на которых ученые получили возможность обсудить новые идеи и поделиться своими открытиями¹.

На конференции 1975 г. выявилась узость доступной провинциальному историку источниковой базы декабристской ссылки. Поэтому возникло предложение организовать издание документальной серии, представляющей сибирское наследие первых русских революционеров. Инициаторами были известный московский исследователь Н. Я. Эйдельман, иркутский историк С. Ф. Коваль, писатель М. Д. Сергеев и директор Восточно-Сибирского книжного издательства Ю. И. Бурыкин, входившие в состав редколлегии «Полярной звезды» до своей смерти. Идея была поддержана в Институте истории АН СССР, в обосновании необходимости подобного издания приняла участие академик М. В. Нечкина. В феврале 1978 г. новое издание было утверждено на коллегии Госкомиздата.

Серия «Полярная звезда» является продолжающимся изданием документального наследия декабристов, она включает в себя научные, литературные и публицистические произведения, мемуары, дневники и письма, составляющие уникальную источниковую базу для изучения истории русского общественного движения и различных аспектов истории Сибири. Задуманная как необходимый инструмент для исследований профессиональных историков, серия очень скоро превратилась в издание, нуж-

¹ Сибирь и декабристы (1981, 1985); Пушкин – Сибирь – Декабристы (июнь 1987); Декабристы: История и современность (декабрь 2000 г.). Последняя конференция, посвященная 180-летию прибытия декабристов в Сибирь и 150-летию со дня амнистии, состоялась уже после ухода Семена Федоровича, в сентябре 2006 г.

ное всем, кому небезразлична судьба Отечества во всей ее полноте – с прошлым, настоящим и будущим.

Серия изначально была задумана как всесоюзное издание, поэтому в состав редколлегии входили москвичи, ленинградцы (ныне петербуржцы), иркутяне. В разные годы ее возглавляли академик М. В. Нечкина, академик И. Д. Ковальченко, профессор МГУ, академик РАЕН В. А. Федоров, профессор МГУ, директор ГАРФ С. В. Мироненко. Бессменным заместителем главного редактора до своей кончины был доцент ИГУ С. Ф. Коваль, ответственным секретарем – иркутский писатель М. Д. Сергеев, после него – директор Иркутского музея декабристов Е. А. Ячменёв.

К подготовке томов были привлечены ведущие декабристovedы страны: М. В. Нечкина, С. В. Житомирская, Ю. И. Герасимова, В. А. Федоров, С. В. Мироненко, Н. Я. Эйдельман (Москва), А. А. Брегман, Е. П. Федосеева, В. П. Павлова, Г. А. Невелев, (Санкт-Петербург), Н. П. Матханова (Новосибирск), И. В. Порох (Саратов), О. С. Тальская (Барнаул), Т. С. Комарова (Красноярск), С. Ф. Коваль, В. П. Шахеров (Иркутск). Было опубликовано наследие как руководителей и идеологов Северного и Южного обществ С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, А. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, М. А. Фонвизина, В. Ф. Раевского, С. Г. Волконского, М. С. Лунина, Г. С. Батенькова, так и рядовых участников движения А. Е. Розена, М. А. Назимова, П. А. Муханова, В. И. Штейнгейля, А. Ф. Бригена, Н. И. Лорера, Н. В. Басаргина, А. В. Поджио, П. С. Бобрищева-Пушкина.

Все тома серии носят научный характер. Публикуемые материалы сопровождаются вступительными статьями, научным комментарием и указателями. Тексты, независимо от наличия прежних изданий, печатаются по архивным источникам. Характер вступительной статьи во многом зависит от личности декабриста, которому посвящен том, от степени изученности в науке его жизни и творчества, особенностей его наследия. Содержание комментария определяется составителями. Разумеется, ограниченный объем томов требует точных, четких и кратких примечаний и исключает возможность превращения их в обширные исследовательские этюды, однако авторы сумели разъяснить трудные моменты в документах, уточнить неверно освещенные факты, объяснить взаимоотношения автора с упоминаемыми в до-

кументе лицами и т. п. Все это превращает работу составителей в серьезные конкретно-исторические и источниковедческие исследования. Подводя своеобразный промежуточный итог сделанному в 1996 г., С. Ф. Коваль указывал на многогранность и разнообразие творчества представленных в серии авторов, интересных не только историкам: «В ней каждый найдет нужное: интересующийся политическими и философскими проблемами не пройдет мимо М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, Г. С. Батенькова; вопросами литературной и общественной жизни – обратит внимание на П. А. Муханова, И. Д. Якушкина, В. Ф. Раевского и Н. В. Басаргина; военными – прежде всего на С. Г. Волконского; просто житейскими и семейными – конечно, в первую очередь на С. П. Трубецкого, а потом и на других. И в каждом томе, в большей или меньшей степени, но обязательно малоизвестные страницы из истории Сибири, а у В. И. Штейнгейля так целые пласты. Интересующиеся судебной системой в России, особенно военной, искусством самозащиты, найдет обильный материал в двухтомном наследии декабриста В. Ф. Раевского»¹.

Вышедшие к настоящему времени 28 томов «Полярной звезды» существенно расширили источниковую базу, способствовали более плодотворной работе историков, в том числе провинциальных, не всегда имеющих возможность работать в центральных и областных, рассеянных по всей Сибири, архивах. Положенный в основу этих публикаций «биографический подход, – как писала в одной из рецензий новосибирская исследовательница Е. И. Матханова, – позволил воссоздать живой образ декабриста, его мировоззрение, его индивидуальные черты, взаимоотношения с товарищами»². Однако значимость серии не исчерпывается ценностью документальных материалов. Биографический очерк и обширные комментарии к каждому тому носят серьезный исследовательский характер и отражают авторскую позицию составителей и членов редколлегии, что делает эти издания еще и своеобразным историографическим источником.

¹ Коваль С. Ф. Полярная звезда (К истории возникновения. Задачи и перспективы) // Земля иркутская. 1996. № 6. С. 54.

² Матханова Е. И. Серия «Полярная звезда». К возобновлению издания // Гуманит. науки в Сибири. Сер. Отеч. ист. 2003. № 2. С. 99.

Задача расширения источниковой базы решалась и в другом иркутском серийном издании – «Сибирь и декабристы», также иницированном С. Ф. Ковалем. Здесь был специальный раздел «Неизданные материалы», в котором увидели свет письма Н. В. Басаргина, А. Е. Розена, И. И. Горбачевского, И. И. Пушина, Н. И. Тургенева, жен декабристов шефу жандармов Бенкендорфу, записка К. П. Торсона «Взгляд на изобретение и распространение машин», воспоминания внучки сибирской жены Н. А. Крюкова П. М. Сайловой, письма А. И. Герцена З. С. и Н. Д. Свербеевым. Находка последних в Иркутском областном архиве (три совершенно неизвестных автографа и четвертый, известный до того лишь в списках), сделанная Ковалем в середине 1980-х гг., стала в определенном смысле сенсацией и для декабристоведов, и для исследователей деятельности и творчества издателя и редактора «Колокола» и «Полярной звезды»¹.

В 1982 и 1991–1992 гг. в Восточно-Сибирском книжном издательстве вышли сборники статей корифеев советского декабристоведа М. В. Нечкиной и М. К. Азадовского². В них вошли как ранние работы авторов (1920-е гг.), так и исследования периода их расцвета (1950-е). Инициатором и этих публикаций был С. Ф. Коваль. В его планы входило также выпустить в этой «спутниковой серии», как он ее называл, декабристские труды сибирских историков Б. Г. Кубалова и Ф. А. Кудрявцева. Тем самым, считал он, работы исследователей, ставшие библиографической редкостью, станут доступны новым поколениям и профессионалов, и краеведов-любителей, позволят и избежать некоторых ошибок прошлого, и построить более основательный фундамент для дальнейшей разработки проблемы «Декабристы в Сибири». Кроме того, работы прошлого, по мнению историка, сами со временем становятся источниками, неоценимыми при создании полного и всестороннего исследования самой истории изучения этой проблемы. Это еще одна задача, которую он по-

¹ Коваль С. Ф. Из архива Н. Д. Свербеева. Письма А. И. Герцена // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 203–216.

² Нечкина М. В. О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов. Иркутск, 1982; Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991–1992. Кн. 1–2.

ставил перед своими коллегами и которая, к сожалению, не решена до сих пор.

Традицию документальных публикаций продолжили издания Иркутского музея декабристов¹. В двух выпусках «Декабристского кольца» были напечатаны письма С. Г. Волконского, А. П. и М. К. Юшневских, Е. И. Трубецкой и неизвестная статья Б. Г. Кубалова «С. Б. Броневский и его донос 1837 г.», машинописная копия которой хранится в Иркутском областном архиве. Серия «Польско-сибирская библиотека», также издаваемая музеем, представила воспоминания ссыльных поляков, находившихся на поселении в Иркутской губернии. Особенно интересны для иркутских историков воспоминания Ю. Сабиньского, посвященные декабристам. Несколько лет, проведенных в семье Волконских, когда он готовил будущего товарища министра просвещения и члена Государственного совета к поступлению в гимназию, позволили ему запечатлеть на страницах своего дневника немало подробностей урицкого и иркутского периодов их жизни: круг друзей, официальных и неформальных знакомых, отношение к ним властей, участие в общественной жизни города, бытовые условия. Это не только может служить дополнительным источником для научных исследований, но и оказать практическую помощь в деятельности музея.

Большой интерес представляет и новое начинание музея – иллюстрированная библиотека серии «Полярная звезда». Общеизвестно, что многие декабристы и их близкие были неплохими рисовальщиками. Сделанные ими рисунки также являются своеобразным источником. Таков красноярский альбом семьи В. Л. Давыдова². Карандашные и акварельные зарисовки его детей Елизаветы и Василия дают представление о жизни семьи декабриста в Красноярске.

¹ Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., пер., вступл., предисл., коммент. Б. С. Шостаковича. Иркутск, 2009; Декабристское кольцо : вестн. Иркут. музея декабристов. Вып. 1. Иркутск, 2011; Декабристское кольцо : вестн. Иркут. музея декабристов. Вып. 2. Иркутск, 2014; Сабиньский Ю. Сибирский дневник. В 2 т. Иркутск, 2014. Т. 1; 2015. Т. 2.

² Комарова Т. С. О невозвратном, но былом: Красноярский альбом семьи декабриста В. Л. Давыдова. Иркутск, 2012. 104 с.

Ценность вводимых в научный оборот новых источников заключается не только и не столько в их количестве и конкретных сведениях. В них, по справедливому замечанию С. В. Житомирской, за «первым слоем, который всегда привлекал преимущественное внимание... лежат другие, еще не тронутые слои – источники просто не заподозренные в своей причастности к истории движения декабристов... а за ними еще более глубокие слои документов эпохи, не использованные, главным образом потому, что историки не научились пока обращаться к ним новые вопросы»¹.

Расширение круга источников позволило иркутским историкам активизировать изучение сибирской ссылки декабристов. Более того, в последней четверти XX в. именно Иркутск стал центром этих исследований благодаря относительно регулярно выпуску сборников «Сибирь и декабристы»². Декабристские материалы печатались также в университетском сборнике «Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)» (позднее переименован – «Сибирская ссылка») и научно-популярном иллюстрированном журнале «Земля Иркутская». С 2011 г. издается вестник Иркутского музея декабристов «Декабристское кольцо».

Эти издания объединили представителей не только разных регионов страны, но и разных специальностей, что позволило раскрыть новые, порой совершенно неожиданные аспекты деятельности декабристов в ссылке, например, в геологии, архитектуре или археологии³⁵⁰. По-прежнему большое внимание уделя-

¹ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 38.

² Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1; 1981. Вып. 2; 1983. Вып. 3; 1985. Вып. 4; 1988. Вып. 5.

³ Кодан С. В. К истории петровского каземата для декабристов // Сибирь и декабристы. Вып. 2. С. 77–92; Он же. Декабристы в Петровском Заводе. Донесение жандарма Ф. Кильчевского // Сибирь и декабристы. Вып. 4. С. 246–252; Он же. Сибирская ссылка декабристов: Историко-юридическое исследование. Иркутск, 1983; Кодан С. В. Ссылные дворянские революционеры в сибирских политических процессах // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.): сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Щербаков. Иркутск, 1983. Вып. 8. С. 70–82; Дамешек Л. М., Кодан С. В. Система контроля за перепиской ссылных дворянских революционеров в Сибири (1826–1856 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири ... Вып. 9. С. 171–187; Кодан С. В., Шостакович Б. С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.) // Ссылные революционеры в Сибири ... Вып. 12.

лось условиям жизни ссыльных дворян, однако теперь акцент переносится с бытовой стороны на анализ правовой ее основы¹⁵¹. Существенный вклад в разработку этой проблемы внес тогда еще иркутский историк права С. В. Кодан. Его работы отличает очень удачное сочетание как исторической, так и юридической сторон исследуемой проблемы. Это в равной мере относится и к рассмотрению контроля за перепиской «государственных преступников», и жесткого пресечения продолжения антиправительственной деятельности декабристов в условиях ссылки (заговор И. И. Сухинова, побеги солдат-декабристов, публицистика М. С. Лунина и П. Ф. Выгодского), и организации, мотивов и политических задач амнистии 1856 г. Своеобразным подведением итогов стала его совместная с Б. С. Шостаковичем статья «Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия (1825–1861 гг.)», в которой раскрывается не только становление отдельных элементов института политической ссылки, но и эволюция его как системного метода борьбы с нарастающим в стране оппозиционным движением. Не случайно в последующих работах, посвященных эволюции пенитенциарной системы и статуса политической ссылки, опыт наказания декабристов признается началом этого процесса.

Рассматривались в статьях иркутских историков проблемы взаимоотношений декабристов с представителями центральной и региональной администрации, различными категориями местного населения, новыми поколениями политических ссыльных. В

С. 82–94; Шахеров В. П. Декабрист В. И. Штейнгейль и вопросы совершенствования уголовного и гражданского законодательства в России // Сибирская ссылка. Вып. 5(17). С. 90–108; Перцева Т. А., Подольская Л. Я. Амнистия декабристов: политический, правовой и нравственный аспекты // Сибирь и декабристы. Вып. 6. С. 212–230.

¹ Шостакович Б. С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири ... Вып. 1. С. 243–292; Он же. О дружественных связях декабристов с политическими ссыльными-поляками // Ссыльные революционеры в Сибири ... Вып. 4. С. 3–31; Полунина Н. «Совершенный купец» // Земля Иркутская, 1996, № 5; Кузнецова Е. Н. Н. Муравьев и декабристы // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 8–19; Дулов А. В. Петрашевы в Сибири. Иркутск, 1996; Перцева Т. А. Декабристы и генерал-губернаторы Восточной Сибири: столкновение имперских, региональных и личностных интересов // Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения генерал-губернатора Вост. Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. Иркутск, 2010. С. 118–127; Корочкина И. А. Декабристы и Амурский вопрос // Там же. С. 134–143.

биографических очерках этого времени все большее внимание начинают уделять мировоззренческим вопросам, анализу социально-экономических, политических, философских взглядов Н. А. Бестужева, В. И. Штейнгейля, М. С. Лунина, М. А. Фонвизина и др.¹. Не уходил из сферы внимания иркутских исследователей и краеведческий аспект. Яркими представителями этого направления были Н. М. Полунина, Е. А. Ячменёв, А. Н. Гаращенко².

Существенно расширявшаяся источниковая база и накопленный исследовательский материал позволили ведущему иркутскому декабристоведу этого периода С. Ф. Ковалю выйти на новый уровень – анализа эволюции мировоззрения декабристов после поражения восстания 1825 г.³. В результате автор приходит к выводу: «Признание самими декабристами ошибочности тактики военной революции и неполное, половинчатое, но все-таки признание роли народа в революционных преобразованиях должно оцениваться как первый шаг на пути от декабризма, дворянской революционности к революционному демократизму, разночинской революционности. Это совсем не зависит от того, сделан ли этот шаг до конца и всеми или не всеми декабристами. Движение это было трудным, сложным и противоречивым, но

¹ Шахеров В. П. Декабрист В. И. Штейнгейль и его творческое наследие // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 3–61; Коваль С. Ф. Декабрист Николай Александрович Бестужев // Бестужев Н. А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 3–94; Коноплев Н. С. Декабризм и его теоретик М. П. Фонвизин: К постановке вопроса // Сибирь и декабристы. Вып. 5. С. 8–15; Перцева Т. А. О времени и причинах перехода М. С. Лунина в католичество // Сибирь и декабристы. Вып. 5. С. 16–31 и др.

² Полунина Н. М. Декабристы в Иркутске (1845–1856 гг.) // Памяти декабристов: (К 150-летию со дня восстания). Иркутск, 1975. С. 7–20; Она же. Историко-мемориальная реконструкция Иркутска времен декабристов // Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск, 1988. С. 52–64; Ячменёв Е. Дом Трубецких в Иркутске // Земля Иркутская. 2006. № 1(29). С. 35–38; Он же. Дом Волконских в Иркутске // Земля Иркутская. 2006. № 3(31). С. 55–67; Перцева Т. А. Музейное строительство Евгения Ячменёва // Изв. ИГУ. Сер. История. 2012. № 2(3), ч. 2. С. 170–195; Гаращенко А. Н. Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // Декабристское кольцо. Вып. 1. С. 74–115.

³ Коваль С. Ф. Декабристы в Сибири: Некоторые итоги и задачи исследований // Сибирь и декабристы : сб. ст. Вып. 1. С. 20–27; Он же. Об эволюции взглядов декабристов в Сибири (К постановке вопроса) // Сибирь и декабристы : сб. ст. Вып. 2. С. 6–22; Он же. Декабристы в Сибири (К историографии темы) // Сибирь и декабристы. Вып. 4. С. 177–194; Он же. Декабристы и современность // Декабристы: Их время и люди. Улан-Удэ, 2001. С. 5–10; Он же. Декабристы в Сибири: «За» и «против» революционного пути // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 223–229.

оно было... Стать же заурядным либералом, думаю, никто из декабристов не стал, да и не мог стать. Для того надо было совершить невозможное: стать ренегатом, отказаться от декабристских убеждений, изменить молодости и друзьям, бросить вызов новым поколениям борцов, шедших на смену. Законсервироваться же в декабризме, отстать от развития общественно-политической мысли вполне можно было. Вероятно, эту «консервацию» декабризма на новом этапе освободительной мысли и революционного движения и воспринимают некоторые исследователи как либерализм. Но это явно ошибочная квалификация идейных и общественных позиций даже таких декабристов»¹.

Изменения, произошедшие в стране в 90-е гг. XX в., сказались и на состоянии исторической науки. Разрушились связи ученых, сократились возможности для публикаций, встреч и обмена мнениями, в науку вместо партийных догматов стали вторгаться конъюнктурные интересы самых различных группировок ставшего моментально многополярным внешнего мира, подчас место документально аргументированных доказательств заняли журналистские эпатаж и сенсационность. Разумеется, нельзя отрицать определенной идеологической предвзятости при изучении декабристской темы в советский период. История декабристов действительно изрядно мифологизирована. Правда, следует оговориться, что мифологизированы и многие другие люди и события истории нашего Отечества. Более того, осознанно или неосознанно, за полтора века (не только в советское время, начался этот процесс гораздо раньше) история эта отлакирована до глянца, в блеске которого теряются отдельные детали и личностные особенности. Известно, что реставрация художественного полотна требует времени, кропотливости и тщательности. Только осторожно снимая слой за слоем скопившиеся за годы подчистки, поправки, загрязнения, следы подновлений, можно добраться до первоначального творения и оценить замысел творца. То же и с историей: слишком часто музу Клио заставляли служить сиюминутным интересам сильных мира сего. Думается, настало время не воевать со своим прошлым, а признать его за данность, нравится оно нам или нет. Нужно не бороться с ним, забрасывая его грязью или отмывая до зеркального блеска, не

¹ Коваль С. Ф. Об эволюции взглядов декабристов в Сибири. С. 21–22.

творить новый миф, а извлекать уроки, к чему, собственно, призывали еще мудрецы древности: *Historia – magistra vita est*.

Иркутские декабристоведеды заняли именно эту позицию, и обосновал ее их старейшина, С. Ф. Коваль. Он не отметал полностью то новое в декабристоведении, что пришло с новыми временами. Он лишь предлагал не «сразу взорвать» все созданное прежде, не отказываться от всего наследия из-за того, что там может оказаться что-то устарелое, неверное и даже вредное, не ниспровергать «авторитеты прошлого». Иркутский историк считал, что необходимо «проанализировать историографию темы «Декабристы в Сибири», имеющую уже более чем вековую историю, чтобы уяснить, прекратил ли декабризм свое существование после 14 декабря или нет»¹.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Составить библиографический список декабристоведческих работ Б. Г. Кубалова.
2. Составить библиографический список декабристоведческих работ М. К. Азадовского.
3. Составить библиографический список декабристоведческих работ С. Ф. Ковалья.
4. Написать аннотацию на один из томов серии «Полярная звезда» (28 томов).
5. Написать аннотацию на один из сборников «Сибирь и декабристы» (6 выпусков).
6. Написать аннотацию на один из выпусков вестника Иркутского музея декабристов «Декабристское кольцо» (2 выпуска).
7. Составить библиографический список иркутских изданий, посвященных одному из декабристов, поселенных в Иркутской губернии.
8. Нанести на контурную карту Иркутской области места, в которых находились на поселении декабристы. Указать издания, которые помогли это сделать.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. В 2 т. Т. 1 / М. К. Азадовский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. – 496 с.

¹ Коваль С. Ф. Чем не устраивает история декабризма некоторых историков? // Земля иркутская. 2002. № 2. С. 83.

2. Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. В 2 т. Т. 2 / М. К. Азадовский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. – 432 с.
3. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 1 / Г. С. Батеньков. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 528 с.
4. Батеньков Г. С. Сочинения и письма. В 2 т. Т. 2 / Г. С. Батеньков. – Иркутск : Мемориал. музей декабристов, 2015. – 740 с.
5. Бестужев Н. А. Сочинения и письма / Н. А. Бестужев. – Иркутск : Мемориал. музей декабристов, 2003. – 752 с.
6. Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов.– Иркутск : Иркут. музей декабристов, 2011–2014. – Вып. 1–2.
7. Коваль С. Ф. Декабрист В. Ф. Раевский / С. Ф. Коваль. – Иркутск : Облгиз, 1951. – 132 с.
8. Коваль С. Ф. Чем не устраивает история декабризма некоторых историков? // Земля Иркутская. – 2002. – № 2. – С. 82–84.
9. Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов: Историко-юридическое исследование) / С. В. Кодан. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 284 с.
10. Комарова Т. С. О невозвратном, но былом: Красноярский альбом семьи декабриста В. Л. Давыдова / Т. С. Комарова. – Иркутск : Артиздат, 2012. – 104 с.
11. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири / Б. Г. Кубалов. – [Иркутск] : Изд. Иркут. губерн. Архивбюро, 1925. – 216 с.
12. Кудрявцев В. А. Иркутск: Очерки по истории города / В. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск, 1971. – 436 с.
13. Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. Т. 2. Кн. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 674 с.
14. Литературное наследство. Т. 60. Декабристы-литераторы. Т. 2. Кн. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 463 с.
15. Лунин М. С. Сочинения, письма, документы / М. С. Лунин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 576 с.
16. Муравьев А. Н. Сочинения и письма / А. Н. Муравьев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986. – 448 с.
17. Муханов П. А. Сочинения, письма / П. А. Муханов. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. – 496 с.
18. Нечкина М. В. Несколько слов о сибирском трехтомнике: Вместо предисловия // В сердцах Отечества сынов: Декабристы в Сибири. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975. – С. 7–9.
19. Поджио А. В. Записки, письма / А. В. Поджио. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 592 с.
20. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Документы о революционной деятельности и судебном процессе / В. Ф. Раевский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 416 с.

21. Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / В. Ф. Раевский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – 544 с.

22. Сабиньский Ю. Сибирский дневник. В 2 т. – Иркутск : Артиздат, 2014. – Т. 1. – 812 с. ; 2015. – Т. 2. – 840 с.

23. Сибирь и декабристы. Иркутск : Иркут. музей декабристов, 1978. – Вып. 1; 1981. – Вып. 2; 1983 – Вып. 3; 1985. – Вып. 4; 1988 – Вып. 5.

24. Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки / С. П. Трубецкой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. – 416 с.

25. Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / С. П. Трубецкой. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 608 с.

26. Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма / М. А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 480 с.

27. Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения / М. А. Фонвизин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. – 432 с.

28. Штейнгель В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма / В. И. Штейнгель. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. – 608 с.

ОЧЕРК 7

Историография ясачного режима в Сибири¹

Внутренняя политика Российской империи давно привлекает внимание исследователей. Однако не все аспекты правительственного курса получили равномерное освещение в литературе. Исследования в большинстве своем фокусировались на проблемах и истории органов власти, реформаторских потугах государства, их идеологах и ряде других проблем. Не забывалось, естественно, и общественное движение в различных его проявлениях. Лишь в последнее время появился цикл исторических исследований, посвященных окраинной политике империи, проблемам взаимодействия русского и других этносов в рамках единого государства и единой политической системы. Между тем на огромных пространствах России (в начале XX в. – свыше 22 млн кв. верст) нерусское население составляло большинство – около 55 % населения. Инкорпорация этого многоконфессионального, разнокультурного и разноязыкового многомиллионного населения в административное, экономическое, социокультурное пространство империи было отнюдь не простой задачей для петербургских властей, которая на окраинах государства значительно осложнялась фактором существования сопредельных, зачастую недружественных государств. Не случайно на территории Российской империи исторически сложились несколько типов управления окраинами. Именно поэтому изучение как частных, так и концептуальных вопросов истории России требует регионального измерения, а исследование внутривнутриполитических сюжетов должно вестись с учетом внешнеполитических факторов, национального и религиозного компонентов.

¹ Автор: Л. М. Дамешек.

Присоединение Сибири к России привело к включению в состав русского государства около 30 различных народностей, что еще более усилило многонациональный характер государства. Феодалное государство объявило себя сувереном и верховным собственником сибирских земель, а коренные жители края были обложены ясаком, который являлся выражением даннических отношений аборигенов к русскому царю.

По мере упрочения отношений между Сибирью и Россией происходит постепенное втягивание аборигенов в систему общерусских государственных связей. Этот процесс сопровождался не только существенными изменениями в социально-экономическом укладе, культурной и духовной жизни народов Сибири, но и распространением на них довольно широкого круга податных обязанностей.

К началу XIX столетия по форме подати и налоги народов Сибири делились на денежные и натуральные. По назначению в тогдашней финансово-административной практике они подразделялись на казенные, или государственные, земские и местные. Однако наиболее характерной формой эксплуатации народов Сибири был ясак¹.

В русской дореволюционной историографии ясак и ясачная политика по существу не являлись предметом специального изучения. Лишь в некоторых работах эти сюжеты освещались главным образом в связи с рассмотрением вопросов колонизации и организации управления Сибирью, притом преимущественно в публицистическом плане. Типичным примером в этом отношении является работа известного сибирского писателя и одного из идеологов сибирского областничества С. С. Шашкова «Сибирские инородцы в XIX столетии», в которой дается анализ деятельности второй ясачной комиссии в Западной Сибири². В советской исторической литературе проблемы податей и повинностей коренного населения рассматриваются преимущественно в плане влияния обложения на экономическое и социальное положение этих народов. История же ясачной политики как самостоятельная тема изучена менее подробно. Между тем, как совер-

¹ ПСЗ-1. Т. 38, № 29126. § 286.

² Шашков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии. Исторические этюды. СПб., 1872. Т. 2. С. 282.

шенно справедливо указывал Г. П. Жидков, именно ясак являлся основной формой эксплуатации коренного населения Сибири.

Предлагаемый вниманию читателя очерк не ставит целью освещение всей литературы о ясаке и ясачном режиме, тем более что такой обзор для начального периода колонизации Сибири уже имеется в советской историографии¹. Цель нашего очерка – отметить наиболее крупные историографические исследования, освещающие ясачную политику правительства на протяжении всего периода с конца XVIII до начала XXI столетия. В то же время совершенно необходимо указать на труды предшествующих исследователей вопроса, которые хотя и посвящены более раннему в хронологическом отношении этапу, но имеют принципиальное значение для понимания сущности и особенностей ясачного режима в последующий период. В этой связи следует отметить значение работ первого декана историко-филологического факультета и заведующего кафедрой русской истории Иргосуна В. И. Огородникова. Интерес к истории ясачной политики для Огородникова стал своего рода производной от изучения Сибири в целом². Положение народов Сибири В. И. Огородников связывает прежде всего с теми задачами внутренней политики, которые ставило самодержавие. В XVII в. политика русской верховной власти, указывает автор, была подчинена задачам закрепления инородцев в составе русского государства и обеспечению бездоимочного сбора ясака. Признавая справедливым это положение, отметим, что В. И. Огородников смягчает ясачную политику царизма, считая ясачную подать «не особенно значительной», а способы ее сбора не обременительными для коренных жителей. Это утверждение противоречит не только известным фактам, но и опровергается другим замечанием В. И. Огородникова о сравнительно редком соответствии ясачного оклада «действительной платежеспособности инородцев»³.

Большой интерес представляет статья С. В. Бахрушина «Ясак в Сибири в XVII в.», опубликованная еще в 1927 г. В ней

¹ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972. С. 3–34.

² Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920. 289 с.

³ Огородников В. И. Из истории инородческих волнений в Сибири // Вестн. просвещения. Чита, 1922. Кн. 1. С. 2.

автор основное внимание сосредоточил на изучении форм и методов сбора ясака в Сибири в XVII в. Хотя указанная статья посвящена изучению ясачной политики на ранних этапах колонизации Сибири, однако ее основные положения и выводы применимы для характеристики и последующего периода.

С. В. Бахрушин справедливо указал, что ясак не являлся новинкой в этих краях, а «существовал... в Сибири задолго до присоединения к России». Дань, которую выплачивали поставленные в кыштымскую зависимость племена народностей края, не отличалась принципиально от ясачной подати в XVII в. «Присоединяя страны, подвластные недавно монгольским и татарским завоевателям, русские государи просто... перевели на себя ясаки, до тех пор уплачиваемые их предшественникам». В Сибири «в целом ряде случаев русские власти в сборе ясака непосредственно сменили предшествовавших монголо-тюркских завоевателей или местных князцов». Русский ясак органически вырос из тех ясаков и алманов, которые русские нашли в Сибири. Процесс установления единой формы ясака в XVII в. в Сибири еще не был завершен. По форме и приемам взыскания ясак, указывал С. В. Бахрушин, «не был чем-то одинаковым и однородным во всех уездах и волостях». (Это положение в определенной степени применимо и для более позднего периода.)

Существовало два вида ясака – окладной и неокладной, что вполне соответствовало тогдашней практике сбора ясака. При окладном ясаке размер дани точно фиксировался. Под неокладным С. В. Бахрушин подразумевал случайный ясак, когда сборщики брали «что принесут», ясак, поступление которого невозможно было предугадать.

Социально-экономическую сущность ясака С. В. Бахрушин определяет как дань. «Ясак – это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, в отличие от добровольного приношения – «поминок» – по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю»¹. В XVII в. народы Сибири еще только втягивались в систему общерусских государственных связей, становились «подданными» государства, поэтому определение ясака как дани для начала XVII в. является вполне справедли-

¹ Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–51, 58–59.

вым. В дальнейшем социально-экономический характер ясака изменился, что, однако, не было прослежено С. В. Бахрушиным. Некоторые положения С. В. Бахрушина нельзя признать правильными. К ним относится тезис о «легкости» перехода народов Сибири от одного господина к другому. В целом же статья С. В. Бахрушина является ценным и хорошо документированным исследованием по истории ясачной политики на ранних этапах освоения сибирских пространств. От нее отталкивались последующие исследователи вопроса.

Специально посвящена политике самодержавия на восточных окраинах империи монография С. Б. Окуня «Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае». Достоинством исследования является стремление автора увязать присоединение Камчатки с изменением способа производства у ее населения. С. Б. Окунь указывает, что с приходом русских усиливается развитие товарно-денежных отношений, возникает имущественное неравенство. Большое внимание автор уделил вопросам христианизации камчадалов, отметив некоторые особенности распространения православия в этом районе, выразившиеся в попытках правительства воспрепятствовать массовой христианизации. Эту особенность правительственного курса С. Б. Окунь объясняет стремлением самодержавия сохранить общий объем ясака, так как крещение инородцев сопровождалось освобождением от уплаты ясачной подати. Причину распространения массовой христианизации С. Б. Окунь видит в утрате Камчаткой роли основного поставщика ясака. Исследователь рассматривает ясак как личный доход дома Романовых, отмечая при этом, что с 1783 г. (указ Екатерины II «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1783 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему») пушнина приобретает «династический характер»¹. Таким образом, С. Б. Окунь явился первым исследователем, высказавшим мысль о принадлежности ясака не государству как верховному собственнику сибирских земель, а императорскому Кабинету как совладельцу этой собственности. Автор, правда, не указал, отразил ли екатерининский указ уже ранее сложившуюся практику поступления

¹ Окунь С. Б. Очерки колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 25–35, 102–110.

сибирского ясака в кассу Кабинета или это было принципиальное новшество. Это небезынтересное, с нашей точки зрения, обстоятельство не меняет оценки оригинальных суждений ученого. Следует лишь сожалеть о том, что эти высказывания не были подкреплены серьезным фактическим обоснованием и не развиты в других работах автора. Очевидно, поэтому на них не обратили внимания последующие исследователи вопроса.

В 1940-е и 1950-е гг. усилия исследователей направлялись на разработку проблем социально-экономической истории, без которой невозможно было развитие марксистской концепции истории Сибири. Особенно весомый вклад в их изучение внес В. И. Шунков, труды которого не только положили начало научному изучению истории сибирского крестьянства, но и позволили по-новому оценить результаты русской колонизации Сибири в области торговли, промыслов и промышленности.

Ясачную политику В. И. Шунков, как и С. В. Бахрушин, рассматривал на материалах преимущественно XVII столетия. Он обращал внимание, что на протяжении всего XVII в. ясак, являвшийся основной формой эксплуатации местного населения Сибири, «носил первоначально черты военной добычи – дани». Вслед за С. В. Бахрушиным В. И. Шунков отмечал, что «ясак не был новостью для населения Сибири». «Для известной части сибирских народов, – указывал он, – подчинение русскому государству означало лишь смену господства». Думается, что это несколько упрощенное толкование последствий присоединения народов Сибири к России.

В. И. Шунков считал, что в конце XVII в. ясак трансформируется в государственный доход, т. е. становится рентой. «Ясак, – писал он, – сближался с обычной для русского государства податью как повинность, отбываемая с земли, «с ясачных вотчин». Оценивая ясачную политику правительства, В. И. Шунков отмечает оскудение ясачных плательщиков, наметившееся уже к концу XVII в.: «Ясак требовал значительного напряжения примитивного хозяйства обьясаченного населения»¹. В целом же нужно отметить, что в 40–50-е гг. вопросы внутренней политики

¹ Шунков В. И. Эксплуатация Сибири царизмом // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 854, 857.

управления и реформ затрагивались или мимоходом, или в общих трудах по истории отдельных народов Сибири.

Некоторые аспекты правительственного курса в отношении коренных народов края нашли отражение в монографии Ф. А. Кудрявцева. Автор рассматривал историю бурят не изолированно от истории русского и других народов Сибири, в чем несомненное достоинство его работы. Ф. А. Кудрявцев дал общий обзор положения Восточной Сибири в первой половине XIX в., основное внимание уделив проблемам экономического развития и социальных отношений у бурят. Историк поднял вопрос об изменениях в хозяйстве бурят и причинах этих изменений в первой половине XIX в., особо выделив значение развития земледелия и перехода от кочевого быта к оседлости. Вопросы внутренней политики, в том числе и ясачной, освещены им в меньшей степени. Ф. А. Кудрявцев указывал, что «различие в платеже ясака объясняется раскладкой внутри родов по степени зажиточности». Накопление ясачных недоимок автор справедливо объяснял несоответствием ясачных окладов уровню платежеспособности аборигенов¹.

В 1951 г. появилась монография известного специалиста в области исторической географии В. В. Покшишевского, в которой на основании обширного фактического материала дается обобщающий очерк заселения Сибири в XVI–XX вв. Исследование В. В. Покшишевского для нас интересно тем, что автор указывает на прямую связь между формами и методами сбора ясака в первоначальный период колонизации Сибири и задачами первоначального накопления капитала. «Формы освоения пушных богатств Сибири, – пишет автор, – грабеж и объясачивание коренного населения как нельзя более характерны для эпохи первоначального накопления».

Вместе с тем для В. В. Покшишевского характерен дифференцированный подход к проблеме взаимоотношения русского крестьянства и представителей служилой верхушки с коренным населением. Отмечая историческую общность судеб коренного и русского населения Сибири, автор характеризует податную политику самодержавия как грабительскую, указывает на обезземеливание аборигенов и старожилов во второй половине XIX в.

¹ Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. М. ; Л., 1940. С. 136.

«История Сибири, – пишет исследователь, – дает немало примеров самой беззастенчивой эксплуатации служилой верхушкой как коренных народностей Сибири, так и попадавшего в Сибирь простого русского люда»¹. Такой подход, на наш взгляд, является плодотворным и заслуживает внимания исследователей. Вопросы, связанные с изучением некоторых аспектов ясачной политики царизма в первой половине XIX в., нашли отражение в статьях Л. И. Светличной. Рассматривая вопрос о реформе М. М. Сперанского в Сибири, Л. И. Светличная указывает, что основной предпосылкой ее послужила необходимость повышения платежеспособности коренного населения. По ее данным, в 1819 г. народы Сибири выплатили казне 992 941 руб. различных сборов. «Недоимки составляли третью часть сборов... «Иностранцы» превращались в неоплатных должников», – пишет исследователь.

Подтверждение этой мысли Л. И. Светличная ищет в «Уставе об управлении инородцев», указывая, что «устав Сперанского должен был ликвидировать создавшееся положение, поднять платежеспособность «инородцев». Добиться этого Сперанский попытался путем «реформирования всех сторон жизни коренных народов, почему Устав касался не только экономической стороны, но и административной, судебной, культурно-бытовой».

Л. И. Светличная не согласна с утверждением С. В. Бахрушина о том, что авторы «Устава» стремились к сохранению самобытности народов Сибири. По ее мнению, мероприятия М. М. Сперанского объективно должны были ослабить их родовое устройство, поощрить элементы нового, приравнять народы Сибири к русскому населению.

Вместе с тем автор указывает на противоречивость замыслов М. М. Сперанского, отразившихся в «Уставе». «Устав» Сперанского есть попытка, говорит исследователь, «не изменяя основ военно-феодальной эксплуатации, содействовать развитию в хозяйствах коренных народов Сибири новых начал, которые в то время едва-едва обозначились. Эта противоречивость Устава, естественно, обрекла на неудачу и его слабо выраженные прогрессивные элементы». Наблюдения Л. И. Светличной представляют несомненный интерес. Следует, однако, признать, что некоторые положения автора кажутся неубедительными. Вызыва-

¹ Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 26.

ет, например, сомнение тезис об упадке платежеспособности сибирского населения как главной причине реформы 1822 г., тем более что Л. И. Светличная почти не подкрепляет его фактическим материалом. Не случайно сведения о недоимках приводятся только за 1819 г. Неясным остается и положение о военно-феодалных методах эксплуатации Сибири. Видимо, исследователь недостаточно учитывает своеобразие колониального положения Сибири в первой четверти XIX в., перенося на этот период черты более позднего времени. Вместе с тем, несмотря на недостаточную аргументированность отдельных положений, исследования Л. И. Светличной отличаются нешаблонным подходом¹.

В последующие годы советское сибиреведение пополнилось несколькими монографиями по истории отдельных народов края, посвященными в основном вопросам социально-экономического развития. Принципиальное значение для разработки темы имеют исследования, в которых рассматривается проблема развития капиталистических отношений в пореформенный период. Однако и в данном случае вопросы ясачной политики в общесибирском масштабе не являлись предметом специального изучения. Интересующая нас тема представлена главным образом отдельными статьями или небольшими очерками, посвященными исследованию смежных вопросов. Следует также отметить, что ясачная политика рассматривается на материале дореформенной Сибири.

В этом плане необходимо назвать статью Е. М. Залкинда, посвященную исследованию ясачной политики царизма в Бурятии в XVIII – первой половине XIX в. Достоинством этой работы является стремление автора увязать ясачную политику царизма с развитием товарно-денежных отношений в хозяйстве бурят. Тенденцию перевода ясака в денежную форму, наметившуюся еще в XVIII в., Е. М. Залкинд справедливо объясняет развитием товарно-денежных отношений у бурят. С этих же позиций рассматривает исследователь и принцип свободной торговли с инородцами, введенный «Уставом» 1822 г. «Средневековая по существу запретительная система была несовместима с экономической жизнью России того времени». Втягивание «хозяйства аборигенов в более широкие рыночные связи было явлением исто-

¹Светличная Л. И. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. ТГПИ. Тюмень, 1957. Вып. 1. С. 62, 71–72.

рически прогрессивным», – пишет Е. М. Залкинд. Особенный интерес представляет постановка исследователем вопроса о социально-экономической сущности ясака. Е. М. Залкинд, как и С. В. Бахрушин, считает, что в «середине XVII в. ясак носил характер дани». В дальнейшем, указывает он, «с развитием русского государства и новыми целями его политики на восточных окраинах ясачная подать претерпела значительные изменения». В XIX в. ясак, по мнению Е. М. Залкинда, «уже стал не чем иным, как феодальной рентой самому царю». Историк считает, что ясак не был государственной податью, а полностью поступал в кассу Кабинета, «т. е. являлся личным доходом дома Романовых». Здесь следует заметить, что редакция сборника «Сибирь периода феодализма», в котором опубликована статья Е. М. Залкинда, не согласилась безоговорочно с этой точкой зрения. В примечании от редакции говорится, что «взгляд автора на ясак» как на «личный доход дома Романовых», противопоставление ясака государственным податям и интересов царской фамилии интересам государственного казначейства является спорным». Однако ни сам Е. М. Залкинд, ни авторы примечания не привели сколько-нибудь убедительных аргументов в поддержку своей точки зрения. Думается, что от авторов примечания этого и нельзя было требовать. Что же касается Е. М. Залкинда, то одну из причин этого, возможно, следует видеть в том, что он исследовал ясачную политику на материалах локального региона и в сравнительно узких хронологических рамках. Ясачная политика царизма пореформенного периода осталась за пределами внимания ученого¹.

Весомым вкладом в изучение проблем освоения дальневосточных окраин явилась монография В. А. Александрова, в которой автор высказал ряд принципиальных замечаний по поводу ясачной политики царизма во второй половине XVII в. Рассматривая ясачный режим, В. А. Александров отмечал, что «феодальные повинности коренного местного населения определялись ясачным режимом, основу которого составляла рента, уплачиваемая государству за пользование различными угодиями». Представляется, что определение ясака как государственного

¹ Залкинд Е. М. Ясачная политика царизма в Бурятии в XVII – первой половине XIX в. // Сибирь периода феодализма. Экономика, управление и культура Сибири XVII–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 243, 245.

дохода для второй половины XVII в. является справедливым. В. А. Александров обоснованно указывает и на обременительность ясачного обложения, отмечая, что «вся тяжесть ясачного режима падала на широкие слои местного населения». Методологически верно его высказывание о неантагонистичности социальных структур русского и коренного населения Сибири (оно, кстати, содержится и в работах других исследователей, например Ю. С. Булыгина). Несмотря на то, пишет В. А. Александров, что «из-за низкого уровня развития производительных сил яsak сплошь и рядом становился тяжелой повинностью для местного населения», «ясачные люди видели в русском подданстве определенные положительные стороны и вовсе не желали его лишиться». В русском подданстве местное население видело «единственную возможность сохранить свое существование», – заключает В. А. Александров¹.

Исследованию ясачной политики царизма на Чукотке посвящена статья С. П. Нефедьевой, достоинством которой является стремление автора проследить развитие ясачного режима с учетом своеобразного положения Чукотки в составе Российской империи в XVII–XIX вв. Значительное внимание С. П. Нефедьева уделяет вопросам колонизации этой отдаленной окраины России, прослеживает взаимоотношения русского и коренного населения. Справедливым следует признать ее утверждение о том, что «принудительный сбор ясака в большинстве случаев явно не соответствовал производительности охотничьего промысла»². К сожалению, этот вывод не подтверждается сколько-нибудь серьезным фактическим обоснованием. Характеристика социально-экономической сущности ясака как дани является справедливой для XVII и отчасти – XVIII в. В XIX в. характер ясачной подати был уже иным. Однако С. П. Нефедьева не прослеживает это изменение, хотя хронологические рамки ее исследования охватывают и XIX столетие.

Среди специальных исследований, посвященных вопросам ясачной политики, несомненного внимания заслуживает статья

¹ Александров В. А. Россия на Дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 15.

² Нефедьева С. П. Ясачная политика царизма на Чукотке XVII–XIX вв. // Зап. Чукот. краевед. музея. Магадан, 1967. Вып. 4. С. 33.

А. Н. Копылова, написанная на материалах Томского уезда первой трети XVIII в. А. Н. Копылов прежде всего уточнил определение социально-экономической сущности ясака, справедливо отметив, что ясак «в условиях позднефеодального государства постепенно трансформировался в феодальную ренту». Обращает на себя внимание замечание А. Н. Копылова о том, что «для обобщающих выводов и раскрытия практического многообразия осуществления ясачной политики царизма в Сибири» необходимо вовлечь в научный оборот новые материалы в общесибирском масштабе.

Автор стремится увязать вопрос о принципах ясачного обложения народов Сибири с общими целями правительственной политики в отношении аборигенов. А. Н. Копылов отмечает, что в XVII и начале XVIII в. в Сибири существовали две формы обложения инородцев ясаком – породовая и поголовная. К осуществлению этих принципов на практике правительство подходило осторожно и дифференцированно, пытаясь учитывать конкретную ситуацию. Несомненным достоинством статьи является предпринятая автором попытка дать периодизацию ясачной политики царизма в XVII–XVIII вв. В качестве важнейшего этапа А. Н. Копылов, как и Е. М. Залкинд, называет первую ясачную комиссию (1763–1769 гг.), которая «внесла важные изменения в ясачное обложение и порядок сбора ясака»¹. Признавая справедливость этого положения, следует отметить, что его правомерность и обоснованность разделяются отнюдь не всеми исследователями. Так, например, Н. А. Миненко считает, что в результате работы комиссий Щербачева «никакой серьезной перестройки в ясачном обложении не произошло», а были введены лишь «некоторые частные новшества». Доказательство этого положения Н. А. Миненко видит в том, что на практике комиссия Щербачева «уклонялась... от данной ей инструкции» и вела не породовой, а поголовный принцип обложения аборигенов ясаком. Не случайной, по-видимому, является ссылка автора монографии на члена Кабинета Н. Всеволожского, который в 1839 г. подверг резкой критике действия первой ясачной комиссии именно за это отступление от инструкции. В данном случае Н. А. Миненко,

¹ Копылов А. Н. К вопросу о принципе ясачного обложения и порядке сбора ясака в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 1. 1969. № 1. С. 59–60.

несомненно, права. Действительно, комиссии Щербачева не удалось полностью выполнить наказ Екатерины II о введении породного принципа сбора ясака. В некоторых случаях и после комиссии Щербачева ясак собирали методом поголовного обложения. С этими фактами и столкнулась Н. А. Миненко, рассматривая ясачную политику в Северном Приобье. Стремление выявить особенности действия первой ясачной комиссии в этом конкретном регионе – бесспорно, положительная сторона исследования Е. А. Миненко. Однако вряд ли правомерно распространять на всю Сибирь положения и выводы, хотя и справедливые, но сделанные на основе изучения небольшой ее части. Хорошо известно, что в районах Восточной Сибири деятельность первой ясачной комиссии имела свои особенности. Автор склонна недооценивать сам факт возведения в ранг государственной политики принципа породовой раскладки ясака, что надолго предопределило судьбу ясачного режима в Сибири. На наш взгляд, Н. А. Миненко недостаточно полно учитывает и некоторые другие реальные последствия действия первой ясачной комиссии: отмену аманатства, упразднение неокладного ясака и др.

Хочется обратить внимание и на то обстоятельство, что инструкция Щербачеву по сути дела впервые содержала четкое определение возраста ясачных плательщиков – от 18 до 50 лет. Это указывает не только на стремление правительства вовлечь в ясачные платежи все работоспособное мужское население, но и на более решительные шаги самодержавия в попытках окончательно закрепить сибирских аборигенов в системе общерусских государственных связей, с одной стороны, и на упрочение связей между Сибирью и Россией – с другой. Поэтому тезис о «частных новшествах», используемый Н. А. Миненко в качестве критерия для оценки работы первой ясачной комиссии, представляется нам малоубедительным.

В монографии Н. А. Миненко рассматривается и деятельность второй ясачной комиссии 1827–1835 гг. В связи с основной темой исследования автор, по-видимому, не смогла уделить этому вопросу особого внимания. Тем не менее Н. А. Миненко убедительно показывает нежизненность надежд правительства на увеличение ясачных поступлений натурой, отмечая при этом, что в первой половине XIX в. «процесс коммутации ясака на территории Северо-Западной Сибири получил значительное развитие».

Н. А. Миненко предприняла попытку рассмотреть и некоторые другие аспекты правительственного курса в отношении народов края. Обращают на себя внимание вопросы, связанные с оценкой роли и значения распространения христианства среди аборигенов, организации управления народами края, и некоторые другие. Не все выводы автора по рассматриваемым проблемам представляются нам совершенно бесспорными. Тем не менее нельзя не признать, что исследование Н. А. Миненко является первой работой советского историка, в которой предпринята попытка рассмотреть в совокупности некоторые направления правительственной политики в отношении народов Сибири. Такой подход, безусловно, является плодотворным и заслуживает внимания ученых¹.

Н. Г. Апполова исследовала вопрос о состоянии ясачных волостей в Прииртышье в XVI–XVII вв. Автор характеризует действия ясачных сборщиков как грабительские, уделяя основное внимание вопросам взаимоотношения русского и коренного населения. Исследователь подчеркивает, что уже в XVII в. правительство освобождало от уплаты ясака крещеных инородцев. Во взаимоотношениях с крещеными аборигенами «фискальные задачи правительства отступали на второй план», — указывает Н. Г. Апполова².

Вопросы взаимоотношения социальных структур русского и аборигенного населения Сибири нашли отражение в работе А. А. Преображенского. На основе изучения большого фактического материала автор сделал совершенно правильный вывод «о неантагонистичности встретившихся на восточных окраинах социальных отношений русского и коренного населения». А. А. Преображенский указывает на общность отношений и интересов угнетенного русского и туземного населения, что проявлялось в различных областях жизни³.

Вопросы, связанные с изучением некоторых аспектов ясачной политики во второй половине XIX и начале XX в., нашли

¹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 243, 260, 261.

² Апполова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой трети XIX в. М., 1976. С. 104.

³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. : монография. М., 1972. С. 167–168.

отражение в оригинальном и хорошо документированном исследовании Г. П. Жидкова. Автор отмечает, что в начале XX в. «ясак по своему обличению» являлся «пережитком даннических отношений сибирских аборигенов к русскому царю». Г. П. Жидков рассматривает ясачную подать как собственность российской короны. Он указывает, что ясак «по экономическому содержанию в кабинетский период являлся формой земельной ренты», а «кабинетские доходы покоились на самой архаичной форме феодальной эксплуатации». Идея о коронной принадлежности ясака в исследовании Г. П. Жидкова не получила дальнейшего развития. Возможно, это объясняется тем, что автор сосредоточил свое внимание на изучении других вопросов. Заметим также, что вопросы ясачной политики Г. П. Жидков рассматривает на примере кабинетских земель, охватывающих территорию Алтайского и Нерчинского округов. Между тем большая часть коренного населения Сибири проживала на землях, принадлежащих государству. Вопросы, связанные с формированием ясачной политики царизма в общесибирском масштабе, остались вне поля зрения автора¹.

Вывод Г. П. Жидкова о принадлежности ясака императорскому Кабинету разделяет Л. М. Горюшкин, автор крупного исследования по истории развития аграрных отношений в Сибири периода империализма. Рассматривая вопрос о развитии и характере земельной собственности в Сибири, он указывает, что Кабинет как совладелец земель взимал ясак с кочевых народов Сибири вплоть до 1917 г.²

В середине 70-х гг. XX в. были опубликованы первые научные статьи по истории ясачной политики³, составившие основу кандидатской диссертации Л. М. Дамешека, защищенную в диссертационном совете Иркутского государственного университета в 1974 г. Источниковую базу этих первых, еще аспирантских статей представляли материалы второй ясачной комиссии и се-

¹ Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917): автореф.... дис. д-ра ист. наук. Новосибирск, 1969. С. 22.

² Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск, 1976. С. 250, 256.

³ Дамешек Л. М. Ясачная комиссия 1827–1835 гг. в Восточной Сибири // Сиб. ист. сб. Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 3–21; Он же. Ясачная политика царизма в Сибири по материалам ревизии И. Н. Толстого // Сиб. ист. сб. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 77–99.

наторской ревизии Толстого, введенные в научный оборот впервые. Тогда же в фондах ЦГИА (впоследствии РГИА) автор обнаружил обширный комплекс материалов по истории ясачной политики, охватывающий Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области Сибири в хронологическом отношении вплоть до 1917 г. Это была несомненная творческая удача. Конечно, успеху способствовало хорошее знание автором основ царского делопроизводства и истории развития царского законодательства в отношении народов Сибири. Последующий анализ обнаруженных архивных материалов убедил исследователя в правоте избранного историко-правового аспекта темы изучения как одного из компонентов научной методологии автора¹, с одной стороны, в необходимости компаративного анализа характера окраинной политики империи, в том числе сравнения с общемировой практикой, – с другой, а в более широком плане – что сама по себе ясачная политика является одним из проявлений взаимоотношений центра и региона в императорской России, проблемы, которая на сегодня остается одной из наиболее актуальных для современного государственного строительства Российской Федерации. Именно с этих методологических позиций была написана первая монография Л. М. Дамешка, посвященная именно изучению ясачной политики самодержавия² в Сибири, и ряд последующих его монографий³.

¹ Дамешек Л. М. Народы Сибири в законодательном механизме империи // Мир Центральной Азии. История. Социология : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2002. Т. 2, ч. 1. С. 69–73; Он же. Об экономической сущности и юридической принадлежности сибирского ясака на рубеже веков // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского автономного округа в XX в. Иркутск, 2002. С. 189–190; Он же. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России XIX – начале XX в. : материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 105–108.

² Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1983. 137 с. Рец. : Taylor P. R. // Amer. hist. rew. Wash., 1986. Vol. 94. N 4. P. 965.

³ Дамешек Л. М. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.; Региональная власть и общественность Сибири XIX – начала XX в. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. Иркутск, 2007. 256 с.; Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. Иркутск, 2007. 320 с.; Он же. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Palmarium Akademik LAP LAMBERT Akademik Publishing GmbH 8 Co. KG Heinrich – Bochkinh – Str. 8, Publishing is a trademark of: 66121 Saarbruchkn, Germanu. 441 с.

В середине 90-х гг. XX в. и в начале XXI столетия отечественное сибиреведение вышел ряд крупных работ как по истории Сибири в целом, так и по истории отдельных регионов Азиатской России. Этому способствовали становление отличных от традиционного марксизма методологических принципов и появление новых методов исторических исследований, вовлечение в научный оборот ранее неизвестных комплексов источников, обостренный интерес широкой общественности к истории «своих регионов», знакомство с достижениями западноевропейской историографии. Первой по времени появилась широко на сегодня цитируемая книга «Сибирь в составе Российской империи»¹, подготовленная известными «досоветчиками» ведущих сибирских университетов. Книга замышлялась как составная часть лекционного курса, посвященного истории окраин Российской империи. К сожалению, тот интересный замысел и на сегодня реализован лишь частично, а вместо курса лекций были написаны монографии². Тем не менее отметим, что, в отличие от большинства сибиреведческих работ, данная монография целиком посвящена изучению правительственной политики в Сибири, а в двух главах из десяти речь идет именно об инородческом вопросе. Ясак рассматривается как личный доход имперского Кабинета, сохранивший свое самостоятельное значение в денежных доходах коронного ведомства до 1917 г. Спустя четыре года была опубликована трехтомная история Бурятии, лучшее, на наш взгляд, исследование по истории этого стратегически важного для России края³. Почти одновременно с этим вышло издание по истории Иркутской губернии, подготовленное коллективом преподавателей исторического факультета ИГУ⁴. В этих работах приводятся фактические и обобщающие сведения, статистические данные по истории ясачной политики самодержавия в регионе.

Разумеется, изучение одного вопроса в рамках коллективного труда имеет свои плюсы и минусы, определенные характером такого издания. Вряд ли от создателей коллективной работы

¹ Сибирь в составе Российской империи ...

² Северный Кавказ в составе Российской империи ...; Западные окраины Российской империи ...

³ История Бурятии. Т. 2. XVII–XX вв. Улан-Удэ, 2011. 619 с.

⁴ Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн [и др.]; гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск, 2012. 880 с.

можно требовать монографического освещения одного, пусть даже весьма значимого, но все же отдельного вопроса. Тем не менее данные исследования совершенно отчетливо свидетельствуют, что изучение политики самодержавия в отношении народов Сибири, в том числе и ясачной политики как одной из ее составляющих, должно вестись на основе анализа окраинной политики империи в целом, а политика самодержавия в Сибири являлась составной частью внутренней политики империи. Теперь, после выхода в свет принципиально важных исследований И. А. Асалханова, А. П. Бородавкина, Л. М. Горюшкина, Л. Ф. Складярова, В. А. Степынина, Е. И. Соловьевой, В. Г. Тюкавкина¹, А. Т. Топчего, Ю. М. Гончарова, В. П. Зиновьева, Н. П. Матхановой, А. В. Ремнева, М. В. Шиловского, других авторов и ряда крупных коллективных² работ, время для монографической разработки избранной нами темы с учетом широкого компаративно-го анализа окраинной политики империи вполне назрело.

Итак, предшествующие исследователи вопроса достигли определенных успехов в изучении ясачной политики самодержавия в Сибири. Тема ясачной политики входит в историческую литературу в связи с изучением начального периода колонизации Сибири, конца XVI – начала XVIII в. Рассматривая вопросы заселения и освоения Сибири, исследователи не могли не коснуться проблемы взаимоотношения местного населения с русской государственной властью, в том числе и ясачной политики царизма. Можно считать, что на сегодняшний день некоторые аспекты интересующей нас темы нашли достаточно полное освещение в литературе. Это относится главным образом к вопросам

¹ Складяров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1968. 558 с.; Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962. 561 с.; Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963. 494 с.; Он же. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975. 265 с.; Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 470 с.; Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири ... 342 с.; Соловьева Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981. 326 с.

² Работы указанных авторов посвящены изучению различных аспектов государственной политики в Азиатской России: административной, экономической, социальной и др.

приема и методам сбора ясака в XVI – начале XVIII в., способам раскладки ясачной подати и ее социально-экономическому характеру.

Значительно меньше изучена ясачная политика самодержавия в XIX в., особенно во второй его половине. Укажем для примера, что еще слабо прослеживается связь между формированием ясачного режима в пореформенный период и аграрной политикой самодержавия. В литературе практически отсутствуют сведения о попытках переложения ясачной подати на землю и о проектах замены ясака другими видами податного обложения. Остается пока невыясненным вопрос об эволюции социально-экономической сущности ясака в XIX в. и др.

Изучение ясачной политики самодержавия в Сибири должно проводиться, на наш взгляд, с учетом всех аспектов правительственного курса в отношении нерусских народов края: аграрной политики, организации управления, русификаторских тенденций и др. Только комплексное рассмотрение всех основных направлений политики империи в отношении коренного населения Сибири позволит понять сущность и самого ясачного режима, вскрыть формы и методы эксплуатации аборигенов края со стороны абсолютной монархии и связанного с ней общественного строя.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что такое ясак?
2. Как вы понимаете выражение «ясачная политика»?
3. Назовите наиболее крупные, с вашей точки зрения, историко-графические явления проблемы.
4. В каких обобщающих работах исследуется ясачная политика самодержавия?
5. В каких архивных фондах наиболее полно отложились материалы по истории ясачного сбора в Сибири?
6. Дайте определения таким сословным категориям населения, как «ясачные иноземцы», «ясачные иноверцы», «инородцы».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. – 494 с.

2. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Вост.-Сиб. издат. компания, 2007. – 320 с.

3. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн [и др.]; гл. ред. Л. М. Дамешек. – Иркутск : ВостСибкнига, 2012. – 880 с.

4. Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XX столетия. Ч. 1. Введение. История дорусской Сибири / В. И. Огородников. – Иркутск : [б. и.], 1920. – 289 с.

5. Огородников В. И. Из истории инородческих волнений в Сибири // Вестн. просвещения / В. И. Огородников. – Чита : [б. и.], 1922. – Кн. 1. – 124 с.

6. Региональная власть и общественность Сибири XIX – начала XX в. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Даниленко. – Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. – 256 с.

7. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 470 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уважаемый читатель! Прочтение этой книги (учебного пособия), как надеются ее авторы – преподаватели кафедры истории России ИГУ, убедило Вас в том, что отечественное и отчасти зарубежное сибиреведение достигло несомненных успехов в осмыслении историографического материала по целому ряду узловых проблем истории Сибири. Это касается вопросов выстраивания взаимоотношений имперского центра и окраин России, организации управления и административного устройства огромного зауральского края, городского самоуправления, истории ссылки, ясачного режима и ряда других проблем. Однако не будет большим преувеличением сказать, что с точки зрения формирования целостной концепции историографии Сибири мы еще в начале пути. Целые группы фактов и даже направления развития исторической мысли сибиреведов остаются слабо изученными и требуют дополнительного осмысления. Авторы пособия – профессора и доценты кафедры истории России ИГУ будут вполне удовлетворены тем, если высказанные в этой книге мысли побудят бакалавров и магистров истфака ИГУ, равно как и других университетов Сибири, обратиться к самостоятельному изучению этой проблемы. Все вышесказанное будет способствовать принципиальному приращению наших знаний об истории Сибири, неразрывной и составной части Российского государства.

Учебное издание

Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начало XX в.)

Дамешек Лев Михайлович,
Дамешек Ирина Львовна,
Шахеров Виктор Петрович
и др.

Редактор *В. В. Попова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2017. Поз. 8
Подписано в печать 18.02.2017. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 14,0. Усл.-печ. л. 16,4. Тираж 100 экз. Заказ 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36